БРЯЧЕСЛАВ ГАЛИМОВ

ВОКРУГ ТЮДОРОВ.
ЭПОХА ПЕРЕМЕН
И ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ

МАРИЯ СТЮАРТ, СОПЕРНИЦА ЕЛИЗАВЕТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман «Мария Стюарт, соперница Елизаветы» является завершающим в авторской трилогии под названием «Вокруг Тюдоров. Эпоха перемен и время страстей». Мария Стюарт или Елизавета – кому из них будет принадлежать корона Англии? Кто заслуживает славу и почет, а кому уготована незавидная участь? Почему Елизавета отважилась принять жестокое решение? Противостояние двух незаурядных женщин, подковерные интриги и прочие страсти описываются автором с захватывающими подробностями. В трилогию Б. Галимова входят также следующие романы: «Измена Анны Болейн королю Генриху VIII» и «Заговор Елизаветы против ее сестры Марии Тюдор». Под пером Брячеслава Галимова сухие исторические факты приобретают совсем иное художественное воплощение.

- Брячеслав Галимов
  - Часть 1. Посольский приём
  - Часть 2. Тихий замок
  - Часть 3. Придворный театр
  - Часть 4. Тайное послание
  - Часть 5. Смертный приговор
  - Эпилог

Брячеслав Галимов
Книга 3
МАРИЯ СТЮАРТ, СОПЕРНИЦА ЕЛИЗАВЕТЫ

Часть 1. Посольский приём

– Нет, я не надену накрахмаленную нижнюю юбку! Только шёлковую, – говорила Елизавета главной хранительнице королевского гардероба. – Да, крахмал хорошо поддерживает форму одежды; да, нам не требуется много времени на одевание, – но сколько других хлопот возникает с этими накрахмаленными вещами! Малейшее соприкосновение может оказаться губительным для накрахмаленной юбки, а на ветру она надувается, как парус, и трепещет, как свивальник… Шёлковую юбку, будьте любезны, она приятнее и удобнее. Шёлковую юбку с серебряным шитьем… Шёлк лёгок, как нежное прикосновение руки, он трепещет и изгибается, подобно девичьему стану в объятиях милого друга, – не так ли, дитя моё? – с улыбкой прибавила королева, обращаясь к своей любимой фрейлине Джейн.

– Вы правы, мадам, – отвечала она, – шёлк очень приятен для тела.

– А насчёт милого друга? – продолжала улыбаться королева.

– Вы смущаете меня, мадам.

– Ну, ну, моя дорогая! – королева потрепала её по щеке. – Когда же нам посплетничать, как не за утренним одеванием? Тут все свои и мы можем не опасаться, что наши маленькие секреты станут известны двору… Что твой молодой джентльмен? Его зовут Энтони, кажется? Он тебе нравится, признайся?

– Но мадам, я не думала… – отвечала Джейн, но королева прервала её:

– Нижнее платье тоже шёлковое, белое, – сказала она главной хранительнице гардероба. – С серебром и синими камнями из Персии, – как они называются? Забыла…

– Так тебе нравится твой Энтони? – повернулась королева к фрейлине.

– Он вовсе не мой, мадам, – возразила Джейн.

– Да? Напрасно. Мужчины, которые нам нравятся, должны быть всецело нашими. Для этого не надо прилагать больших усилий, – ведь мужчины по природе своей удивительно просты и бесхитростны, и мы можем делать с ними всё что угодно. Просто мы, женщины, превозносим мужчин не по заслугам, а особенно тех, кого любим, – это у нас в крови… Верхнее платье из бархата, будьте любезны, – сказала королева главной хранительнице гардероба. – Нет, не это! Оно не подойдет к фижмам, в нём менее четырёх футов ширины, – его надо продать. За него можно назначить хорошую цену, правда? Платье, которое носила

Елизавета, Божьей милостью правительница Англии, не может стоить дёшево. А мне дайте другое, из красного бархата, прошитое золотой нитью. Да, да, это, оно сшито по новой моде: с буфами на плечах, с жёстким лифом и глубоким декольте… Глубокое декольте необходимо для дам, не отмеченных красотой, – с усмешкой произнесла королева, глядя на Джейн. – Оно притягивает взгляд мужчин, заставляя их забыть о наших недостатках.

– Но мадам…

– Не спорь со мной, моя милая. Мы с тобою некрасивы и знаем это. Ну и пусть себе красавицы, вроде моей кузины Марии, выставляют напоказ свою природную прелесть, которая досталась им даром и которой они не умеют толком распорядиться. А мы владеем настоящим искусством обольщения, и оно настолько же выше незатейливого обаяния красавиц, насколько звучный стих поэта выше грубой речи простолюдина… Ты читаешь по латыни, Дженни?

– Плохо, мадам.

– Надо учиться, дорогуша. Гораций, Вергилий, Овидий – боже, какое совершенство, какая глубина! Но помимо мудрых мыслей ты найдёшь в книгах древних авторов множество забавных и трогательных историй, вызывающих как слёзы, так и смех.

Очень хороша также французская литература. Читала ли ты Клемана Маро? Превосходный был поэт, с независимым умом, с пылким и горячим воображением, – а язык его образен и ярок. Маргарита Наваррская выпестовала Маро при своём дворе, – нет, это не жена нашего славного повесы Генриха, который тратит на своих любовниц деньги, что мы посылаем ему на борьбу с Католической лигой герцога Гиза. Мой астролог уверяет меня, что Генрих станет королем Франции, великим королем, и я не удивлена – Бог мой, у французов всё может быть! Представляю его на престоле, – что за комическое зрелище! – рассмеялась Елизавета. – Хотя следует признать, что сражается он храбро, да и народ его любит, как нам докладывают, – во всяком случае, не меньше, чем Генриха Гиза, и больше, чем Генриха Валуа, которого во Франции никто уже не считает королём. Пусть Господь поможет нашему Генриху, – в конце концов, не зря же мы потратили на него горы золота… Ай, ты уколола меня! – вскрикнула Елизавета, оттолкнув камеристку. – Надо быть осторожнее, когда одеваешь королеву!

– Мадам, ваше величество, – засуетились вокруг Елизаветы другие камеристки, – сейчас мы уберём булавку. Вот так. Позвольте продолжать?

– Конечно, продолжайте, – или вы хотите, чтобы я вышла к послу полуголой?… О чём мы говорили? – Елизавета посмотрела на Джейн.

– О Генрихе Наваррском, мадам.

– Да, о Генрихе. Его ветреную жену зовут Маргаритой, но такое же имя носила его достойнейшая бабушка. Она была католичкой, однако протестанты находили защиту и покровительство при её дворе. Так и должно быть, – не гнать же нам от себя иноверцев, если они приносят пользу стране? Мой отец, король Генрих – Царствие ему Небесное! – после разрыва с Римом убивал у нас католиков; моя старшая сестра, королева Мария – упокой, Господи, её душу! – убивала протестантов, – а у меня исправно служат и те, и другие… У Маргариты Наваррской был дар привечать таланты: многие поэты, литераторы, ученые стали известными благодаря ей, и Клеман Маро – один из них. Вот послушай, что он написал, когда в Лувре поставили статую Венеры:

Взгляните на мое прекраснейшее тело:
Я та, что яблоком раздора овладела.
Но чтобы сохранить божественную стать,
Обильных яств и вин не смею я вкушать.
Простите, сир, что я бесчувственна сверх меры:
Венера холодна без Вакха и Цереры.

Тонко подмечено, правда? Мы не можем позволить себе излишеств в еде и питье, дабы не утратить стройность фигуры, но подобные ограничения делают нас вялыми, слабыми и холодными, как лёд. Какое ужасное сочетание: прекрасное тело, божественная стать – и бесчувственность! Быть может, оно подходит для мраморной статуи, но не для живой женщины из плоти и крови.

– К вам это замечание не относится, мадам. Вы ни в чём не ограничиваете себя, но вашей фигуре завидуют все молодые девушки при дворе, – сказала Джейн.

– Мне постоянно твердят это, – улыбнулась довольная Елизавета. – Мой отец был очень тучным, в старости он еле-еле ходил, а я, как видишь, не такая. Наверное, я пошла в мать, но я плохо помню её: всего несколько эпизодов детства, какие-то игры, обрывки разговоров. Бедная леди Анна – она вознеслась на вершину власти вопреки своему желанию, а погибла вопреки своему положению. Когда её привели на место казни, она сказала: «Я прощаюсь с миром и от всего сердца прошу вас молиться за меня». После этого она упала на колени и до последнего

повторяла: «Иисус, прими мою душу». Придворные сочинили историю, что леди Анна простила моего отца перед смертью, и даже приписывают ей льстивые слова о нём, сказанные на эшафоте, – но это неправда. Я знаю, что она не простила его: не отказывая себе в праве на любовь, он лишил этого права мою мать. Он отнял у неё жизнь, а достаточно было низвести леди Анну с престола. Обида была слишком велика, а как говорила Маргарита Наваррская: «Обида имеет больше власти над женщиной, чем даже любовь, особенно если у этой женщины благородное и гордое сердце». Боже, даруй вечное блаженство Анне Болейн в твоих райских садах!.. Туфли с острыми носками и на высоком каблуке, – обратилась Елизавета к хранительнице гардероба. – Тупоносые туфли, которые так любила моя сестра Мария, мне кажутся уродливыми; хорошо, что мода на них прошла. И позовите моего парикмахера и хранителя драгоценностей… Так тебе Энтони пришёлся по сердцу? – Елизавета тронула фрейлину за подбородок.

– Я ещё не знаю, мадам.

– Ещё не знаешь? – прищурилась королева. – Да, наши симпатии бывают необъяснимыми и непредсказуемыми. Взять моего доброго, славного Дадли: я познакомилась с ним, когда ему было девять лет, а мне едва минуло восемь. Мы подружились и много времени проводили вместе, но по-настоящему он стал мне дорог позднее, гораздо позднее.

– Вы говорите о графе Лестере? – переспросила Джейн, испугавшись чего-то.

– Да, теперь он граф Лестер, а тогда был просто Дадли… Но почему ты встрепенулась? А, ты вспомнила о его первой жене: у нас до сих пор болтают, что он сломал ей шею! Мой Дадли, мой добрый Дадли сломал её шею, – что за чушь! – сухо рассмеялась Елизавета. – Да он и цыплёнку шею свернуть не сможет; если в чём и можно упрекнуть его, так это в нерешительности. Как установили врачи, его жена страдала от неизлечимой болезни, при которой кости становятся такими хрупкими, что ломаются при малейшем сотрясении, даже при ходьбе. Бедняжка оступилась на лестнице и рассыпалась, как разбитая фарфоровая чашка… Зачем Дадли убивать свою жену? Чтобы жениться на мне? Но мне не нужен муж: я обручена с Англией, я умру девственницей, не нарушив этого великого обета! – последние слова королева произнесла громко, на весь зал.

– Ваше величество! – присели в поклоне фрейлины и камеристки.

– Ты думаешь, я не могла удержать Дадли от этого брака, – не могла удержать и от второй женитьбы? – сказала королева уже

тише. – Могла. Но я боялась его настойчивости, – он так сильно хотел, чтобы я стала его супругой, а мне было трудно противиться этим уговорам, я была сама к нему неравнодушна. Однако в наших отношениях никогда не было ничего вульгарного, какие бы сплетни не ходили при дворе. Я готова одаривать мужчин своим вниманием, если они того заслуживают, своими ласками, если мне этого хочется, – но не более того. Повторяю, я навсегда останусь девственницей, и ни один мужчина на свете не познает меня! А Дадли, граф Лестер… Что же он был, есть и будет моим хорошим верным другом. Сейчас появился ещё кое-кто… Но, т-с-с, идёт француз, парикмахер…

– Ну, как, ваше величество? – спросил парикмахер, закончив свою работу. – По-моему, вы очаровательны. Бриллиантовые подвески на ваших золотистых волосах озаряют сиянием всё вокруг.

– На рыжих, на рыжих волосах, месье! – улыбнулась Елизавета. – Такими они были у моего отца, покойного короля Генриха, такие они и у меня. Мне нечего стыдиться этого. Причёской я довольна, однако, может быть, её следует дополнить сеткой с золотой, нитью? А поверх надеть шапочку из ярко-красного бархата, – такого же, как платье, – и украсить белым пером?

– Ваше величество, разрешите мне почтительно возразить вам! – воскликнул парикмахер, приложив руки к груди. – Ваша высокая причёска «en raduette» придаёт вам роста, между тем, сетка и шапочка на волосах отнимут его у вас. Если вы соблаговолите прислушаться к моему совету, я бы оставил всё как есть.

– А ты что скажешь, Дженни? – обратилась королева к фрейлине.

– Я согласна с месье парикмахером, мадам. Вы неотразимы и привлекательны в этом уборе, – восхищенно произнесла Джейн.

– Когда женщина хвалит женщину, это подозрительно, – королева бросила быстрый взгляд на неё.

– Мадам! – вспыхнула Джейн.

– Я пошутила, моя дорогая. Я не сомневаюсь в твоей искренности… Что же, месье, припудрите, как следует, мои волосы и на лицо наложите слой пудры погуще; не забудьте прорисовать сосуды, чтобы подчеркнуть прозрачность кожи. Помаду на губы нанесите цвета сочной вишни; на щеках сделайте живой румянец, а родинки и мушки не ставьте, они мне не подходят. Перчаток не надо, – все утверждают, что у меня очень красивые руки.

– Это правда, мадам, – в один голос сказали парикмахер и

Джейн.

– Пусть господин посол удивится, когда королева выйдет к нему без перчаток. Но перстни я надену самые богатые, – да, да, вот эти, вы правильно выбрали их, милорд, – похвалила Елизавета хранителя королевских драгоценностей. – А какие духи вы мне посоветуете, месье? – спросила она парикмахера.

– «Дамасскую розу» и ничего другого! – вскричал парикмахер. – Немного за уши, немного на грудь. Если пожелаете, можно прикрепить ещё к поясу вашего платья флакончик с египетским мускусом. Это придаст особую пикантность запаху «дамасской розы», но не перебьёт её аромат.

– Ладно, так и поступим… Что же, заканчивайте поскорее, месье, – близится назначенный для приёма час. Не хотелось бы мне обижать господина посла ожиданием, – на губах Елизаветы промелькнула тонкая усмешка.

* * *

Придворные Елизаветы недоумевали, зачем их вызвали в Тронный зал: переговоры её величества с послом были секретным делом и велись обычно в присутствии наиболее приближенных к Елизавете лиц, но сегодня здесь было слишком много народа.

– Её величество, королева Англии! – выкрикнул важный церемониймейстер, ударив тростью об пол.

Все опустились на колени и замерли; королева прошла к трону и заняла своё место.

Придворные поднялись, и по залу пронёсся шёпот: при Елизавете не было ни одной королевской регалии, а между тем, испанский посол прибыл во дворец с официальным визитом. Подобное пренебрежение этикетом могло означать одно их двух: либо Елизавета выказывает открытое пренебрежение послу, либо она, напротив, подчёркивает особо доверительные, дружественные отношения с ним. Последнее было маловероятным: все знали, что королева недолюбливает дона Бернардино, её возмущают интриги посла, направленные против неё, но ещё большее возмущение вызывает у Елизаветы политика испанского государя, которую тот ведёт в последнее время.

Назревал скандал. Придворные с нетерпением оглядывались на открытые главные двери зала и посматривали на стоящего около них церемониймейстера, который должен был известить о прибытии дона Бернардино. Наконец, церемониймейстер стукнул своей тростью и провозгласил:

– Его светлость дон Бернардино де Мендоса, полномочный

посол его величества Филиппа Второго, короля Испании, Португалии, Неаполя, Сицилии, Нидерландов, верховного сюзерена Священной Римской империи, короля Вест-Индии – и прочая, прочая, прочая!

Дон Бернардино вошёл в зал во главе своей свиты. Вид у него был надменный, губы презрительно сжаты, взгляд холоден. Покосившись на придворных Елизаветы, он на мгновение остановился, а потом дал знак своим свитским следовать за ним: если королева желает вести разговор при свидетелях, пусть будет так.

Посол прошествовал через весь зал, остановился перед тронным возвышением и поклонился королеве. Затем он поднял на неё глаза – и оцепенел. На голове Елизаветы не было короны, при королеве не было вообще никаких регалий, – мало того, её руки были обнажёнными, без перчаток! Лицо посла побагровело; он сделал движение, будто собираясь повернуться и уйти прочь, но сдержал себя и ровным голосом произнёс:

– Во здравии ли ваше величество?

– Благодарю вас, господин посол, – невозмутимо отвечала Елизавета. – А как здоровье вашего государя?

– Он здоров.

– А ваше здоровье?

– Оно могло быть лучше, если бы не постоянные заботы об укреплении союза между нашими странами, – сказал дон Бернардино, позволив себе выказать некоторое раздражение.

– Мы знаем, каковы они, эти ваши заботы, – с явной насмешкой проговорила королева.

– Я ценю ваше внимание, – смешался посол. – Но позвольте мне выполнить поручение моего государя, – сказал он через мгновение с прежней твёрдостью.

– Сделайте одолжение.

– Мой государь хотел бы получить разъяснения относительно некоторых действий вашего величества и ваших подданных, которые он полагает несовместимыми с отношениями союзников, коими считаются ваша и его державы, – строго и официально произнёс посол.

– Что же это за действия? – удивилась Елизавета.

– Я изложу по пунктам… Во-первых, вы поддерживаете врагов моего государя и врагов католической веры в Европе. В частности, деньгами и оружием вы помогаете мятежникам, которые восстали против нас и против святой римской церкви на Нижних Рейнских землях: в Голландии, Фландрии и прочих областях, по праву принадлежащих моему государю. Помимо этого, вы поддерживаете врагов апостолической веры в других странах,

например, во Франции, где вы снабжаете всем необходимым войско нечестивого Генриха, короля Наваррского, – беспутного, развратного и богомерзкого человека, продавшего свою душу дьяволу.

Мой государь не намерен терпеть бесцеремонное, ничем не оправданное вмешательство в дела его державы, а также подлинную войну против святой римской церкви, которую вы фактически ведёте. Отступничество от истинной веры, которое произошло у вас, при вашем отце короле Генрихе, достойно сожаления и не даёт вам повода для борьбы с апостолической церковью повсеместно. Должен вам напомнить, что мой государь, как и его достойные предки, является верховным покровителем римской церкви. Он не может допустить, – и не допустит! – её поругания, а тем более уничтожения истинной христианской веры, – дон Бернардино остановился, ожидая ответа Елизаветы.

Среди придворных прошло небольшое движение, десятки глаз устремились на королеву.

– Я внимательно слушаю вас, – бесстрастно сказала Елизавета.

– Во-вторых, – продолжал дон Бернардино, – ваши корабли постоянно нападают на наши суда, везущие груз из американских владений моего государя. Мало того, ваши подданные нападают и на наши города в Америке, разоряя и уничтожая их. В любой стране, по любым законам такие проступки называются пиратством и разбоем. Мой государь чрезвычайно поражён тем, что вы нисколько не стремитесь покарать преступников, – напротив, вы поощряете их к подобным злодеяниям и даже сами отправляете ваших подданных на разбой. Как это совместить с союзническими отношениями между нашими странами?

– Я вас слушаю, – повторила Елизавета.

– В-третьих, ваши агенты действуют при всех дворах Европы, даже в Московском царстве. Повсюду они привлекают людей, которые обеспечивают ваши интересы при этих дворах, в ущерб интересам других государств, в том числе интересам Испании. Ваши купцы всеми способами завладевают внешней торговлей и денежными потоками известных нам стран, не допуская к ним прочих купцов. Из-за этого казна моего государя не получает той прибыли, которую должна была бы получать, – и это тоже несовместимо с союзническими отношениями, – дон Бернардино оглянулся на своих советников, они согласно закивали головами.

– Я вас слушаю, господин посол, – окликнула его Елизавета.

– Последнее, четвёртое, – дон Бернардино сделал паузу. – Моего государя сильно беспокоит судьба вашей кузины, королевы Марии…

– Чем же она беспокоит его? – живо отозвалась Елизавета.

– Мой государь опасается, что поместив королеву Марию в заточение, вы можете причинить ей затем более существенный вред, – многозначительно проговорил дон Бернардино.

– Я не ослышалась, вы сказали «поместив в заточение»? – спросила Елизавета. – Помилуйте, господин посол, она умоляла нас, чтобы мы предоставили ей убежище! Несчастная женщина, первый муж которой умер, второй был убит, а третьему пришлось навсегда покинуть страну, – она, оказавшись без мужской поддержки, была так одинока… А я, всё-таки, её сестра, пусть и по линии дедушки, – к кому же было обратиться Марии, как не ко мне? Родственники должны помогать друг другу в беде.

– Однако вы всеми силами помогали её противникам в Шотландии, – возразил посол.

– Откуда у вас эти сведения? – с обидой воскликнула Елизавета. – Наоборот, я усмирила её противников. Они оставили мою сестру в покое, а её сына признали своим королём.

– Но вы заключили королеву Марию в замок.

– А вы бы хотели, чтобы я держала королеву на крестьянском дворе? Разве замок не подобает её положению? Она ни в чём не ведает нужды, живёт как подлинная королева, принимая гостей, устраивая пиры и театры. Иногда я просто завидую Марии, завидую её беззаботной жизни, – вздохнула Елизавета.

– Но вы приставили к ней стражу, – не унимался дон Бернардино.

– Охрану, господин посол, охрану! – поправила его Елизавета. – А как же иначе? Сколько людей было убито вокруг неё: муж, личный секретарь, другие достойные джентльмены, – а сколько раз жизнь самой Марии висела на волоске! Как же её не охранять?

– Так вы можете дать твёрдое обещание моему государю, что Марии ничего не угрожает? – спросил посол.

– От меня ей ничего не угрожает. Так можете и передать, – сказала Елизавета, выделив слово «от меня».

Придворные переглянулись и кто-то из них прошептал: «Велика милость королевы».

– Хорошо, с этим вопросом понятно, – согласился дон Бернардино. – А что по другим?

– Начну с третьего. Он – доказательство вашей слабости, – голос Елизаветы внезапно стал жёстким. – В чём вы нас обвиняете? В том, что мы более предприимчивы, более трудолюбивы, более изобретательны? Кто мешает подданным вашего государя добиться влияния при европейских дворах, привлечь на свою сторону нужных людей и обеспечить себе

преимущество в торговле? Мы с вами здесь в равных условиях, но мы идем вперёд, а вы отстаёте, – зачем же вы обвиняете в этом нас, а не себя? Или вы хотите, чтобы мы замедлили шаг, коли вы не можете идти быстро? Но в таком случае найдётся кто-нибудь ещё, кто обгонит и нас, и вас, кто не станет оглядываться на отстающих. Мы не хотим быть отстающими, поэтому останавливаться в угоду вам мы не будем, – и вы поступили бы точно так же, вырвавшись вперёд.

– Но… – хотел возразить посол.

– Я не закончила! – резко оборвала его Елизавета. – Второй вопрос – доказательство вашего лицемерия. Разве не вы с неимоверной алчностью рыскаете по всему свету в поисках золота? Разве не вы истребили целые народы, чтобы завладеть им? Разве не вы узаконили жажду лёгкой наживы, презрев тяжкий, но честный труд, завещанный нам Богом? Ваш пример оказался таким заразительным, что теперь тысячи и тысячи алчущих хотят за один час добыть столько богатств, сколько им не заработать за всю жизнь. Как я, слабая женщина, могу справиться со многими мужчинами, одержимыми идей быстрого обогащения? Мы издаём законы против пиратства, мы вешаем пиратов и разбойников, но их число не уменьшается. Сейчас есть лишь один способ одолеть разбой – взять его под контроль. Если бы я не сделала этого, ни один ваш корабль не смог бы благополучно вернуться домой и все ваши поселения в Америке были бы уже стёрты с лица земли, – можете не сомневаться!

– Но… – хотел возразить посол.

– Не сметь перебивать королеву! Я слушала вас внимательно! – крикнула Елизавета. – Первый ваш вопрос – доказательство вашего ханжества. Вы хотите уверить нас, что боретесь за святость, вы хотите доказать, что продолжаете дело Спасителя? Ваши слова просто чудовищны. Сколько христиан вы истребили, прикрываясь именем Христа? Когда Генрих Наваррский приехал в Париж на свою свадьбу, вы в одну ночь убили семь тысяч его сторонников, которые знали и почитали Евангелие лучше, чем ваши паписты, – а по всей Франции в течение следующих семи дней было убито двадцать тысяч протестантов.

Двадцать семь тысяч человек за неделю, – не в войне, не при нашествии свирепых турок, а в мирное время, в ходе безжалостной резни христиан – мужчин, женщин и детей, – которую вы устроили! И вы смеете после этого попрекать нас тем, что мы помогаем Генриху? Да если бы он был даже язычником, ему следовало бы помочь из одного лишь сострадания! Однако он не язычник, а истинный последователь учения Спасителя, – в

отличие от тупых и бесчеловечных Гизов, которым вы присылаете своих солдат и своё золото.

Можем ли мы не помогать ему, нашему брату по вере, можем ли мы не помогать и другим нашим братьям и сёстрам, которых вы уничтожаете так усердно, что земли Фландрии и Голландии, некогда процветающие, превратились благодаря вашим стараниям в безлюдную выжженную пустыню… Вы обвиняете нас во вмешательстве во внутренние дела вашего государя? – Елизавета зло улыбнулась. – Не вам об этом говорить! Вспомните, сколько заговоров вы устроили в нашей стране с тех пор как при короле Генрихе мы приняли евангелическую веру; скольких людей вы погубили, когда королева Мария отступила от этой веры, а ваш нынешний государь Филипп, бывший тогда её мужем, поощрял Марию к казням наших добрых протестантов!

Среди придворных при этих словах королевы раздались возмущенные восклицания. Дон Бернардино презрительно усмехнулся, не повернув головы в ту сторону.

– Да надо ли углубляться в прошлое, чтобы найти примеры вашего вероломства? – продолжала Елизавета. – Сколько заговоров вы лично устроили против меня, господин посол? Я знаю о трёх, но ведь их было больше? Вы пытались поднять против меня моих подданных, вызвать волнения в стране, свергнуть королеву и, возможно, убить её, – не так ли? Отвечайте!

Придворные Елизаветы зашумели и двинулись к послу. Люди из его свиты схватились за шпаги.

– Бернардино де Мендоса рожден не возбуждать волнение в странах, а завоевывать их! – гордо проговорил посол.

Елизавета подняла руку, призывая придворных к порядку.

– Вы можете оправдать своё предназначение где угодно, но не у нас, – сказала она, обращаясь к дону Бернардино. – Мы не хотим более видеть вас, извольте покинуть нашу страну.

– С большим удовольствием, – сквозь зубы процедил дон Бернардино. – Прикажете передать моему государю всё что вы сегодня говорили?

– Как вам будет угодно.

– Я передам ему ваши слова точь-в-точь, – с угрозой произнёс посол.

– Как вам будет угодно, – повторила Елизавета. – Я вас не задерживаю.

Посол коротко поклонился королеве, стремительно развернулся и пошёл к выходу из зала. Люди из его свиты поспешили за ним, по-прежнему держась за шпаги и озираясь по сторонам.

Подождав, когда испанцы выйдут, Елизавета встала с трона и

приказала всем удалиться.

– Сэр Уильям и сэр Френсис, задержитесь! – прибавила она. – Мне надо поговорить с вами. Пойдёмте в зал Совета.

* * *

Зал Королевского Совета был существенно перестроен за последние годы. При Генрихе здесь всё было проще и грубее: два громадных, топившихся толстенными бревнами камина стояли у внешней стены зала, трубы от них выходили на улицу прямо через эту стену; узкие и длинные, похожие на бойницы окна размещались высоко над полом, в их свинцовые рамы была вставлена слюда, которая даже в ясный летний полдень пропускала призрачный свет; гобелены, висевшие на трёх внутренних стенах, поражали своими гигантскими размерами, но рассмотреть что-либо на них было невозможно из-за многолетнего слоя копоти, – по той же причине нельзя было различить рисунки на потолке.

При Елизавете свинцовые рамы заменили на деревянные, вставив в них прозрачное венецианское стекло; камины переместили к внутренней стене, уменьшив их размеры и выведя трубы через потолок, – печники, достигшие значительного успеха в своём ремесле, теперь умели это делать, – кроме того, камины перестали коптить, что позволяло украсить зал, не боясь сажи. Потолок покрыли гипсовой лепниной с геометрическим фигурами и цветочным орнаментом; панелями из светлого дуба закрыли стены, а их стыки были спрятаны под изящными пилястрами; над порталом с креслом королевы был помещён расписанный яркими красками герб королевской династии, – на нём, в сине-белом поле переплелись в объятиях красного дракона алая и белая розы.

Этот герб избрал себе Генрих Седьмой, дедушка Елизаветы, первый король династии Тюдоров; он пришёл к власти после долгой междоусобицы, в которой одни дворяне сражались под знаком Алой розы, а другие – под знаком Белой. Оба враждующих лагеря воевали с таким усердием, что почти полностью истребили друг друга, а заодно до основания разорили страну. Дедушка Елизаветы сумел выплыть на волне этой смуты и добыть королевскую корону; злые языки утверждали, однако, что новый король происходит из рода свинопасов. Герб должен был опровергнуть эти сплетни: красный дракон был древним знаком рода Тюдоров, – этот род владел обширными землями в стране, когда тут ещё не было ни англов, ни саксов, ни норманнов;

а переплетённые в лапах дракона алая и белая розы напоминали о том, что знатные семейства Англии, дотоле смертельно враждовавшие друг с другом, примирились именно под властью Генриха Тюдора.

– Мой царственный брат Филипп хочет разорвать переплетённые розы, – сказала Елизавета, усаживаясь в обитое шёлком кресло и взглянув на герб. – А пуще того, ему хотелось бы сжечь их и развеять пепел по ветру. У него прямо страсть какая-то сжигать всё и всех.

Сэр Ульям позволил себе улыбнуться:

– Это болезнь, ваше величество.

– Вы думаете, милорд? – засмеялась Елизавета. – Может быть, может быть… Рассказывают, что будучи ребёнком, Филипп сжигал на кострах кошек и собак, – а когда вырос, принялся за людей. Однако по его виду не скажешь, что он жесток: у него приятная внешность, любезное обхождение, учтивая речь. Не говорю уже о его образованности: он перечитал все сколь-нибудь известные книги, знался с лучшими умами Европы, ему посвящали свои труды ученые и писатели. Помню, когда он женился на моей сестре Марии и приехал жить к нам, я был потрясена глубиной его суждений; я не знала и сотой доли того, что знал он. Вот и решайте после этого: то ли болезнь порождается высоким умом, то ли высокий ум порождается болезнью.

– Однако вы совершенно здоровы, ваше величество, – возразил сэр Уильям.

– То есть глупа? – с усмешкой взглянула на него королева.

– Ваше величество! – возмущенно воскликнул сэр Уильям.

– Каждый мужчина считает, что женщина глупее его, – продолжала Елизавета. – Филипп тоже полагал, что я не пойму, для чего он хотел жениться на мне после смерти моей сестры. По его мнению, я не могла ему отказать хотя бы из чувства благодарности: ведь он спас меня, когда я была обвинена в заговоре против своей сестры и заключена в Тауэр. Для чего он это сделал? Из политического расчёта? А возможно, он был ко мне неравнодушен?… Порой мне казалось, что Филипп любит меня, – но, как бы то ни было, не любовь двигала им, когда он делал мне предложение. Пусть я глупая женщина, однако я понимала его истинные цели: он хотел сохранить Англию под своей властью и не допустить восстановления у нас евангелической веры.

– Это так, ваше величество, – кивнул сэр Уильям.

– Вы могли хотя бы из вежливости сказать, что Филипп любил меня, – с нарочитым укором произнесла Елизавета. –

Нехорошо разочаровывать женщину в таком деле.

– Но у вас мужской ум, ваше величество, – сказал сэр Уильям с великим почтением.

– Вы, наверно, думаете, что это комплимент? Вы возвысили меня до мужчины? Благодарю вас за столь высокое мнение, милорд, – Елизавета изобразила поклон. – Однако оставим шутки, поговорим о серьёзных вещах… Мы дали повод Филиппу для ещё одного обвинения нас в неблагодарности. Чем это закончится?

– Войной, – ответил сэр Уильям.

– Неизбежно?

– Полагаю, что да, ваше величество.

– Ну, что же, ведь мы этого желали, правда? – Елизавета посмотрела на сэра Уильяма и сэра Френсиса.

– Благодаря заботам вашего отца и вашим, – сказал сэр Уильям, сделав паузу и посмотрев на королеву, – Англия окрепла, её хозяйство стремительно развивается, государственная казна наполнилась. Нам теперь уже тесно на нашем острове, мы выросли из своей детской кроватки, – извините за такое сравнение. Да, мы выросли и нам нужен простор, но куда бы мы ни взглянули, везде нас стесняет огромная империя вашего царственного брата. Пожалуй, только в Московии мы можем развернуться, как нам того хотелось бы, но она далеко и сильно отличается от привычного нам мира. Хотя доходы нашей Московской компании велики, но кто может поручиться, что станется в будущем в этой непредсказуемой дикой стране…

– А помните, как московский царь Иван сватался ко мне? – вдруг засмеялась Елизавета. – Вначале он изображал из себя рыцаря, но когда я не ответила на его предложение, грубо обругал меня. Разве рыцарь ведёт себя так, даже если дама ему отказала? Сразу видно, что в Московии рыцарства никогда не было! Хороша бы я была, если бы вышла за царя Ивана: он, наверно, бил бы меня, как простолюдин бьёт свою жену, а не то совсем убил бы! Говорят, он собственноручно убил трёх из своих семи жён: одну из них прямо в карете утопил в реке, – и лишь за то, что эта бедная женщина от страха не смогла исполнить какой-то немыслимый каприз царя. Наши агенты сообщали нам, что царь Иван зверски избивал и свою невестку, а когда наследник престола, тоже Иван, вступился за несчастную супругу – царь так отделал его, что Иван-младший через три дня испустил дух. Ну и нравы, – король Генрих никогда не позволил бы себе ударить мою мать, и даже перед казнью с ней обращались вежливо. Дикая страна Московия! Самое удивительное, что московиты любили своего царя, хотя он истребил их без малого двести тысяч человек

за время своего правления, – и продолжают почитать после его смерти.

– Они считали его очень умным, а между тем, он совершил много глупостей. Он вёл долгую бессмысленную войну в Ливонии и совершенно разорил собственную страну, – вставил сэр Уильям. – При этом царь Иван полагал, что он хитрее всех в политике, – а мы без труда подчинили его волю своим интересам. Сколько выгод мы извлекли из сватовства царя к вашему величеству, а потом к леди Мэри! Именно после этого мы так укрепились в Московии, что при нынешнем царе Федоре и его лорд-канцлере Борисе ничто не делается там без оглядки на нас.

– Да, с Мэри мы поводили Ивана за нос, – Елизавета не переставала улыбаться. – Он сам устроил себе ловушку, предложив руку моей племяннице. Неужели царь всерьёз мог подумать, что мы отдадим её за него, – ведь к этому времени мы уже хорошо знали, что он из себя представляет? Мэри была старой девой, – товар несколько залежался, – но не выдавать же её замуж за жестокого дикаря, тирана своего народа, убийцу своих жен и сына! Не говорю уже о том, что царь Иван был не в том возрасте, когда женятся, – к тому же, болен сифилисом, поразившим его мозг и размягчившим кости. Отличный жених для моей племянницы, нечего сказать!.. Однако выгоду из его сватовства мы извлекли, действительно, немалую, – жаль, что он умер так быстро… Но извините, я не дослушала ваш доклад.

– Нам нужен простор для деятельности, но мы не выйдем на него, если не победим короля Филиппа, – продолжил сэр Уильям. – Наши интересы идут вразрез с его интересами: усиление Англии – прямая угроза для его империи. Не надо забывать также о том, что для маленькой Англии безусловны важны заморские владения, но путь туда нам опять-таки преграждает Филипп.

– Вы забыли о нашем религиозном долге, – заметила Елизавета. – Я повторю то, что сказала послу: мы не можем оставить на растерзание инквизиторам и фанатикам-папистам наших братьев по вере. «Христос на нашей стороне, он с нами в праведной войне», – поют гугеноты во Франции и они правы. Вообще, следует чаще вспоминать о нашем служении Спасителю и реже – о меркантильных интересах нашей державы. Война – низкое дело, но она должна вестись под высокими лозунгами. Люди готовы умереть во имя высоких идей, однако не хотят расставаться с жизнью из-за чужого кошелька.

– Ваше замечание справедливо, ваше величество, – поклонился королеве сэр Уильям. – Что же касается военных приготовлений, то они у нас идут полным ходом, как вам

известно. Уже сейчас мы располагаем кораблями, которые способны успешно сражаться с испанскими. Наш флот растёт и через год-два мы не побоимся нападения испанцев: мы разобьем их на море и не допустим вторжения в Англию.

– Умоляю вас, не сглазьте, сэр Уильям! – воскликнула Елизавета. – Не надо искушать судьбу.

– Да, ваше величество… Позвольте сказать, в заключение, что наши братья по вере, о которых мы упомянули, достаточно успешно воюют с испанцами во Франции, Голландии, Фландрии, Чехии и в других областях Европы. Они оттягивают значительные испанские силы, а наши доблестные моряки в то же время не дают покоя испанцам на морских путях. Это всё послужит нам значительным подспорьем в войне с Филиппом, – закончил сэр Уильям.

– Благодарю вас, милорд… А что скажите вы, господин начальник секретной королевской службы?

– Я вам докладывал три дня назад, ваше величество, – коротко сказал сэр Френсис, сделав шаг вперёд.

– Разговаривать с вами – одно удовольствие! – усмехнулась Елизавета. – Да, вы докладывали мне, но тем не менее, я прошу повторить основные положения вашего доклада.

Сэр Френсис вздохнул:

– Слушаюсь… Наши зарубежные агенты сообщают, что в Европе недовольство политикой короля Филиппа приняло всеобщий характер. Испанский двор не смог усилить своё влияние в европейских государствах. Наши агенты контролируют все тайные каналы связи испанцев и решительно пресекают попытки создать союз против нас. Королю Филиппу не удастся найти союзников для борьбы с нашей страной.

– Вы уверены в этом, милорд? – спросила Елизавета с плохо скрываемой радостью.

– Я начальник вашей секретной службы, – холодно сказал сэр Френсис. – Я докладываю вам лишь то, что проверено и перепроверено.

– А что с обстановкой внутри Англии? – терпеливо продолжала спрашивать Елизавета.

– Мне трудно понять, что конкретно вас интересует, – проговорил сэр Френсис, глядя в пол.

– Начнём с парламента, – сказала Елизавета.

– Парламент полностью поддерживает ваше величество. Любое ваше решение будет единодушно одобрено, – ответил сэр Френсис, не поднимая глаз.

– Отлично. В политике должно быть меньше парламентаризма. Меньше парламентаризма, – и всё будет

прекрасно! – живо произнесла Елизавета, – Если мы не можем обойтись без парламента, если таков порядок в нашем государстве, – бог с ним, пусть парламент существует, но господа парламентарии должны знать своё место и не выходить за обозначенные для них границы. Мы тратим просто-таки неприлично большие деньги на парламент, и он должен быть нам послушен, – не так ли?

– Именно так, ваше величество, – с готовностью воскликнул сэр Уильям, а сэр Френсис промолчал.

– А нет ли волнений среди благородного сословия? – спросила Елизавета.

– За тридцать лет вашего правления благородное сословие привыкло служить вам. Волнений нет и не предвидится, – отрезал сэр Френсис.

– Очень хорошо. А что купечество и народ? – не унималась королева.

– Преданны вам, – лаконично ответил сэр Френсис.

– Никогда ещё в нашей истории не было такой полной поддержки монарха, как теперь, – подхватил сэр Уильям. – Народ прославляет ваше величество и молит Бога, чтобы он продлил ваше правление на долгие годы.

– А как же наши католики? – возразила Елизавета. – Разве они не проклинают меня за то, что я восстановила в Англии евангелическую веру?

– Ну, если только какие-нибудь негодяи! – воскликнул сэр Уильям. – Но есть испытанные способы, чтобы покончить с ними: реквизиции, конфискации, лишение прав, а для самых отпетых – аресты и казни. Если мы будем решительны и тверды, никто не осмелится выступить против власти.

– Я бы не стал употреблять слово «никто», – вмешался сэр Френсис.

Он поднял голову и посмотрел на Елизавету.

– Что вы имеете в виду? – спросила она с неприятным чувством, заранее зная ответ.

– Пока жива Мария Шотландская, есть опасность, что католики попытаются возвести её на трон. Она – последняя надежда на восстановление католичества в нашей стране. Не следует забывать, что Мария тесно связана с нашими врагами в Европе. Испанцы пойдут на всё, чтобы она стала королевой.

– Вы преувеличиваете, милорд, – Елизавета отвернулась от него.

– Нет, это вы преуменьшаете опасность, ваше величество, – упрямо сказал сэр Френсис. – Я вам говорил три дня назад и не устану повторять, что нельзя начинать большую войну, если в

вашем тылу зреет смута. Вы спрашивали меня тогда «о ноже в спину Англии»? Мария – это тот самый нож.

– Перестаньте! Я не желаю этого слышать, сэр Френсис, – резко оборвала его Елизавета. – Вы забываетесь, милорд. Мария – моя кузина, она особа королевской крови; как вы смеете говорить о ней такие вещи, я запрещаю вам! Я никогда не причиню ей вреда, – запомните, никогда!

Сэра Френсис отвёл глаза и мрачно пробормотал:

– Как прикажете, ваше величество.

– Что же касается войны с Испанией, – прибавила Елизавета после паузы, – я знаю, что у меня тело слабой и немощной женщины, но у меня сердце и желудок короля, и при этом короля Англии, – и я с презрением отвергаю саму мысль о том, что Испания отважится вторгнуться в границы моего государства. Я не допущу такого бесчестья, я скажу нашим солдатам: «Я сама возьмусь за оружие, я сама буду вашим генералом и судьей и вознагражу каждого, кто проявит мужество на поле боя».

– Прекрасные слова, ваше величество! – с восхищением вскричал сэр Уильям. – Они войдут в историю!

Королева улыбнулась и милостиво кивнула ему.

* * *

В гардеробной комнате были вытащены из шкафов и сундуков десятки нарядов Елизаветы. Перед громадным зеркалом она примеривалась то к одному, то к другому платью, и отбрасывала их в сторону. Камеристки суетились и толкались вокруг неё, а главная хранительница королевского гардероба была близка к обмороку.

– Нет, не то, снова не то, опять не то, и это не то, – говорила Елизавета, перебирая очередную партию нарядов. – Боже мой, как бедно я живу! У меня нет хороших вещей, скоро будет не в чем выйти ко двору. Приходится на всём экономить, – а что делать, надо сокращать расходы: я не могу бросать деньги на ветер, я должна быть примером для нации… Нет, это невыносимо, лучше я просижу целый вечер в нижней рубахе, одна, – чем надену что-либо из этих обносков.

– Но это новые платья, ваше величество, – осмелилась возразить хранительница королевского гардероба.

– Новые? Я надевала некоторые из них уже по два раза! Вы, наверно, забыли? Слава богу, для приёма посла удалось найти хоть что-то подходящее: это красное бархатное платье – единственное приличное у меня, – вздохнула Елизавета. – Ты не

представляешь, милая Дженни, как тяжела жизнь королевы, – хуже, чем у нищенки, – продолжала она, обращаясь к своей фрейлине. – Нищенка может расхаживать в чём ей вздумается, но королева обязана одеваться в соответствии со своим саном. Даже на частной встрече я должна выглядеть королевой Англии, а не обычной женщиной по имени Елизавета.

– Я сочувствую вам, мадам, – сказала Джейн.

– Да, да, да, – рассеянно кивала королева. – Однако что же мне надеть? Может быть, это, коричневое? Или бежевое? Или палевое с жёлтым верхом?… Нет, вот это, бледно-синее, с голубой подкладкой. Ну-ка, прикиньте, как оно будет на мне! – сказала Елизавета камеристкам и после, глядя на себя в зеркало, прибавила: – Да, остановимся на нём. Решено, его я и надену!

Камеристки радостно вскрикнули, а главная хранительница гардероба тяжело перевела дух и вытерла пот со лба.

– Королеве приходится делать не то, что она хочет, а то, что от неё ждут, – говорила Елизавета, пока её одевали. – Лишь наивные простаки воображают королевскую жизнь царством свободы: на самом деле, это каторга, галеры, рудники, вечное рабство. Но каторжник может бежать, раб восстать, а как быть несчастной королеве? Если бы я бросилась в бега, меня бы поймали, вернули и насильно посадили на престол; слишком много людей зависит от меня… Туфли жемчужные, на золотом каблуке, с золотыми пряжками, – распорядилась Елизавета, повернувшись к хранительнице гардероба. – Так получилось, что места возле меня занимают те, кто мне вовсе мне нравятся. Я терпеть не могу сэра Френсиса, – прошептала королева на ухо Джейн. – Он грубый и жестокий; он собственноручно пытает подозреваемых, – я иногда вижу кровь у него под ногтями. Но он гений секретной службы, его агенты повсюду: они рассыпаны по всей стране и по всей Европе, – да что там по всей Европе, по всему миру! Сэр Френсис знает всё, что говорится в лачуге бедняка, в доме купца и дворянина, во дворце вельможи и в королевском дворце; он читает все тайные письма, которыми обмениваются наши враги; он умеет раскрывать заговоры против нас и путать планы наших противников с такой легкостью, с какой ребёнок разрушает кулич из песка. Дорогая Дженни, ты недавно при дворе, будь осторожна: опасайся сэра Френсиса, это очень опасный человек!.. А причёску я, пожалуй, оставлю прежнюю, утреннюю, – королева посмотрелась в зеркало, потрогала свои волосы и бриллиантовые подвески на них. – Да, оставлю, – передайте парикмахеру, что его услуги сегодня больше не понадобятся. Хранителю драгоценностей скажите, чтобы принёс мою шкатулку из красного дерева, я сама выберу

украшения… Сэр Уильям тоже не очень приятный человек, – вновь зашептала Елизавета на ухо фрейлине. – Он мой давний знакомый: начинал службу ещё при моём отце и боролся с католиками, затем служил моему юному брату Эдуарду и проводил умеренную политику, а после его смерти поступил на службу к моей сестре Марии и стал преследовать протестантов. Сэр Уильям дважды менял веру: при короле Генрихе перешёл из католичества в протестантство, а при королеве Марии вернулся обратно в католичество. Сейчас он остаётся католиком, подбивая меня при этом на борьбу с католическими общинами в нашей стране и католическими государями в Европе. Сэр Уильям ловко управляется с финансами Англии, благодаря ему наша казна непрерывно пополняется, но ещё быстрее растут его доходы: вездесущий сэр Френсис раздобыл сведения о вкладах сэра Уильяма в заграничных банках, – я была поражена! При моём отце сэру Уильяму отрубили бы голову за вольности с государственными средствами и вывод таких огромных денег из страны, но сейчас мы входим в Европу и надо с этим считаться, – приходится закрывать глаза на некоторые прегрешения… Здесь мои любимые драгоценности, – сказала она, принимая шкатулку из красного дерева. – Что же выбрать? Наверно, вот это жемчужное ожерелье, с «кокосовым» жемчугом. Не буду даже говорить, сколько за него заплачено португальским купцам, – но разве я не могу позволить себе маленькую прихоть? Серьги выберем тоже жемчужные, а перстни наденем с дымчатыми бриллиантами; утверждают, что такие камни – большая редкость, и, кроме меня, они имеются лишь у персидского шаха… Ну, что же, я готова. Мисс Джейн, вы пойдёте со мною, остальные могут быть свободны…

– Сейчас ты увидишь того, кто заменил мне моего старого доброго Дадли, – тихо говорила королева, ведя Джейн в свою личную комнату, что находилась рядом с гардеробной. – Мой Дадли – хороший человек, но на него нельзя опереться. Лишь однажды я ощутила в нём опору: когда была заключена в Тауэр по обвинению в заговоре против королевы Марии, моей сестры. Именно тогда Дадли покорил моё сердце, а дальше следовали одни разочарования. Он абсолютно ничего не смыслит в государственных делах, да и свои собственные запустил до безобразия. Два раза он был женат, как ты уже знаешь, и оба раза неудачно. О, нет, я не имею в виду достоинства и недостатки его жён, а материальную сторону брака: каждый нормальный мужчина, женившись, увеличивает своё состояние, но Дадли ухитрился уменьшить его! Я дала ему графский титул, наделила землями, выдала значительную субсидию из казны, однако

каким-то непостижимым образом он стал ещё беднее. В результате, он принялся оказывать кое-какие услуги испанцам, а когда отношения с ними у нас начали портиться, Дадли предложил свою помощь французам. Сэр Френсис давно точит на него зубы, и если бы не моё покровительство, Дадли пришлось бы туго. Впрочем, моя милая Дженни, мне кажется, что тот мужчина, с которым я сейчас увижусь, немногим лучше Дадли в практическом смысле, – со вздохом призналась королева, – но что же поделаешь, он мне нравится! Ты – женщина, ты меня поймёшь… Иди, разыщи его в передней комнате и приведи сюда.

– Да, ваше величество, – ответила Джейн, которой самой не терпелось взглянуть на нового избранника королевы. – Но как мне узнать его?

– У него на камзоле должны быть приколоты две розы – алая и белая, как на моём гербе. По ним ты его и узнаешь. Ступай!

Через несколько минут Джейн вошла в комнату в сопровождении молодого мужчины. Он был высок и строен; его свежее румяное лицо обрамляли густые длинные локоны чёрных волос; тонкие усики не скрывали пухлых сочных губ; соболиные брови почти срослись на переносице, а из-под них живо блестели темно-карие выразительные глаза.

Мужчина подошёл к креслу королевы, встал на одно колено и почтительно поцеловал ей руку:

– Я счастлив видеть ваше величество, – раздался его приятный грудной голос.

– Вам долго пришлось ждать? – спросила Елизавета.

– Пять или шесть часов, но это пустяки: главное, что я удостоен вашей аудиенции, – отозвался он, ещё ниже склоняя голову.

– Меня задержали государственные дела, сегодня был важный приём во дворце, – вы слышали? – сказала Елизавета. – Встаньте. Дженни, дорогая, подай ему тот маленький бархатный табурет! Садитесь, сэр Роберт, – здесь, у моих ног.

– Я не осмелюсь сидеть в присутствии королевы, – возразил он. – Моё скромное звание не даёт мне такого права.

– Но я уже дала вам его, – Елизавета лукаво прищурилась на него. – Или вы хотите, чтобы это право было закреплено законом?

– Вы меня не так поняли, ваше величество! – на щеках сэра Роберта выступила краска. – Извольте, я сяду. Для меня закон – ваше желание, и выше этого закона не может быть ничего.

– Как мило вы покраснели: прямо-таки девица на выданье! – засмеялась Елизавета. – У вас, должно быть, и кожа нежная, как у девушки. Ну-ка, проверим, – она провела ладонью по его лицу. – Так и есть. Давно вы начали бриться?

– Ваше величество, – окончательно смешался он.

– Боже, какая прелесть, он смущается! – воскликнула Елизавета. – Как это забавно! Ну, ну, ну, сэр Роберт, не надо хмуриться, – я не смеюсь над вами, я вами любуюсь… А не нарядить ли нам его в женскую одежду? – сказала она Джейн. – Принеси какое-нибудь платье, – мы устроим маскарад!

– Ваше величество! – сэр Роберт вскочил с табурета.

– Ладно, платья не надо, но губы и щёки мы вам покрасим и напомадим. Опять сопротивляетесь? Не вы ли говорили, что моё желание для вас закон?

– Ваше величество, – обреченно вздохнул сэр Роберт.

– Дженни, дорогуша, неси помаду и пудру. Сэр Роберт, вернитесь на табурет! Вы ведь не хотите огорчить свою королеву?

– Ваше величество! – возопил пунцовый сэр Роберт.

– Ах, как вы разгорячились! – засмеялась Елизавета. – Не надо так волноваться, – это шутка, всего лишь шутка. Но вы обязаны объяснить мне, зачем вы добивались моего расположения? Что вами движет, – расчёт, корысть, тщеславие или иное чувство?

– Ваше величество! – сэр Роберт снова поднялся с табурета. – С юных лет я восторгался вами как королевой и как женщиной!..

– С юных лет? А сейчас вам сколько? – перебила его Елизавета.

– Двадцать один, – но это не имеет никакого значения…

– Да, когда мне был двадцать один год, это тоже не имело значения, – опять перебила его королева. – Итак, вы с пелёнок восторгались мною.

– Ваше величество! Позвольте мне сказать! – с отчаянием произнёс сэр Роберт.

– Да, пожалуйста, я вас слушаю, – Елизавета замахала руками, показывая, что она больше не будет его перебивать.

– Мой дядя…

– Вы говорите о графе Лестере? – тут же переспросила Елизавета.

– Да, ваше величество.

– Так что же сделал ваш дядя?

– Он всегда внушал мне, что вы – великая королева и несравненная женщина. Такая правительница, как Елизавета, твердил дядя со слезами на глазах, родится один раз в тысячу лет; все англичане должны на коленях благодарить Бога за то, что он даровал нам её.

– Бог здесь ни при чём, – возразила Елизавета, – англичанам меня даровала моя матушка. Она родила меня, но моё появление на свет никому не принесло тогда радости.

– Ваше величество! – с возмущением воскликнул сэр Роберт.

– Так оно и было. Но я опять прервала вас. Продолжайте.

– Я привык почитать ваше величество; я полюбил вас всем сердцем, – хотя никогда не видал вас и не слышал ваш голос.

– Какой, однако, силой внушения обладает ваш дядюшка! – заметила Елизавета. – Вот уж никогда бы не подумала! Он умело скрывал от меня этот свой талант. Но продолжайте, я более не стану вас перебивать.

– Какое счастье для меня было лицезреть вас, когда я впервые прибыл во дворец! Но я не смел даже приблизиться к вам – кто я, и кто вы!

– А когда вы «лицезрели» меня в первый раз? – спросила Елизавета.

– Три года тому назад, ваше величество. Во дворце был большой приём на Рождество.

– Это во время сильных холодов? Когда Темза промёрзла на три фута? Странно, но я вас совершенно не запомнила, а ведь во дворце было немного приглашенных на то Рождество.

– Где вам запомнить меня, ваше величество! – с горечью сказал сэр Роберт. – Я решительно ничего собой не представлял, был очень юным и неопытным.

– Зато теперь вы постарели, приобрели влияние и опыт, – улыбнулась Елизавета. – Продолжайте, продолжайте, я вас слушаю!

– Ваше величество, вы можете сколько угодно издеваться надо мной, – выпалил сэр Роберт с мрачной решимостью человека, готового высказаться до конца, – но для меня не было и нет женщины, которая могла бы сравниться с вами. Я больше не принадлежу себе: я ваш – весь, до последнего дыхания. Возьмите меня или отбросьте в сторону, как ненужную вещь, – я с радостью подчинюсь любому вашему желанию, потому, что оно исходит от вас. Я люблю вас, как никого не любил, – можете казнить меня за дерзость. Я не мог молчать, я должен был сказать о своей любви, а далее поступайте, как хотите.

– По-вашему, я красива? – спросила Елизавета, дождавшись, когда он закончит, и пристально глядя на него.

– Я не знаю, что такое красота. Для меня существует лишь одно мерило красоты – это вы.

– Однако я несколько старше вас? – продолжала допытываться Елизавета.

– Какое мне дело до вашего возраста! Я люблю вас такую, какая вы есть.

– Но я королева, и вам не подняться до меня, как бы вы того не желали. Разве мужчина может по-настоящему любить

женщину, которая выше его по положению?

– Я в восторге от того, что люблю королеву! А мысль о том, чтобы подняться до вас кажется мне дикой и кощунственной. Вы единственная, великая и неповторимая королева Елизавета, быть возле вас – уже великое счастье!

– Сядьте, сэр Роберт, – проговорила Елизавета и как бы невзначай дотронулась до густых прядей его волос. – Вот какой пылкий кавалер! – со смехом сказала она Джейн. – Что ты об этом думаешь?

Джейн робко улыбнулась и промолчала.

– А признайтесь, сэр Роберт, были такие дамы, которые оказывали вам своё особое расположение? – спросила королева.

– Ваше величество! – с обидой возразил он.

– Запомните, – строго произнесла Елизавета, – если вы хотите, чтобы мы с вами были друзьями, ни одна дама больше не должна привлекать ваше внимание. Вы меня поняли? Кроме того, вы не должны помышлять о какой-либо форме отношений между нами, которая будет содержать хотя бы что-то вульгарное, что-то от грубого зова плоти. Таким образом, став моим другом, вы принимаете добровольный обет монашества, – согласны ли вы на это?

– Ваше величество, я был готов любить вас безмолвно и безнадежно, не имея ни малейшего шанса приблизиться к вам! Могу ли я отказаться теперь от своего счастья? Ставьте мне любые условия, ставьте их побольше, – я с восторгом исполню их! – вскричал сэр Роберт, покрывая поцелуями руку Елизаветы.

– Об этих условиях мы сейчас и поговорим, – сказала Елизавета, улыбаясь. – Дженни, ступай, я жду тебя утром.

* * *

Джейн вышла из дворца уже в сумерках; она направилась в дворцовый парк. Он сильно изменился со времён короля Генриха: здесь по-прежнему стояли могучие дубы и вязы, но аллеи расширили, вдоль них установили статуи античных богов; кирпичные стены парка заменили живыми изгородями, а вместо ветхих построек непонятного назначения возвели павильоны в итальянском стиле и даже один грот с маленьким водопадом. Этот грот, расположенный там, где раньше была тайная канцелярия Генриха, сделался любимым местом свиданий влюблённых; сюда теперь спешила Джейн.

Едва она подошла к гроту, от него отделилась неясная тень.

– Леди Джейн, это вы? – раздался мужской голос.

– Да, милорд, – ответила она.

– Я жду вас уже несколько часов.

– Простите, Энтони, но я не могла прийти раньше. Королева не отпускала меня: сегодня у её величества был длинный день.

– Да, я слышал, – сказал Энтони, приблизившись к Джейн и целуя ей руку, – был посольский приём, а после королева удостоила личной аудиенции сэра Роберта, племянника графа Лестера.

– Так вы уже знаете и об этом? – удивилась Джейн.

– Во дворце ничего нельзя скрыть, – усмехнулся Энтони. – Сотни глаз, сотни ушей, сотни болтливых языков. Пожалуй, одному сэру Френсису удается держать в тайне свои дела, – но такая у него служба, что без тайны нельзя. Он ведь тоже днём был у королевы?

– По-моему, да… Вы звали меня, чтобы узнать дворцовые новости? – с насмешкой проговорила Джейн.

– Зачем вы так? – укоризненно произнёс Энтони. – Я ждал очень долго и потерял было надежду увидеть вас, – а вы смеётесь надо мною. Вы жестоки, леди Джейн.

– Но я не понимаю, для чего вы ждали меня? Целый месяц вы шлёте мне письма, назначаете встречи, а когда я прихожу, засыпаете меня вопросами о королеве, о том, что она говорила и делала. Вы пишете о каких-то своих чувствах ко мне, однако я не вижу этих чувств. Зачем я вам, сэр, чего вы от меня хотите? – Джейн смотрела ему прямо в глаза.

Энтони выдержал её взгляд и простодушно ответил:

– Да, вы правы, мне интересно всё, что делает наша королева. Это так естественно: мы любим её величество и хотим знать о ней побольше. Но встреч с вами я ищу не для этого, – Энтони набрал воздуха и выпалил. – Джейн, милая моя Джейн, я не решался открыться вам, однако теперь молчать больше нельзя. Я люблю вас, Дженни, люблю страстно! Я тотчас попросил бы вашей руки, но ваш опекун далеко, он отбыл на континент; сразу по его возвращении я буду иметь честь говорить с ним о вашем замужестве.

– Неплохо сначала было бы узнать, люблю ли я вас и хочу ли за вас замуж, – сказала Джейн с иронией.

– То есть как? – неподдельно изумился Энтони. – Вы не любите меня? Я вас совсем не мил?

– Ваше признание очень серьезное и требует такого же серьезного ответа. Я не знаю, Энтони, люблю ли я вас: иногда мне кажется, что люблю, иногда я в этом вовсе не уверена. Может быть, узнав вас поближе, я пойму, чего хочет моё сердце, – но пока я не могу согласиться на ваше предложение. Не обижайтесь,

я сказала вам чистую правду, ведь в таком деле нельзя лгать, – Джейн кротко улыбнулась ему.

– Ах, Джейн, вы убиваете меня! – воскликнул Энтони. – Однако вы правы, поспешность здесь будет вредна: брачный союз заключается на всю жизнь, – а что такое брак без любви? Это уродец, которому суждено превратиться в чудовище или умереть. Что же, узнайте меня получше, и тогда, я не сомневаюсь, в вашем сердце вспыхнет ответное чувство.

– Да, узнать вас получше мне бы очень хотелось, – повторила Джейн. – Не странно ли: вы знаете обо мне почти всё, но я о вас – почти ничего.

– Что же тут странного? – возразил он. – Я давно знаком с вашим опекуном и от него слышал рассказы о вас.

– Почти как сэр Роберт, – прошептала Джейн.

– Простите?

– Нет, пустяки. Пожалуйста, продолжайте.

– Не удивительно, что прибыв ко двору и узнав, что вы тоже находитесь здесь, я захотел вас увидеть, – Энтони развел руками и улыбнулся. – Ваш опекун так красочно вас описывал, что мне просто не терпелось взглянуть на его прелестную подопечную.

– Вы не поверите, милорд, но со мной он всегда был суров и временами даже груб; я не слышала от него ни одного ласкового слова, – с горькой усмешкой сказала Джейн.

– О, такое часто бывает! Пожилые люди имеют свои странности: в глубине души ваш опекун, конечно, любит вас, но старается не показывать это. По его мнению, мягкость и снисходительность вредны в деле воспитания девиц, – разъяснил Энтони.

– Вам известно, что творится в глубинах его души?

– Я же сказал вам, что давно его знаю, – нашёлся Энтони. – Мы подолгу беседовали с ним, и он был со мной достаточно откровенен.

– Как всё это не похоже на моего опекуна: откровенность, задушевные беседы, – покачала головой Джейн. – Когда вы успели так с ним подружиться? Извините, но сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– И как давно вы знакомы с моим опекуном?

– Боже мой, милая леди, можно подумать, что вы обучались искусству допросов в школе сэра Френсиса! – принужденно засмеялся Энтони. – Зачем понимать мои слова буквально? Когда я говорю «давно», это означает исключительно моё собственное восприятие времени: господи, да для меня и год назад – уже очень давно! К тому же, бывает ведь и так, согласитесь, что год пролетает как час, а час тянется как год. Другой раз, зная

человека всего пять минут, вы будто всю жизнь с ним знакомы, а бывает и наоборот – вы всю жизнь с ним знакомы, а совсем его не знаете.

– К какой вере вы принадлежите? Вы католик? – продолжала спрашивать Джейн.

– Как вы догадались?

– Мой опекун не стал бы водиться с протестантом.

– Вы правы. Я католик, – но благодаря нашей мудрой королеве теперь это не является преступлением. Не собираясь возвращаться в лоно католической церкви, Елизавета не преследует сторонников апостольской веры. Ведь королева не собирается возвращаться в лоно католической церкви? – Энтони посмотрел на Джейн.

– Полагаю, что нет.

– Так я и думал, она похожа на своего отца, – пробормотал он.

– Что вы сказали?

– Нет, ничего!

– Да, мой опекун – католик, но я придерживаюсь евангелического вероисповедания, – с гордостью произнесла Джейн. – В этой вере меня крестили, в ней я воспитана. Быть может, опекун потому и невзлюбил меня, что я не католичка.

– Вы ошибаетесь, он вас любит, – возразил Энтони. – Если бы вы могли услышать, с какой теплотой и нежностью он отзывался о вас, – вы бы сами поняли, что он вас любит.

Джейн недоверчиво покачала головой и промолчала.

– Однако оставим старика в покое, поговорим о нас, – Энтони взял её руку в ладони и поднес к своим губам. – Джейн, милая Джейн, я полюбил вас с первого взгляда, с той самой минуты, когда впервые увидел вас во дворце…

– На Рождество три года назад? – с улыбкой переспросила Джейн, снова вспомнив сэра Роберта.

– Почему на Рождество три года назад? – удивился Энтони.

– Так просто, пришло в голову… Извините, я вас перебила.

– Во дворце тогда было много дам и девиц, но я видел лишь вас одну. Так бывает, когда вы входите в сад, где растёт множество пышных цветов, но вы не можете отвести взор от одного цветка, который глубоко тронул ваше сердце и заставил вас не замечать иных красот, кроме его нежной красоты. Так бывает, когда вы едете по горам и вдруг среди их великолепия попадаете в тихую скромную долину, которая неизъяснимым образом в одно мгновенье становится для вас самым желанным местом на земле. Так бывает, когда вы смотрите на небо, где в ночной синеве блещут тысячи звёзд, но вы видите только одну,

которая своим неповторимым сиянием озаряет вашу душу и заставляет её плакать от счастья.

О, Джейн, если бы я был поэтом, я написал бы для вас стихи, которые пылали бы от любви, как пылает сердце в моей груди; если бы я был музыкантом, я сочинил бы для вас песню о любви и сыграл бы мелодию к ней на струнах моей души; если бы я был художником, я написал бы ваш портрет, чтобы все люди смогли увидеть вас такой, какой вижу вас я! Они увидели бы ваши темные волосы и чёрные глаза, белоснежную кожу, тонкие линии лица, лебединую шею и стройный стан, – они поняли бы, что вас нельзя не полюбить. О, если бы я мог передать вам свои чувства! Они не выдуманные, они настоящие, – и они зажгли бы любовь в вашем сердце! – вскричал Энтони.

– Вы это уже говорили. Прошу вас, будьте проще, и не надо этого кривлянья, что принято сейчас среди джентльменов из числа придворных. Я выросла вдали от двора, мне такое поведение неприятно, – сказала Джейн. – Энтони, вы мне не безразличны, потому я принимаю ваши письма, прихожу на встречи с вами, – но постарайтесь не разочаровать меня, если хотите, чтобы я полюбила вас.

– Ваша искренность глубоко трогает меня, – Энтони поцеловал ей руку. – Я постараюсь заслужить вашу любовь.

– Будем молить Бога, чтобы он не оставил нас, – со вздохом отвечала Джейн. – А теперь прощайте, мне пора возвращаться во дворец.

– Но позвольте и мне спросить вас: каким образом вам удалось стать приближенной королевы? – Энтони не отпускал руку Джейн. – По слухам, Елизавета в вас души не чает и доверяет вам свои интимные секреты.

– Её величество слишком добра ко мне, – вздохнула Джейн. – Когда мой опекун привёз меня ко двору, кто-то рассказал королеве о том, что я сирота и у меня нет ни одного родного человека на свете. Её величество велела привести меня к ней, – как она сама потом призналась, собираясь подыскать мне достойного жениха, – но после разговора со мною внезапно переменила своё решение и оставила меня при себе. У королевы очень доброе сердце, какие бы мерзкие слухи не распространялись о ней.

– О, да, многие люди могли бы рассказать, как добра королева Елизавета, – жаль, что большинство из них уже покинуло этот мир, – прошептал Энтони.

– Что вы, милорд?

– Нет, ерунда. Не было, нет, и не будет в Англии лучшего монарха, чем Елизавета, – пусть Господь дарует её долгие лета! –

громко сказал он.

Часть 2. Тихий замок

На берегу медленной реки, петляющей между пологими холмами, стоял старый замок. Он как будто дремал среди покоя и тишины изумрудных лугов, покрытых редкими дубовыми рощами и кустами вереска. Замку было почти пятьсот лет: его построили после первого крестового похода, через двести лет после этого переделали – и больше не трогали. Его стены позеленели от времени и мха, пробивающегося сквозь трещины в камнях; на его башнях тонкие кривые деревца цеплялись за крошечные островки земли, нанесённой ветром, – но больше всего ему вредила сырость: в здешних местах часто выпадали густые туманы, а по ночам даже летом были заморозки.

От всепроникающей сырости не спасали ни камины, ни факелы, горевшие днём и ночью; для того чтобы спасти платья королевы от плесени, в гардеробной ставили железные жаровни с углями, но уголь тоже был сырым и поэтому в воздухе стоял чад и слышался отчётливый запах угарного газа. Служанки, одевавшие королеву, задыхались и кашляли, но Мария стойко переносила все неприятности: как подобает истинной королеве, она никогда не жаловалась на бытовые неудобства.

– Костюм для верховой прогулки, пожалуйста, – сказала она служанкам. – Нижнее платье кремовое, с отложным воротником без пуговиц. Верхнее – коричневое, со шлейфом, с прорезями на рукавах… Мне нравится коричневый цвет, Бесс, – повернулась Мария к своей фрейлине. – Броские цвета любят выскочки, да женщины, лишенные вкуса: я слышала, что Елизавета обожает одеваться во всё красное.

– Но, мадам… – фрейлина многозначительно кивнула на служанок.

– Ах, оставь эти предосторожности! – вскричала Мария. – Чего мне бояться? Меня и так держат здесь на положении пленницы – даже на верховую прогулку я должна испрашивать особое разрешение у сэра Эмиаса, а он, можешь не сомневаться, обязательно ставит об этом в известность Лондон. Мой бог, сколько хлопот из-за всеми покинутой королевы! Впрочем, это доказывает, что моя незаконнорожденная кузина понимает, какой грех она совершает. В моём роду сорок поколений королей, а она – дочь женщины самого низкого происхождения. Если бы Анна Болейн не запрыгнула в постель к королю Генриху, кто бы сейчас помнил об этой Анне? Она совратила Генриха, она совратила страну; она была блудницей и еретичкой. Хорошая мать у нынешней правительницы Англии! Дочь греха, рожденная в грехе,

несущая на себе проклятие греха – вот кто такая Елизавета!

– Но, мадам…

– Я знаю, что ты хочешь сказать, Бесс. Надо быть милосердными и прощать своим врагам зло, которое они нам причинили. Я прощаю моим врагам и молю Господа, чтобы он тоже простил их, – Мария подняла глаза ввысь, – однако я не монахиня и не давала обет отречения от мирской жизни. Имею я право хотя бы высказаться?… Боже мой, что у меня на голове! – воскликнула она, искоса взглянув на себя в зеркало. – Елизавета так скупа, что мой штат сократили до неприличия: вместо нормального парикмахера ко мне приставили какого-то деревенского цирюльника. Ты поможешь мне, Бесс, убрать волосы под шляпу?

– Конечно, мадам. У вас чудесные волосы, – фрейлина отступила немного назад, пропуская служанку, которая несла сапожки для верховой езды. – Вы такая красивая женщина, – мужчины, наверное, всегда преклонялись перед вами.

– Нет, нет, другие сапоги! Эти на два тона отличаются по цвету от платья, их нельзя надеть, – сказала Мария служанке. – Да, у меня было немало поклонников, – улыбнулась она. – Во Франции из-за меня дрались на дуэлях; Пьер Ронсар, величайший из поэтов, посвящал мне стихи, его друг дю Белле написал в мою честь восторженную оду:

Чтобы, как в зеркале, обвораживая нас,
Явить нам в женщине величие богини,
Жар сердца, блеск ума, вкус, прелесть форм и линий,
Вас людям небеса послали в добрый час.

Природа, захотев очаровать наш глаз
И лучшее затмить, что видел мир доныне,
Так много совершенств собрав в одной картине,
Все мастерство свое вложила щедро в вас.

Творя ваш светлый дух, бог превзошел себя.
Искусства к вам пришли, гармонию любя,
Ваш облик завершить, прекрасный от природы,

И музой дар певца мне дан лишь для того,
Чтоб сразу в вас одной, на то не тратя годы,
Воспел я небеса, природу, мастерство.

Моя мама и Гизы, её братья, были снисходительны ко мне; мой первый муж, король Франциск, был не ревнив. Бедняжка, он

был слаб здоровьем, и Господь отмерил ему неполных семнадцать лет жизни, – так я стала вдовой в свои восемнадцать… Ах, Франция, как славно мне там жилось, это были лучшие мои годы! Когда я уезжала, Ронсар подарил мне стихотворение на прощание:

Как может петь поэт, когда, полны печали,
Узнав про ваш отъезд, и музы замолчали?
Всему прекрасному приходит свой черед,
Весна умчится прочь, и лилия умрет.
Так ваша красота во Франции блистала
Но пробил час, и вдруг ее не стало,
Подобно молнии, исчезнувшей из глаз,
Лишь сожаление запечатлевшей в нас,
Лишь неизбывный след, чтоб в этой жизни бренной
Я верность сохранил принцессе несравненной.

Так ушла молодость и унесла с собой мою первую корону – корону Франции. А вскоре мне суждено было потерять ещё одну, шотландскую корону; есть ли на свете пример более несчастной королевы?

– Но в Шотландии вас встретили с восторгом, – поспешно произнесла Бесс, стараясь её утешить. – Матушка рассказывала мне, что вам устроили такую торжественную встречу, какой не знала наша страна.

– Да, встретили меня очень хорошо: народ ликовал, лорды клялись мне в вечной преданности, – язвительно усмехнулась Мария. – Увы, всего этого хватило ненадолго, – ликование народа вскоре сменилось недовольством, а «вечная преданность» лордов закончилась мятежами. Наши шотландцы горды, заносчивы и своенравны; они склонны к бунтам и драчливы, как петухи. Сам царь Соломон не смог бы примирить их, – они выступили бы и против него, будь он их королём. Я рождена повелевать, а не участвовать в потасовках; мои попытки навести порядок в стране привели к тому, что против меня ополчились даже союзники. К сожалению, мой второй муж, Генрих, был мне плохим помощником и окончательно запутал государственные дела.

– Вы имеете в виду лорда Дарнли? – переспросила Бесс, вздрогнув.

– Генриха Стюарта, лорда Дарнли, – кивнула Мария. – А чего ты испугалась? Неужели в Шотландии до сих пор верят, что это я его убила? Отвечай, не бойся!

– Люди разное говорят, – неопределенно сказала Бесс.

– Не сомневаюсь. Склонность к злословию и сплетням – одно

из главных качеств человеческой натуры, – Мария слегка прищурилась, чтобы её мысль казалась убедительнее. – Сплетня рождается из маленького зёрнышка, а вырастает в большое развесистое дерево. Каждый может насладиться отдыхом в его тени, дотронуться до ствола и отломить ветку на память.

Но я любила Дарнли; я очень любила его. Он был высок, красив, силён, – женщины заглядывались на него, и мне он понравился с первой же встречи. Я вышла за него по любви, и он любил меня, можешь мне поверить, но его любовь питалась тщеславием и новизной, – когда же тщеславие было удовлетворено, а новизна пропала, он стал относиться ко мне как к своей вещи: удобной, полезной, но не интересной. Мужчины любят нас до тех пор, пока мы не принадлежим им. Они не могут вытерпеть нашу свободу, им нужно подчинить женщину себе, покорить её, – но стоит им подчинить нас, мы становимся для них скучны, ибо что может быть интересного в том, что уже познано и покорено?

Моя кузина Елизавета отлично понимает это и потому избегает близости с мужчиной: она не хочет быть покорённой, не хочет быть скучной, – она боится быть в конце концов отвергнутой. Елизавета предпочитает властвовать, а не покоряться, ей, должно быть, невыносима мысль о том, что какой-нибудь мужчина овладеет её телом, которое перестанет принадлежать ей одной, но сделается и его собственностью. Великая королева не может допустить такого позора, – презрительно засмеялась Мария – вот она и придумала себе роль девственницы, обручённой с Англией! А скрывается за этой игрой простой страх, – страх любви, настоящей, земной, бурной и безрассудной любви! Королева-девственница – обычная трусиха, которая не может преодолеть свой страх… Что вы застыли? – сказала Мария служанкам, которые слушали её, раскрыв рот. – Несите шляпку, замшевую, коричневую, с лентами и перьями. Перчатки тоже замшевые, с вышитыми на них цветами, – и подайте мне шкатулку с драгоценностями. На верховую прогулку я надену что-нибудь поскромнее: вот это ажурное колье с дымчатыми топазами, такие же серьги и перстни. Как ты считаешь, Бесс, это будет не слишком убого?

– О, нет, мадам! Это прекрасно! – воскликнула фрейлина. – Ваш наряд восхитителен; он подобран с таким вкусом, он вам так идёт.

– Благодарю, моя добрая Бесс, – улыбнулась Мария. – Помоги мне, пожалуйста, убрать волосы под шляпу… А вы ступайте, – прибавила она, обращаясь к служанкам, – и займитесь пока вышивкой. Я начала рисунок с деревьями и животными, –

сделайте для него канву.

– Я любила Дарнли, – продолжала Мария, когда служанки ушли, – но не прошло и двух месяцев после свадьбы, как он стал пренебрегать мною. Ему доставляло удовольствие рассуждать в моём присутствии о глупости и никчёмности женщин; однажды за ужином он при гостях прочитал трактат о дурных свойствах женщин и при этом поглядывал на меня: «Среди имеющихся у женщин дурных свойств – девять причитаются им по праву. Во-первых, женщина по природе своей причиняет себе вред; во-вторых, женщина весьма скупа; в-третьих, хотения их всегда внезапны; в-четвертых, сами чаяния их устремлены к дурному; в-пятых, они притворщицы. Опять же женщины известны своим вероломством, и поэтому женщина не может быть признана свидетелем при составлении завещания. Опять же женщина всегда делает обратное тому, что ей наказано сделать. Опять же женщины охотно всем рассказывают и пересказывают свои же собственные брань и стыд. Опять же они лукавы и хитры. Блаженный Августин говорил, что женщина – это животное, не имеющее ни двора, ни хлева; она мстительна, в ней вскармливается зло и начинаются все ссоры и все разногласия, от нее пролегает дорога ко всяческому беззаконию».

Кто-то из гостей возразил, что если женщина так дурна, то почему Христос после своего воскресения явился женщинам? Дарнли ответил, что Христос явился женщинам, потому что знал об их болтливости, а ему надо было поскорее возвестить всем о своём воскресении.

Я не выдержала и напомнила Дарнли изречения отцов церкви: «Женщина выше мужчины, а именно, – материально: Адам был создан из глины, а Ева – из ребра Адама, то есть из человеческой плоти, а не из грязи. Из-за места: Адам был создан вне рая, а Ева в раю. Из-за зачатия: женщина зачала Бога, а мужчина этого не мог. Из-за явления: Христос после смерти явился женщине, а именно – Магдалине. Из-за вознесения: женщина воспарила над хором ангелов, а именно – благодатная Мария… Женщина – это не бесполезное повторение мужчины, а зачарованное место, где осуществляется живая связь человека и Бога. Исчезни она, и мужчины останутся одни, чужестранцы в ледяном пустынном мире. Женщина – сама земля, вознесенная к вершинам жизни, земля, ставшая ощутимой и радостной; а без нее земля для человека нема и мертва. Господь добр, ибо даровал мужчинам женщину. Возблагодарим Господа за то, что он сотворил женщину». Выслушав это, Дарнли фыркнул и ушёл из-за стола…

Когда я была на сносях, он был равнодушен к моим мучениям

и говорил, что подобно тому, как грушевое дерево принадлежит владельцу груш, женщина есть собственность мужчины, коему она приносит детей.

Где мне было искать утешения? Я был так одинока среди надменных лордов, которые думали исключительно о собственных интересах, плели интриги и доносили друг на друга. Вскоре к нашему двору приехал молодой итальянец, получивший образование в Падуе и искавший себе достойного места. Он был честен, умен, прямодушен, и, надо признаться, очень недурен собой. Риччи понравился мне, я сделала его своим секретарём; с ним я отдыхала душой, он искренне сочувствовал мне, – и как-то незаметно мы сделались очень близки.

Дарнли пришёл в бешенство, когда узнал об этом. Он был болезненно ревнив и не мог перенести, чтобы кто-то «оскорбил его честь», как он выражался. Не забывай, Бесс, что он считал меня своей вещью, а вещь не может обладать чувствами – её удел всецело принадлежать своему хозяину. Ничем не ограничивая свою свободу, Дарнли не желал признать за мною этого права хотя бы в малой части.

Развязка была ужасной, – боже мой, эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами! – Мария вытерла внезапно выступившие слезы. – Дарнли вместе со своими приспешниками ворвался ко мне в комнату, когда там был Риччи. Они набросились на бедного юношу, как стая волков; они с таким остервенением кромсали, били и кололи его, что не могли остановиться даже тогда, когда он уже не подавал признаков жизни.

Здесь же, на месте убийства, Дарнли потребовал от меня значительных уступок в управлении страной: он хотел стать полновластным правителем, оттеснив меня в сторону. Не знаю как, но я нашла в себе силы отказать ему во всём; он ничего не добился от меня и ушёл, скрежеща зубами, осыпая меня проклятьями и желая мне всяческого зла.

Если до этого момента у меня оставалось привязанность к нему как к мужу, то теперь в моей душе жила лишь ненависть. Грубый, жестокий и тщеславный, бездарный помощник в делах, человек, который не любил меня и которого я не любила, – что я ещё могла чувствовать к нему?… Но я не убивала его, – нет, нет, Бог свидетель! – перекрестилась Мария. – Если меня можно в чём-то упрекнуть, то в бездействии: я ждала, пока Дарнли сам подготовит свою гибель. Ждать пришлось недолго: в результате его политики меньше чем через год все шотландские лорды молили Господа, чтобы он избавил их от моего мужа. Кто-то составил против него заговор, – обычная вещь в Шотландии, – и

его убили.

В убийстве наши лорды, – а вслед за ними и чернь, – обвинили меня. Глупцы, если бы я замыслила убийство, я бы сделала это так, чтобы на меня не пали подозрения, – с презрением заметила Мария. – Ну, подумай сама, Бесс, зачем мне надо было вызывать Дарнли на встречу в дом, в котором его в ту же ночь взорвали? Устроить такую ловушку – значило заведомо дать повод для обвинений против меня, что в нашей мятежной стране было чревато тяжелыми последствиями. Я действительно встречалась с Дарнли накануне его гибели, но исключительно для того чтобы поговорить о судьбе нашего маленького сына Якова. Уехав из дворца после убийства Риччи, мой муж не желал видеть сына, – хуже того, он интриговал против него, восхотев объявить себя моим наследником вместо Якова. Я пыталась образумить Дарнли, – вот и вся моя вина; могла ли я предугадать, что злоумышленникам станет известно о нашей встрече и они захотят воспользоваться ею для расправы над моим мужем? Скажу тебе больше, – узнав о гибели Дарнли, я проплакала целый день. Казалось бы, что мне его жалеть, он причинил мне так много зла, – а вот, проплакала!.. Как верно говорил древний мудрец: «Быть женщиной – это что-то настолько странное, настолько смешанное и сложное, что ни одно определение не может этого выразить, а если употребить все те многочисленные определения, которые хочется употребить, они будут настолько противоречивы, что выдержать это под силу лишь женщине». Пусть Господь простит Дарнли и дарует ему Царствие Небесное, а я давно всё простила!.. Ну, как шляпка? Не свалится? – спросила она Бесс.

– Нет, мадам. Я закрепила её шпильками.

– Отлично, – Мария постояла перед зеркалом и поправила ленту на шляпе. – Что же, можно ехать… Да, шотландскую корону я потеряла, как потеряла французскую, – и снова причиной была смерть моего мужа. Нашим лордам дай лишь повод взбунтовать народ и поднять его против королевской власти – они своего не упустят. Шотландия восстала против меня через месяц после гибели Дарнли; я была всеми покинута, – в отчаянии я вышла замуж за графа Ботвелла. Он один поддержал меня в трудную минуту, не предал, когда все другие разбежались. Но, увы, будучи очень благородным человеком, граф не обладал никакими другими достоинствами. Войско, которое он собрал, разбежалось при первой же встрече с противником, а еще через месяц нас выгнали из последнего пристанища в Шотландии. Я отрекалась от престола в пользу сына, которого с тех пор не видела, – Мария не смогла сдержать тяжкого вздоха. – Граф Ботвелл был изгнан из страны и тоже навсегда исчез из моей жизни. У меня осталась

корона Англии, на которую я имею больше прав, чем незаконнорожденная Елизавета, но именно поэтому моя кузина дала мне здесь убежище: ей спокойнее, когда я нахожусь в её власти и под наблюдением. Вот я и томлюсь в этом старом замке, и неизвестно, что ждёт меня впереди.

– Что бы ни случилось, ваше величество, я буду с вами, – горячо сказала Бесс. – У нас, в Шотландии, многие помнят и любят вас; моя матушка, отправляя меня сюда, приказывала мне верно служить вам.

– Моя милая Бесс, – Мария поцеловала её. – Но может быть, всё ещё изменится к лучшему…

* * *

Когда королева вышла во двор, ей немедленно подвели коня – светло-серого испанского скакуна чистейших кровей, подарок короля Филиппа. При виде своей хозяйки конь заволновался, начал бить копытами и взбрыкивать, так что слуги едва удерживали его.

– Ну, ну, Роланд, вот я и пришла, – Мария погладила его по холке. – Сейчас отправимся на прогулку.

– Не перестаю удивляться вашей лошади, – проскрипел чей-то голос позади неё. – Какой экстерьер: лоб широкий, профиль прямой, уши маленькие, шея выгнутая, корпус соразмерный, круп мощный, а ноги сильные с крепкими копытами.

– Прибавьте к этому, сэр Эмиас, что мой Роланд сообразителен, послушен, силён и способен служить до тридцати лет, – сказала королева.

– Да, славная лошадь, – отвечал ей поджарый пожилой джентльмен, которого она назвала сэром Эмиасом. – Ценители лошадей отдали бы большие деньги, чтобы она стояла в их конюшне.

– Вы будете сопровождать меня, сэр Эмиас? – спросила Мария.

– По долгу службы.

– Что же, я готова, – она уселась в седле и поправила шлейф платья. – А где же ваш конь?

– Сию минуту будет, – сэр Эмиас подал знак, из-за угла появилась группа всадников, один из которых держал под узды порожнюю лошадь.

– Едем же! Мой Роланд танцует от нетерпения, так ему хочется вырваться на простор! – воскликнула Мария.

Выехав из ветхих ворот замка и проскакав между ржавыми

цепями по подъёмному мосту, она направила коня к роще на вершине холма.

– Нельзя ли попросить вас, мадам, ехать медленнее! – прокричал ей сэр Эмиас. – Попридержите своего Роланда, мы не поспеваем за вами!

– Боже, вы хотите испортить мне прогулку! – с досадой воскликнула Мария. – Что за удовольствие плестись шагом?

– Тем не менее, мадам, настоятельно прошу вас не забегать вперёд, – сказал с трудом догнавший её сэр Эмиас. – Вы слишком торопитесь, это может дурно кончиться, – бывает, что неосторожные всадники ломают себе шею.

– Зато те, кто не спешат, никуда не поспевают, – ответила Мария. – Если не стремиться к цели, то как её достигнуть?

– Цели бывают разные, – глубокомысленно изрёк сэр Эмиас. – Ваш испанский скакун опасен, мадам, – он, как вы правильно изволили заметить, рвётся на простор. Берегитесь, чтобы не попасть с ним в беду.

– Сэр Эмиас, я вас не узнаю сегодня, – сказала Мария. – Откуда подобная забота обо мне?

– Одну минуту, мадам, я лишь прикажу своим молодцам осмотреть опушку рощи: не скрываются ли там, спаси господи, разбойники или другие злые люди? – отдав надлежащий приказ, сэр Эмиас тут же вернулся назад. – Я старый служака и привык исполнять приказы. Мой отец, сэр Хью, тоже был старый служака и исполнял приказы. Хотя не всегда ему удавалось решить поставленную задачу, но никто не осуждал его за это, – напротив, его поощряли. Он закончил службу на губернаторской должности и сумел передать её мне.

– Сэр Хью? Как же, я слышала о нём, – неожиданно улыбнулась Мария. – Это ведь он вёл переговоры со святейшим папой о разводе короля Генриха с королевой Екатериной, когда Генрих решил жениться на леди Болейн? Меня в то время ещё на свете не было, но слухи об этих переговорах надолго пережили вашего батюшку. Говорят, что не выдержав бесед с вашим отцом, один представитель папы выбросился из чердачного окна своей резиденции, другой – скончался от удара, а третий сбежал в Африку проповедовать Евангелие среди людоедов. В итоге переговоры были сорваны.

– Что же из того? Отец выполнил свой долг и получил поощрение от его величества, – ничуть не смутился сэр Эмиас. – Я хочу сказать, мадам, что главное в нашей службе – точно исполнять приказы и не задумываться о том, что стоит за ними. Тайный смысл, полунамёки, вскользь оброненные слова, – это не для нас. Мы не занимаем такого высокого положения, чтобы

пускаться в плавание в туманном море интриг – наш корабль скорее пойдёт в нём ко дну, чем достигнет сказочных берегов. У меня есть приказ охранять вас, и я охраняю; остальное меня не интересует. Я понятно изъясняюсь, мадам?

– Значит, раньше у вас был приказ охранять меня со всей строгостью, а теперь мне даны поблажки? Отчего бы это? – спросила Мария.

– Нет, вы не поняли меня, мадам, – покачал головой сэр Эмиас. – Если вы думаете найти во мне друга, с которым можно вести доверительные разговоры, то это напрасно. Повторяю, нас с вами могут связывать исключительно служебные отношения. Женщины склонны во всём видеть что-то личное; вы гневаетесь на меня, считая, что я как твёрдый сторонник евангелической церкви и преданный слуга её величества Елизаветы не расположен к вам из личных побуждений. Это ошибка: за те шесть лет, что я охраняю вас, у меня, наоборот, возникла к вам некая симпатия, – такое часто случается между охранником и той, которую он охраняет. Но это ровно ничего не значит: если завтра мне прикажут погубить вас, я исполню и этот приказ. Однако я убеждён, что её величество никогда не отдаст такого приказа, – никогда, если к этому не будет весомых причин, очень весомых причин.

– Я вас недооценила, сэр Эмиас, – Мария внимательно посмотрела на него. – Вы умны; напрасно вы стараетесь носить маску недалёкого служаки.

– Видимо, у меня это плохо получается, коль вы говорите такое, – возразил он.

– Вы умны, и я опять задам вам всё тот же вопрос. Режим моего содержания здесь явно изменился, – это, конечно, неспроста. Я долго плавала в «туманном море интриг» и делаю вывод, что какие-то изменения произошли в большой политике. Что-то случилось в Лондоне, – вы можете мне ответить в двух словах, что именно? Не беспокойтесь, вы не разгласите государственных секретов и не нарушите свой служебный долг, потому что я и без вас узнаю это: письма мне получать не запрещено и отправлять их я тоже могу свободно, – сказала Мария.

– Да, письма вы можете получать и отправлять свободно, – подтвердил сэр Эмиас, искоса взглянув на неё. – А государственного секрета в том, что я сообщу, и вовсе никакого нет. Её величество королева Елизавета разорвала отношения с Испанией. Посол короля Филиппа выдворен из Англии.

– Вот как… – протянула Мария. – Но ведь это война.

– Не могу знать, – коротко ответил сэр Эмиас. – Если её

величество нас призовёт, пойдём на войну. Возраст – не помеха, если надо сразиться за Англию и королеву.

– Будет война, а мне дали поблажку. Для чего, – может быть, они хотят, чтобы я бежала, покинула Англию? А может быть… – Мария вдруг побледнела.

– Не могу знать, – повторил сэр Эмиас. – Меня это не касается.

– Благодарю вас, милорд, – сказала Мария, быстро справившись с волнением. – Не бойтесь, я даю слово, что не употреблю вашу откровенность вам во вред.

– Я не боюсь, ведь никакой откровенности не было, – спокойно произнёс сэр Эмиас.

– Даю вам слово, что между нами останутся чисто служебные отношения. Пусть даже вы получите приказ убить меня и исполните его, я заранее прощаю вам и это, – гордо проговорила Мария, выпрямившись в седле.

– Вы – настоящая королева, – склонил голову сэр Эмиас. – Если бы Господь по-другому распорядился нашей страной, я так же преданно служил бы вам, как служу её величеству Елизавете.

– Не сомневаюсь, милорд, – сказала Мария. – А теперь позвольте мне продолжить прогулку. Мне хочется проехаться по лесу.

– С вашего разрешения, я оставлю вас, мадам. Мне, старику, трудно поспевать за вами, вас будет сопровождать сэр Кристофер. Вон он скачет, видите? – сэр Эмиас показал на всадника, несущегося вдоль опушки. – Очень способный молодой человек, недавно прислан к нам из Лондона. Он покладист и охотно пойдёт навстречу вашим пожеланиям. Но будьте осторожны, мадам, не погубите себя, в лесу скрыто так много опасностей.

– Я постараюсь, сэр Эмиас, – ответила Мария, пришпорила коня и направилась к лесу.

* * *

На лесной поляне стояли восемь больших камней, образуя правильный прямоугольник; когда-то он был покрыт плитами из песчаника, наподобие крыши, но они давно обрушились на землю и со временем так густо поросли травой, что были почти неразличимы. Для чего были поставлены эти камни и кем они были поставлены, не мог сказать никто из местных жителей, однако в окрестных деревнях верили, что здесь собираются тролли и ведьмы, а возможно, это был заколдованный вход в подземное царство. Место было проклятое и опасное, люди

обходили его далеко стороной, а если случайно попадали сюда, крестились, плевались и со всех ног мчались прочь.

Королева Мария, едва нашедшая поляну с камнями, тоже осенила себя крестным знамением и лишь затем негромко окликнула:

– Сэр Энтони, где вы?

Из-за камней вышел молодой человек и низко поклонился ей:

– Я жду, ваше величество. Уже не надеялся увидеть вас сегодня. Подумал, что опять вам не удалось обмануть своих тюремщиков.

– Нет, всё прошло гладко. Правда, старик Эмиас несколько задержал меня, зато его помощник Кристофер оказался поразительно сговорчивым. Когда я сказала, что хочу побыть одна, он легко отпустил меня; лишь просил не заблудиться.

– Он наш союзник? – настороженно спросил Энтони.

– Не думаю. Он недавно приехал из Лондона и явно имеет какие-то инструкции насчёт меня.

Энтони приблизился к королеве, взял её коня под уздцы и сказал:

– Плохо, если сэр Френсис заподозрил что-то. Обидно будет, если наше дело закончиться, не успев начаться.

– Сэр Френсис коварен, но он не всеведущ, – ободряюще улыбнулась Мария. – Откуда ему знать, когда о нашем замысле известно пока только мне и вам! Даже ваши друзья не посвящены в суть нашего плана; нет, я убеждена, что сэр Френсис не успел ещё ничего пронюхать.

– Тогда отчего этот Кристофер столь любезен с вами?

Мария нахмурилась.

– Елизавета разорвала отношения с Испанией, разве вы не слышали?

– Как раз с этой вестью я к вам явился, – Энтони изумленно посмотрел на неё. – Но как вы узнали, мадам? И какое это повлияло на поведение ваших стражников?

– Я узнала от сэра Эмиаса… Нет, не подумайте, что он перешёл на мою сторону! Старый Эмиас не так прост, как кажется: перед Елизаветой он хочет выглядеть моим врагом, а мне он демонстрирует свою лояльность. Он держит нос по ветру и в нужный момент повернёт свой корабль на правильный курс. Таких хитрых лисиц, как сэр Эмиас, в Англии теперь много развелось: их даже предателями назвать нельзя, – какое предательство, помилуй бог, когда они верно служат власти, – любой власти, какая бы ни была в стране! Понятие предательства сильно обесценилось у нас: раньше казнили за измену, но сейчас измены нет, потому что нет того, чему или кому можно было бы

изменить. Представьте себе, что Спаситель не пришёл бы в Иерусалим, что его не родила бы Пресвятая Дева; кому тогда изменил бы Иуда? Он стал бы обыкновенным чиновником из окружения Каифы и получал бы свои тридцать серебряников от синедриона в виде ежемесячного жалования. Так и в нашей стране, – Христос забыт, его учение превращено фарисеями в выгодное дело и приносит хорошие доходы; подлость сделалась полезным и необходимым качеством для успеха в жизни, а благородство вызывает смех, как старомодное, проеденное молью одеяние. Предателей нет, говорю вам, – есть хитроумные люди, которые могут воспользоваться сложившимися обстоятельствами.

– Однако сэр Френсис не остался без работы, – заметил Энтони.

– Он вылавливает выскочек, слишком жадных и слишком алчных; честолюбцев, которые чувствуют себя ущемлёнными и хотят славы; наконец, сумасбродов, свихнувшихся на своих идеях. Благородные и нравственно здоровые люди редко попадаются в его сети, – эта рыба нынче почти перевелась.

– Позвольте поинтересоваться, к какому разряду вы относите меня, ваше величество? – рассмеялся Энтони с некоторой принуждённостью.

– Наверно, я должна была бы польстить вам, сказав, что вы благородный человек, борющийся за справедливость и истинную веру, – но я не привыкла лгать своим друзьям и особенно тем из них, кто рискует из-за меня жизнью. По-моему, вы относитесь к тому разряду молодых людей, которые переняв основные черты нашего подлого века, пытаются построить лучшее будущее. Какая бы ни была ваша участь, вы не станете ни апостолом, ни святым, ни мучеником веры, – однако вы можете приблизить то время, когда к нам придут и апостолы, и святые, и великомученики… Вы не обиделись на меня, сэр Энтони, мой друг? – королева ласково взглянула на него.

– О, нет, мадам, – отвечал Энтони, – я ценю вашу откровенность, и вы правы… Но давайте возвратимся к нашему делу. Итак, вы считаете, что ваши тюремщики ни о чём не подозревают?

– Я считаю, что сэр Френсис решил избавиться от меня.

– Но почему?

– В преддверии войны с Испанией он желал бы очистить Англию от всех, кто мог бы оказать помощь врагу или действовать в интересах испанцев. Он хочет уничтожить всё, что угрожает власти Елизаветы внутри страны, а я, как вы понимаете, главная и чуть ли не единственная угроза для этой власти. Моя кузина тоже это осознаёт и мечтает о моей гибели, однако ей

страшно посягнуть на женщину, в чьих жилах течёт кровь сорока поколений королей, и которая связана родством почти со всеми правителями Европы. Я сегодня уже говорила своей фрейлине, что Елизавета большая трусиха, как бы ни желала она выглядеть волевой и бесстрашной. Я жива благодаря её трусости: будь Елизавета по-настоящему смелой королевой, меня давно убили бы.

Но сейчас настал момент, когда медлить больше нельзя: война с Испанией слишком серьёзное испытание, которого власть Елизаветы может не выдержать. Я уверена, что многие из подлецов, близких к ней, втайне уже прикидывают, как удобнее перейти на службу к Филиппу, если тот будет побеждать. Удобнее же всего это сделать, перейдя на службу ко мне, так как все знают о моей близости к испанскому королю – по родству, по вере и по убеждениям. Пошатнись трон Елизаветы, и в моём замке отбоя не будет от знатных лордов и прочих джентльменов, приехавших выразить мне своё почтение и свою преданность.

А если бы Елизавету удалось свергнуть до начала войны, то и воевать не надо было бы, потому что я, естественно, сразу заключила бы мир с Филиппом и вернула Англию в число цивилизованных христианских государств. Война же далеко не всем англичанам по нраву, многие предпочли бы не подставлять свою драгоценную грудь под пули, – а кроме того, не подвергать опасности свои деньги, имущество и семьи, если война перекинется на английскую землю.

– Да, я это понимаю, – сказал Энтони. – Мне не ясен замысел сэра Френсиса относительно вашего величества.

– Мне он также не ясен. Однако, судя по тому что мне разрешили свободно разъезжать по окрестностям замка, сэр Френсис надеется на моё бегство или заговор. Первое менее вероятно: уехав из Англии, я не потеряю притягательной силы для обиженных на Елизавету и недовольных ею; с моим отъездом опасность для моей кузины удалится, но не устранится. К тому же, сэр Френсис не глуп, он знает, что я никогда не соглашусь вернуться в Англию на испанском корабле и войти в Лондон в обозе испанских войск. Мир и союз с Филиппом – обязательно, но быть его наместницей, служить испанской короне – никогда!

– Вы стольким обязаны испанскому королю, – удастся ли вам сохранить независимость? – спросил Энтони. – Мне бы очень не хотелось служить испанцам, – я англичанин!

– Дайте мне стать королевой Англии, а там увидите! – глаза Марии сверкнули. – Я никому не позволю помыкать собой, надо мною нет господина, кроме Бога!

– Ваше величество, – Энтони приложился к её руке.

Роланд дёрнулся и заржал.

– Спокойнее, скоро поедем, – Мария похлопала коня по шее. – Нет, я не убегу, – продолжала она, – и сэр Френсис это знает. Следовательно, его надежда – на заговор, который я составлю. Тогда можно будет предать меня суду за государственную измену, – боже мой, за измену, в нашей-то стране! – и приговорить к казни. Елизавете ничего другого не останется, как утвердить приговор, и она его утвердит: пусть моя кузина и трусиха, но не дура.

– Выходит их замыслы совпадают с нашими, – задумчиво произнёс Энтони.

– Но не в отношении моей казни, – холодно улыбнулась Мария. – Сэр Френсис предоставляет мне свободу для составления заговора – отлично! Заговор будет составлен, однако неизвестно, кто из нас проиграет, – я надеюсь выиграть. Мне некуда отступать; годы идут, и хотя я на десять лет моложе Елизаветы, но я не хочу увянуть в заточении. А если она победит в войне с Испанией, кому я вообще буду нужна? Меня сошлют в какую-нибудь дыру похуже нынешней и там медленно сведут на тот свет.

– Мы не допустим этого, ваше величество! – вскричал Энтони.

– Тише, милорд! – Мария огляделась по сторонам и прошептала: – Что вам удалось сделать в Лондоне?

– Как я сообщал вам, мне удалось найти надёжных людей среди придворных, среди банкиров и даже среди служителей англиканской церкви. Более того, я вошёл в доверие к ближайшей фрейлине Елизаветы.

– Что же вы обещали несчастной девушке, – видимо, неземную любовь?

– Я обещал жениться на ней.

– Нехорошо обманывать девушек, милорд.

– В достижении благой цели все средства хороши, – так учат нас борцы за апостольскую веру из ордена Сердца Иисуса.

– Продолжайте.

– Расположение звёзд явно благоприятствует нам: ещё одна хорошая новость – у Елизаветы появился новый фаворит, племянник графа Лестера.

– Как, в самом деле? Племянник сэра Дадли? – рассмеялась Мария. – Если он пошёл в дядюшку, Елизавету можно лишь пожалеть. В жизни не встречала более бесхребетного и невезучего мужчину, чем Дадли. Елизавета нянчилась с ним, как с малым ребёнком, без её помощи он пропал бы… Так она решила сменить дядю на племянника? Интересно. Сколько же ему лет?

– При дворе говорят, что он ещё не вырос из детской

курточки. Ему едва минуло двадцать.

– Пресвятая Дева! На тридцать с лишним лет моложе Елизаветы! Чем больше она стареет, тем милее ей мальчики… Чем же хорош этот юноша для нас?

– У меня есть кое-какие планы на его счёт, – и мне кажется, я знаю, чем его зацепить. Он может сослужить нам неплохую службу.

– Боже, что за тайны! – воскликнула Мария. – Ладно, я не буду ни о чём допытываться, но скажите, хотя бы, каков будет итог?

– Когда всё будет готово, мы выступим, – решительно проговорил Энтони. – Мы захватим Елизавету, я не сомневаюсь, – но что с ней делать дальше? Пока она жива, трудно будет возвести вас на престол и ещё труднее удержать Англию в покорности. Елизавета популярна в стране, – какие бы ни были на то причины.

– Нет, я не желаю вас слушать, – Мария зажала уши. – Елизавета – еретичка, порождение греха и грешница, но я не собираюсь покушаться на её жизнь. Монастырь и раскаяние – вот что её ждёт!

– Для этого вначале нужно восстановить в Англии монастыри, – возразил Энтони. – Однако боюсь, что пострига будет недостаточно для Елизаветы. Прислушайтесь к моим словам, ваше величество, – пока она жива, вам не знать покоя.

– Нет, милорд, не смейте помышлять о её убийстве! Я запрещаю вам. Я не хочу, чтобы моё правление было замешано на крови, – твердо сказала Мария. – Не спорьте, это моё последнее слово. Возвращайтесь в Лондон, готовьтесь к выступлению, но Елизавета должна жить.

– Вы чересчур добры, ваше величество! – проговорил Энтони, не скрывая возмущения.

– Пусть так, сэр, но кровь Елизаветы не падёт на мою голову, – Мария взяла у него уздцы коня. – А теперь мне пора возвращаться. Известите меня, когда придёт время.

– Вы чересчур добры, ваше величество, – глухо повторил Энтони, глядя ей вслед.

* * *

Любимым местом Марии в замке была мыльня. Она располагалась в полуподвале, вход в который вёл через открытую террасу, а вокруг неё усилиями королевы был разбит чудесный маленький садик. Здесь росли душистый горошек, фиалки,

водяные лилии и розы, но Марии больше всего нравились лаванда и розмарин. Лаванда была связана с небесной покровительницей королевы, ибо прекрасный аромат этому цветку был дарован самой Пресвятой Девой в благодарность за то, что на кусте лаванды сушилась одежда маленького Иисуса. Розмарин же был цветком памяти и верности, а кроме того, символом женской власти; на своих вышивках Мария часто изображала розмарин.

Полуподвал, запущенный и грязный до того как Мария прибыла в замок, был приведён в идеальный порядок за последние годы. Его обшили ореховыми панелями, на потолке выложили две большие мозаики из разных пород дерева, а пол застлали известняком, по которому было приятно ступать босыми ногами.

Посреди подвала стояла купель для купания: ванна из просмоленных дубовых досок, тесно подогнанных, как при строительстве корабля; она была устлана льняным полотном, чтобы в ней мягче было сидеть. Возле ванны стоял открытый шкафчик, где хранились белила, румяна, сулема, квасцы, уксус, духи, миндальное молоко и прочие вещи, необходимые для туалета королевы. Тут же находился стол с зеркалом, где королеву причесывали и накладывали ей грим на лицо. На столе были разбросаны благовония, эссенции, гримировальные средства, помады и пудры; помимо этого, на нём лежала открытая книга герцогини Екатерины Сфорца, в которой описывался наилучший процесс наложения красок на лицо, а также давалась детальное описание средств, инструментов и приёмов работы при нанесении макияжа.

Вернувшись с верховой прогулки, Мария с наслаждением погрузилась в горячую ванну с отрубями и молоком. Служанки протёрли ей лицо водой с лимонным соком, взбитыми яйцами и ячменным тестом, – незаменимое средство для белизны и мягкости кожи, – а потом ушли за составом для маски, который был приготовлен по рецептам лучших парфюмеров из Капуи. Его приготовление занимало пятнадцать дней, а входили в него тушки птиц, которых откармливали сосновыми семечками, топленое свиное сало, телячьи мозги, мякоть белого хлеба и миндальное молочко. Действие маски было поистине волшебным: лицо королевы выглядело свежим и юным, как в восемнадцать лет, – так что стражники замка втихомолку судачили о колдовских чарах королевы.

Дожидаясь служанок, королева весело болтала с Бесс; фрейлина отметила про себя, что настроение Марии значительно улучшилось после прогулки.

– Какое блаженство! – восклицала королева, томно вытягиваясь в купели. – Что может быть лучше ванны, какой прекрасный отдых для тела и души! Когда я жила во Франции, меня поражало, что французы, с одной стороны, обожают своё тело и постоянно думают, как бы его ублажить, а с другой стороны, не любят мыться. Диана де Пуатье, возлюбленная короля Генриха Второго, была исключением из общего правила. О, она знала сотни способов «омовения молодости» и до шестидесяти семи лет, до самой своей гибели, была молода и красива! Увы, её примеру следуют немногие, – когда я попросила дать мне для омовений серебряную ванну Карла Смелого, взятую как трофей французскими войсками ещё при Людовике Одиннадцатом, на меня посмотрели с огромным удивлением, – зачем, мол, я хочу мыться? Не гложет ли меня смертельная болезнь, не готовлюсь ли я к последнему причастию?… Ты смеёшься, Бесс? Но это чистая правда, – французы так боятся воды, как будто могут растаять от неё.

Моя кузина Елизавета, впрочем, тоже страдает водобоязнью, – это издержки плохого воспитания. Отец не любил её, – он ждал рождения сына, – а после того, как Анна Болейн изменила ему со своим двоюродным братом и была казнена, он вовсе возненавидел Елизавету. Она росла вдали от двора, без должного надзора, – некому было приучить её к чистоте. Она не следит даже за своими зубами, из-за чего их осталось мало, да и те в ужасном состоянии. Мне рассказывали, что однажды епископ Лондона предложил Елизавете удалить на её глазах свой зуб, чтобы доказать, что это не страшно. Но она предпочла оставить всё, как есть, – а дабы отбить запах изо рта, непрестанно жуёт ароматные конфетки; мне кажется, она и не подозревает, что нужно чистить зубы золой розмарина, положенной в льняной мешочек.

Всякая другая дама с такими зубами, как у Елизаветы, постыдилась бы смеяться, чтобы не показывать их, но ей всё нипочём! Она смеётся во весь рот, – однако при её дворе это никого не смущает. Там царят такие нравы, что неприлично даже говорить об этом. Вот один случай, из самых невинных. Граф Оксфорд, кланяясь Елизавете, вдруг издал некий громкий звук, который исходит обычно из задней части тела и не может быть одобрен в обществе. Говорят, что находившиеся при этом люди хохотали так, что дрожали окна, но громче всех смеялась Елизавета. Однако этим дело не кончилось: когда граф Оксфорд явился к ней после длительной отлучки, Елизавета сказала ему: «О, дорогой Оксфорд! Как долго вас не было; я уже успела забыть ваш…», – я не могу повторить то слово, что было произнесено.

Возможно ли, чтобы нечто подобное произошло у меня в Холируде? Там были изысканные манеры; там не было и тени пошлости!

– Моя мама несколько раз бывала в вашем замке, когда вы жили в нём. Она всегда с восторгом вспоминала о тех праздниках, что проводились вашим величеством в Холируде, – сказала Бесс.

– Это был самый прекрасный уголок в Шотландии! – подхватила Мария. – В Холируде царило светлое веселье, и музы слетали с небес, чтобы присоединиться к нему! Во всей Европе не было такого блестящего и утонченного двора; моя свекровь Екатерина, мать моего первого мужа, сгорала от зависти… Ты слышала о роде Медичи?

– Да, мадам. Вдовствующая королева Франции, о которой вы упомянули, из этого рода.

– И это всё что ты знаешь о нём? – усмехнулась Мария. – Медичи – род торгашей и спекулянтов, одержимых властолюбием и помешанных на утверждении собственного величия. Даже святой папский престол не избежал их притязаний, – но не будем об этом… Лоренцо, отец Екатерины, считал себя покровителем искусств, французы называют таких «эстетами»; его дочь тоже старалась прослыть тонкой натурой, но всякий кто её видел, сразу понимал, что торгашество у неё в крови. Она одевалась роскошно, но вычурно, стремясь удивить людей богатством наряда, но не своим вкусом; будучи маленького роста, Екатерина заказывала туфли с каблуком не меньше четырёх дюймов и вышагивала, как на ходулях. Некрасивая, с длинным носом, она клала на лицо несколько слоёв грима и носила вуаль.

Екатерина долго не могла забеременеть, она обращалась к лекарям и магам, – ничто не помогало. Наконец, великий чародей Нострадамус дал ей дельный совет: она должна была каждое утро пить мочу мула и носить на нижней части живота навоз коровы, перемешанный с порошком оленьих рогов. Применив это средство, Екатерина обрела такую сильную способность к зачатию, что начала рожать детей одного за другим, в том числе родив двойню.

Частые роды состарили её и она сделалась более некрасивой, чем раньше. При французском дворе она была курицей среди павлинов; пока был жив её муж, Генрих Второй, её никто не замечал, а сам он проводил время с прекраснейшей Дианой де Пуатье, о которой я тебе уже говорила. После гибели Генриха – он погиб нелепо: на турнире щепка от копья попала ему в прорезь шлема, прямо в глаз, и пробила мозг, – Екатерина своими цепкими ручками захватила французский двор. Не имея достаточно ума, чтобы править как должно, она использовала

известные мужские слабости: для того чтобы подчинить себе влиятельных мужчин, Екатерина обольщала их, – нет, нет, не сама, куда ей! – а с помощью своих фрейлин. Прости мне боже, но таких бесстыдных девиц мир ещё не видел! Куртизанки Венеции, известные своим крайним развратом и изощрённостью в плотской любви, должны были признать своё поражение перед фрейлинами моей свекрови. Они сопровождали её повсюду; когда она отправлялась для переговоров к кому-нибудь из своих противников, эти девицы ехали вместе с ней, верхом на белых иноходцах. Шляпы фрейлин были украшены великолепными перьями, – взлетая вверх и паря вслед за несущимися всадницами, они словно взывали к миру или войне…

Мой свёкор Генрих любил меня, как родную дочь; ещё не выйдя замуж за его сына, я уже жила на положении королевы. Заботясь о моём образовании, Генрих нанял для меня лучших учителей, – с ними я изучала французский, испанский, итальянский, древнегреческий языки и латынь, произведения античных и современных авторов. Я также научилась петь, играть на лютне и полюбила поэзию. Я уже рассказывала тебе, что мною восхищался Ронсар, из-за меня дрались на дуэлях.

Свекровь внешне относилась ко мне хорошо, всегда была приветлива и любезна, – однако в глубине души она терпеть меня не могла. Помню, как она сказала: «Нашей маленькой шотландской королеве стоит лишь улыбнуться, как все французские головы обращаются к ней». Да, все французские головы обращались ко мне! Если бы не преждевременная смерть моего мужа, кто знает… – вздохнула Мария. – А во что Екатерина превратила Францию! – продолжала она. – Эта прекрасная страна разорена, погибла, гражданская война скоро уничтожит остатки её населения. Екатерине нужно было всего лишь слушаться советов Гизов, опираться на Католическую Лигу, – и всё было бы замечательно! Французы – добрые католики и весёлые люди; сумрачная ересь Лютера и жестокие проповеди Кальвина одинаковы чужды им. Лишь такие сумасброды, как Генрих Наваррский, могли увлечься протестантскими бреднями. До чего же надо было довести не склонных к крайностям французов, чтобы они устроили эту страшную резню в ночь святого Варфоломея!

При моём дворе никогда не могло случиться подобного. Человеколюбие и преклонение перед искусством – вот два закона, определявших его жизнь. К нам приезжали с континента лучшие поэты, музыканты, скульпторы, философы и просто изящные кавалеры, отличающиеся превосходным обращением. Разве можно было сравнить мой Холируд с Лувром Екатерины или с

Вестминстером Елизаветы? Варварство и грубость делают её двор посмешищем для всех цивилизованных стран… Принесли раствор для маски? – спросила Мария служанок, вернувшихся в мыльню. – Хорошо. Он должен остыть, поставьте его на столик. Давайте займёмся пока моими волосами; парикмахер придёт позже, – а мог бы совсем не приходить, я трепещу от мысли, что за причёску он мне соорудит! – однако до его прихода нам надо вымыть голову и осветлить волосы по нынешней моде. Приступайте, мои дорогие, берите сначала душистое мыло, а потом настой шафрана, лимона и ромашки…

Вымыв голову, королева встала из ванны, облачилась в длинное покрывало из мягкого левандийского руна и вышла на террасу. Здесь она уселась спиной к солнечным лучам, на лицо ей наложили чудодейственную маску и прикрыли шелковым платком, а волосы вывесили на самое солнце, чтобы они постепенно обретали золотистый оттенок без ущерба для их владелицы.

– Расскажи мне что-нибудь, Бесс, – расслабленно проговорила королева. – Что-нибудь о твоей жизни.

– Моя жизнь вряд ли интересна для вас, – ответила Бесс. – У меня такое ощущение, что она начинается только сейчас.

– У тебя был возлюбленный?

– О, мадам!..

– Ты смутилась? Ты девственница? – королева приподняла платок и взглянула на Бесс. – Впрочем, о чём это я, – в нашей старой Шотландии до сих пор в силе патриархальные обычаи, – Мария приняла прежнюю позу. – Но ведь был кто-то, о ком ты мечтала?

– Ах, мне совестно признаться, ваше величество! – Бесс принялась невольно теребить пояс своего платья.

– Ну же, милая, чего ты боишься, нас никто не слышит!

– Я была влюблена в Малколма Мак-Лауда.

– В кого?!

– Не смейтесь надо мною, мадам! Я знаю, что это глупо, но я была влюблена в него, – Бесс от отчаяния готова была заплакать.

– Бог с тобой, дорогая, я и не собираюсь смеяться, – из-под платка сказала Мария. – Ты, верно, начиталась баллад Томаса Лермонта или Томаса-Рифмача, как его называют в народе?

– Да, мадам, вы правильно догадались.

– Это не сложно. Кто из нас не мечтал о добром, отважном, мужественном и благородном Малколме Мак-Лауде, – каким описал его славный поэт Томас Лермонт? Даже феи влюблялись в Малколма, а одна из них стала его женой и подарила ему волшебное покрывало, – ты помнишь?

– Я знаю наизусть все баллады о Малколме! – трепетно произнесла Бесс.

– Я тоже знаю их. Помнится, я очень переживала, когда няня рассказывала мне, как злые и противные Мак-Дональды напали ночью на Мак-Лаудов. «Лишь бы они не убили Малколма, лишь бы он победил их», – думала я. Как видишь, он был героем и моих мечтаний.

– Вы говорите со мною как с ребёнком, мадам, – в голосе Бесс прозвучала обида.

– Что же плохого в ребёнке? – возразила королева. – Дети лучше взрослых, не так ли?

– Да, но…

– Но тебе хочется быть взрослой. Я понимаю; подобно тому, как Адам и Ева райскому блаженству предпочли скорбный земной мир, их внуки стремятся сменить безоблачную пору детства на тревожную взрослую жизнь… Между прочим, в нашем окружении появился молодой человек по имени Кристофер. Опасайся его, Бесс! У него приятная внешность, – но он из Мак-Дональдов, а не из Мак-Лаудов. Смотри, не прими его за Малколма, чтобы после не раскаиваться.

– Я вообще не буду обращать на него внимания! – возмущенно ответила Бесс. – Зачем он мне нужен?

– Ах, милая, если бы мы знали, зачем нам нужен именно тот мужчина, а не другой! – сказала королева.

* * *

Обед в замке начинался вечером и заканчивался к полуночи. На стол всегда выставлялось несколько десятков блюд, но Мария, привыкшая к роскоши Версаля и Холируда, считала здешнюю гастрономию бедной. Однако королева не проявляла недовольство по поводу еды, как не проявляла его по поводу других неудобств замка, – более того, в пост требовала убрать половину кушаний, в том числе всё скоромное. Сэр Эмиас, постов не соблюдавший, но обязанный присутствовать на обедах королевы, приходил от этого в уныние. «Бог дал человеку желудок не для того, чтобы он был пустым», – ворчал старый джентльмен.

Сегодня день был обычный, скоромный, и слуги принесли на стол молочного поросёнка, зажаренного в оливковом масле и политого винным соусом; фазана с ягодами и фисташковыми орехами; седло барашка, с зеленью и пряностями; филе форели, запечённое в сметане с луком; пироги с мясными и фруктовыми

начинками, – а также провансальские паштеты, фламандские салаты, итальянские каприччио и арабские сладости.

На буфет поставили разнообразные вина; их подавали каждому из сидевших за столом по требованию, в стаканах из венецианского стекла, и потом эти стаканы мылись прислугой в сосуде с горячей водой – деревянном, чтобы опасность разбить драгоценное стекло была меньше, – и на глазах у обедающих, дабы они могли видеть, что чистота соблюдается в полной мере.

Мария требовала чистоты неуклонно и во всём, а особенно во время еды. Перед обедом проводился целый ритуал мытья рук. Серебряные тазики и кувшины с полотенцами всегда находились на входе в обеденную комнату, и прежде, чем сесть за стол, вся компания направлялась мыть руки.

– Вы не будете возражать, мадам, если мой молодой друг присоединиться к нашей трапезе? – говорил сэр Эмиас, подталкивая вперёд Кристофера.

– Я рада, – ответила королева, изобразив улыбку на лице.

– Мадам, вы слишком добры ко мне! – воскликнул Кристофер, приложив руку к груди и кланяясь.

– Как и вы добры ко мне, милорд, – сказала Мария, отбросила полотенце и пошла к столу.

Сэр Эмиас уселся возле королевы, а Кристофер сел около Бесс.

– Что за чудесная вышивка на скатерти! – произнёс он, чтобы начать разговор. – Золотые львы вытканы с необыкновенным искусством, а цветы будто благоухают… Меня зовут Кристофер, а вас зовут Бесс?

– Бесс – это имя для близких мне людей, – недовольно заметила она, не поднимая глаз.

– Позвольте предложить вам кусочек фазана, Бесс? – спросил Кристофер, будто не услышав её замечания. – Нет, нет, любезнейший, я сам буду служить леди Бесс, – остановил он лакея и прибавил, обращаясь к ней: – Служить вам, – ради одного этого стоило прибыть в замок! Другой награды мне не надо.

– Какой обходительный юноша, – сказала, между тем, королева сэру Эмиасу.

– О, да! Он далеко пойдёт, – кивнул старый джентльмен.

– Вы давно имеете честь быть фрейлиной королевы Марии? – спросил Кристофер девушку.

– Я недавно приехала к её величеству, – отвечала Бесс, упорно не глядя на него.

– Значит, мы оба новички при королевском дворе! – весело рассмеялся он. – Давайте держаться друг за друга, вместе не так страшно.

– Вы чего-то боитесь?

– В данный момент я боюсь, что так и не увижу ваших прекрасных глаз.

– Откуда же вам известно, что они прекрасны, если не видели их?

– Но я вижу вас! В таком совершенном создании не может быть ничего несовершенного…

– Милорд! – позвала королева Кристофера. – Вы столь оживленно беседуете, что нам с сэром Эмиасом тоже хотелось бы послушать, о чём вы говорите.

– Я говорил леди Бесс…

– Бесс? Вы уже так её зовёте?

– Я говорил леди Бесс, какая чудесная вышивка на скатерти.

– Эту похвалу вы должны обратить ко мне, – сказала Мария, – ибо это моя работа.

– Да что вы, мадам?! Никогда бы не подумал, что ваши царственные ручки могут так мастерски владеть иголкой! – изумился Кристофер.

– Когда я вышивала эту скатерть, я почему-то вспоминала историю о Пираме и Фисбе. Вы читали Овидия?

– Не думаю. Сэр Кристофер знает латынь не лучше меня, – ответил за него сэр Эмиас.

– К сожалению, это правда, – кивнул Кристофер. – В этом изъян нашего образования. Лишь такие выдающиеся личности, как королева Елизавета, легко изъясняются и пишут на нескольких языках, древних и современных.

– Её величество королева Мария также владеет этим даром, – перебила его Бесс.

– Конечно! Простите мою бестактность, – не говорил ли я вам, что я новичок при дворе! И вы простите меня, мадам, никто не сомневается в вашем выдающемся уме и всем ведомо, какое блестящее образование вы получили, – Кристофер отвесил поклон Марии.

– Благодарю вас, милорд. Разрешите мне продолжить? – сказала она. – Я собираюсь рассказать историю Пирама и Фисбы, – как нам об этом поведал Овидий.

Жили когда-то в Вавилоне двое влюблённых – Пирам и Фисба. Они не могли жить друг без друга, но их родителей разделяла давняя вражда, – так что у бедных Пирама и Фисбы не было надежды на родительское благословение. Более того, прознав про их любовь, родители несчастных под страхом жестокого наказания запретили им встречаться.

Но, несмотря на запрет родителей, Пирам и Фисба всё-таки решили тайно встретиться за стенами города. Свидание было

назначено у высокой шелковицы, стоящей на берегу ручья. Фисба пришла первой, но пока она дожидалась возлюбленного, появилась, как пишет Овидий, «с мордой в пене кровавой, быков терзавшая только что, львица». Фисба спаслась бегством, но с её плеч упал платок, который львица разорвала своими окровавленными клыками.

Когда Пирам пришёл на место свидания и увидел разорванное, испачканное кровью покрывало, он представил себе самое худшее. Коря себя за гибель возлюбленной, он вонзил меч в свою грудь. Фисба, вернувшись, нашла Пирама умирающим, – тогда она схватила меч и, направив его себе прямо в сердце, бросилась на него.

Пирам и Фисба погибли, – а после смерти боги превратили их в реки, которые текут рядом, стремятся соединиться, однако не могут сделать этого из-за неодолимых преград.

– Какая печальная история, – вздохнула Бесс.

– Нет повести печальнее на свете, – подхватил Кристофер. – Я вспомнил: один итальянский автор создал новеллу на тот же сюжет. Право слово, не знаешь, плакать или смеяться над этим произведением! Должен вам сказать, что итальянцы – народ с удивительным характером; южная природа, – яркая, пышная, но легкомысленная, – определённо оказала на него своё влияние. Каждый итальянец – артист по натуре; все они постоянно играют, сопровождая свою игру, как в хорошем театре, великолепной музыкой, и обставляя действие живописными декорациями. Политика, война, любовь, предательство, смерть – всё для них игра; они даже убивают и погибают играючи, так что никто не умирает у них, не сказав несколько красивых слов на прощание.

– Вы бывали в Италии, милорд? – спросила Мария.

– Да, бывал, – ответил Кристофер. – Послушайте же, как звучит повесть о Пираме и Фисбе в интерпретации итальянского автора, о котором я упоминал. В некоем городе жили два семейства, смертельно враждовавших между собой. Когда я говорю «смертельно», то это не аллегория: в новелле кровь течёт рекой, – то и дело кого-нибудь закалывают шпагой или кинжалом, и бедняга испускает дух, но, разумеется, не сразу, а после длинного предсмертного монолога. Вот, думаешь, он умер, – но нет, он поднимает голову и опять говорит что-то; вот, кажется, жизнь окончательно покинула его, – однако он внезапно воскресает, чтобы сообщить нам ещё что-нибудь. В итоге, когда его тело уносят, – чуть было не сказал со сцены, – с улицы, где его убили, вы ничуть не удивитесь, если он и в этот момент оживёт, дабы прибавить пару фраз к своему предыдущему выступлению.

Вы улыбаетесь, леди Бесс? Я не преувеличиваю: именно так

описывает автор кровавую вражду в своей новелле, – а по-другому в Италии быть не может.

Не менее любопытно описание любви. Пирама и Фисба – не помню, какие имена придумал им мой автор, поэтому буду называть их теми именами, которые дал им Овидий. Пирам и Фисба влюбляются друг в друга с первого взгляда; их охватывает такая сильная страсть, что, не перемолвившись единым словом, они уже не способны жить в разлуке. Они готовы на самые безумные поступки, они не желают знать, к чему их это приведёт, они с презрением смеются над предостережениями друзей и доводами рассудка.

Вы возразите мне, сэр Эмиас, что в любви такое случается довольно часто?

– Так и есть, – пробурчал сэр Эмиас.

– Согласен, любовь и безумство нераздельны, – кивнул Кристофер, – влюблённый, как настоящий безумец, одержим одной идеей, которая полностью овладевает его умом, его желаниями и помыслами, которая пытается подчинить себе весь порядок его привычного мира. Да, любовь – это безумство, и прав был поэт, утверждавший, что тот, кто сохраняет ум в любви – не любит.

Итальянцы доходят в этом безумии до крайнего предела. Они ведут себя в любви как подлинные сумасшедшие и совершают поступки, достойные дома душевнобольных. Фисба, например, выходит ночью на балкон своего дома и начинает разговаривать со звёздами, деревьями, цветами и ветром: она рассказывает им, какой замечательный человек Пирам и как она его любит. Тут поспевает и сам Пирам, который потерял от любви слух, но зато зрение его обострилось: он видит в темноте, как Фисба шевелит губами, но слов её не может разобрать. Затем слух к нему возвращается, и Пирам с Фисбой горячо твердят о своей любви, привязывая к ней всё, что видят вокруг: луну, те же звёзды, ветки деревьев, зарницы на небе и даже ручную птицу на привязи. Как видите, я не преувеличил, – весь мир для влюблённых подчинён навязчивой идее.

Заканчивается эта история печально, но львицы в итальянской новелле нет: Пирам и Фисба расстаются с жизнью по недоразумению, причиной которого являются они сами. Родители хотят выдать Фисбу замуж за богатого горожанина; её духовник советует ей притвориться мёртвой, выпив особое снадобье. Она это немедленно делает, даже не подумав предупредить Пирама о своём хитроумном плане.

Пирам находит Фисбу бездыханной. Вы полагаете, он пытается привести её в чувство, вызывает лекаря, расспрашивает,

по крайней мере, её духовника? Плохо вы знаете итальянцев! Он тут же выпивает яд и умирает, – конечно же, успев произнести монолог перед смертью.

Как только он умер, Фисба очнулась, – исключительно для того, чтобы тут же заколоть себя кинжалом; понятно, что с глубокой раной в груди она тоже произносит монолог перед тем, как умереть. Затем являются родители Пирама и Фисбы, приходит духовник, и все они вместе, над телами погибших влюблённых, также произносят речи, – нельзя же упустить такой повод!

Всё, повесть окончена! И что это, по-вашему, трагедия или комедия?

– Боюсь, что ваш пересказ отличается некоторой вольностью, – сказала Мария. – Странно, что вы рассказали о любви в подобном тоне, который больше подошёл бы сэру Эмиасу, чем вам.

– Я подтрунивал над тем, как любовь показана в итальянской новелле, – возразил Кристофер. – Согласитесь, мадам, что описание любви и сама любовь – несколько разные вещи. Одно может быть сильнее другого, и грустно, если проигравшей оказывается любовь.

– Ваш язык хорошо подвешен, – Мария произнесла это так, что нельзя было понять, одобряет она или осуждает Кристофера. – Вы будете иметь успех у женщин: мы от Евы падки на льстивые речи.

– Перед этим тараном не устоит ни одна женская крепость, – флегматично заметил сэр Эмиас.

– Вы преувеличиваете мои скромные способности, господа, – рассмеялся Кристофер. – Я болтаю, что в голову придёт, и пересказываю чужие слова. Считайте, что в этой комнате сидит попугай и трещит без разбору обо всём подряд.

Бесс улыбнулась во второй раз и бросила быстрый взгляд на Кристофера.

– Наконец-то ваши очаровательные глазки посмотрели на меня, – шепнул он ей на ухо, щекотно и горячо. – Они намного красивее, чем я думал.

Бесс покраснела, но видно было, что ей приятно.

– Малышка готова сдаться, – пробормотал про себя сэр Эмиас. – Дело пошло на лад.

Часть 3. Придворный театр

При короле Генрихе театральные постановки показывали сначала в гостиницах, где был большой внутренний двор, а потом для театра был отведен пустырь на берегу реки. Его расчистили от мусора и огородили высоким забором, к внутренней стороне которого пристроили ложи для знатных господ; народу же попроще предоставили право стоять перед сценой, на площадке под открытым небом. Сама сцена также не имела крыши, лишь в дальнем углу ее был небольшой сарайчик, в котором актёры переодевались и ждали своего выхода.

При Елизавете вид театра существенно изменился; у королевы была своя придворная труппа, – вместо пришлых и случайных актёров, которые играли раньше. Театр стал похож на дом, здесь появились некоторые удобства и красота. Для избранных зрителей были выстроены полукругом две галереи, за которыми находились комнаты, где можно было отдохнуть, поесть и выпить во время длинного спектакля. На сцене возвели деревянное здание с башней, называвшейся «костюмерным домом». Внутри этого здания одевались и гримировались актёры, хранились костюмы и бутафория. Особая комнатушка была отведена очень важному человеку в театре – «хранителю книг», который держал у себя рукопись пьесы, отмечая в ней сделанные по ходу спектакля изменения и сокращения, – ибо актёры с авторским текстом обращались вольно, полагая его своей полной собственностью, – а также следил за своевременными входами и выходами исполнителей.

Из «костюмерного дома» на сцену вели две двери, между которыми был сооружён прикрытый занавесом альков. Он мог изображать спальню, склеп, темницу, каюту корабля или другие помещения, требующиеся для пьесы. Над альковом находился балкон с таким же богатым предназначением, – а чтобы публика не путалась в смысле декораций, актёры сообщали, что каждая из них представляет собой в данную минуту: например, «вот вершина нависшей над морем скалы, где ждут меня с известием роковым», – говорил артист, взбираясь на балкон, или «вот я нашёл темницу, где томится моя любимая и слёзы изливает от тоски», – возвещал он, стоя перед альковом.

Передняя часть сцены вклинивалась почти на треть в партер, который по-прежнему оставался стоячим и был местом для простой публики. На передней площадке проходили главные действия спектакля; ей же пользовались для показа чрезвычайно популярного фехтования, без которого обходилась редкая

постановка, – и тут же выступали клоуны, жонглеры и акробаты, развлекавшие публику между актами пьесы и порой пользующиеся большим успехом, чем собственно актёры.

Приезд в театр королевы был большим событием; зрители вставали и кланялись ей, а актёры выходили на сцену и спрашивали разрешение начать спектакль. Елизавета разрешала, и лучший из артистов произносил благодарственный монолог в её честь; королева сидела в своей ложе и милостиво улыбалась. Зная, что все взоры притянуты к ней, Елизавета одевалась в театр так, чтобы её наряд соответствовал текущей политической обстановке: после разрыва отношений с Испанией, королева выезжала в свет в ярких праздничных платьях, которые исключали мрачные мысли и предчувствия, – такое же платье было надето на ней и сейчас. Лицо Елизаветы было спокойным и даже несколько беспечным; она непринуждённо беседовала с молодым джентльменом, сэром Робертом. Он занял место возле королевы, что, конечно, не осталось незамеченным публикой.

– …Да, все мы играем, даже наедине с самими собой, – назидательно говорила Елизавета. – Высший Творец пишет для нас трагедии и комедии и распределяет в них роли, но он не даёт прочитать всю пьесу, поэтому нам приходится импровизировать и угадывать, что будет дальше. У одних это получается хорошо, их провожают аплодисментами; другие кое-как справляются со своей ролью, после окончания спектакля их быстро забывают; третьи играют так плохо, что им свистят вослед.

– В таком случае, вы – великая актриса, мадам. Вас встречают овациями, – сказал Роберт. – Политика вашего величества вызывает всеобщее одобрение.

– Верьте расставаниям, а не встречам, они искреннее, – возразила Елизавета. – О вас будут судить по тому, как с вами расстались, а не как встретили.

– Я это запомню, мадам – поклонился Роберт, но не мог скрыть некоторого раздражения.

– Однако давайте смотреть представление, оно уже начинается, – сказала Елизавета.

Спектакль был на тему дня; вообще-то речь шла о немецком учёном докторе, который продал душу дьяволу, но скрытом мотивом постановки являлась борьба с испанским королём и поддерживающей его папской церковью. Вначале *Хор* разъяснил зрителям, кто таков главный герой пьесы:

Родился он в немецком городке
В семье совсем простой;
Став юношей, поехал в Виттенберг,

Где с помощью родных учиться стал.
Познал он вскоре тайны богословья,
Всю глубину схоластики постиг,
И был он званьем доктора почтен.

Его гордыни крылья восковые,
Учёностью такою напитавшись,
Переросли и самого его.
Безмерно пресыщенный он
Проклятому предался чернокнижью…
Таков тот муж, который здесь пред вами
Сидит один в своей учёной келье.

При слове «келья» *Хор* дружно показал на альков на сцене, чей занавес немедленно поднялся и публика увидела немецкого учёного мужа, который с неимоверной гордыней восседал на стуле и посматривал свысока в зал, то и дело вздёргивая голову. Затем немец начал творить магические заклинания, при вспышках молнии и грохоте грома, сопровождаемыми клубами едкого серного дыма. Всё это было результатом искусной работы за сценой – с порохом, жестяными листами и серой – но публика замерла от страха; «Господи Иисусе!» – послышался чей-то отчаянный возглас. Страх ещё более увеличился, когда на подмостки выскочили, завывая и дико вопя, мерзкие демоны. В партере кому-то сделалось дурно и даже в галереях послышались нервные смешки.

В самый драматический момент из адской бездны явился Мефистофель; он был одёт во всё чёрное, густо вымазан сажей, а вокруг глаз ему нанесли фосфорическую краску, издающую мертвенный свет. Люди в ужасе отшатнулись от сцены и готовы были броситься из театра вон, если бы на подиум не выскочил шут, который, кривляясь, смеясь и отпуская забавные замечания насчёт немцев и чертей, смягчил впечатление от адского кошмара.

Далее спектакль шёл без осложнений. Доктор выдумывал всё новые развлечения для себя и охотно поддавался искушениям Мефистофеля, не внимая скорбным увещеваниям светлого ангела и слушая ангела тёмного, – при этом светлый ангел был одет в цвета Елизаветы, а тёмный – в цвета испанского короля Филиппа. Попав в Рим, доктор невидимым образом присутствовал при папском дворе, где воочию узрел семь смертных грехов: Гордыню, Алчность, Гнев, Зависть, Чревоугодие, Леность и Сластолюбие. Шут, вновь выскочивший на сцену, и здесь не преминул отпустить

свои замечания.

Одержимый гордыней, учёный, но неразумный немец уже мечтал, подобно испанцам, о мировом господстве:

Наш опыт, эти книги
Молиться нам заставят все народы!
Как дикари индейские испанцам,
Так будут нам покорствовать все силы.

Огромные тяжёлые суда
Пригонят из Венеции нам духи,
Возьмут руно в Америке златое,
Что каждый год доныне притекало
В сокровищницу старого Филиппа.

Однако время, отпущенное доктору нечистой силой, закончилось; из адских глубин поднялся Люцифер, ещё раз заставив публику содрогнуться от ужаса, и забрал грешную душу немца.

В заключение на сцене опять появился *Хор* и пропел назидательные стихи:

Обломана жестоко эта ветвь.
Которая расти могла б так пышно.
Сожжён побег лавровый Аполлона,
Что некогда в сём муже мудром цвёл.

Его конец ужасный
Пускай вас всех заставит убедиться,
Как смелый ум бывает побеждён,
Когда небес преступит он закон.

Зрители захлопали в ладоши, но смотрели при этом не в сторону актёров, вышедших на поклон, а на Елизавету. Она поднялась со своего места и приветствовала их; тогда театр взорвался от бурных криков радости и неистовых рукоплесканий.

– Вы счастливы вдвойне, ваше величество, – сказал сэр Роберт с улыбкой. – Вас торжественно встречают и с любовью провожают.

– Главное теперь, не обмануть мой народ, – отвечала королева, и, мельком взглянув на Роберта, прибавила: – Знаете ли, милорд, мне не нравится лесть, а тем более от близкого друга. Как женщину вы можете осыпать меня комплиментами и каждый из них достигнет цели, но что касается политики, вы в

ней – сущее дитя. Ваши замечания кажутся мне в лучшем случае наивными, а в худшем… Не буду вас огорчать.

– Вы и обращаетесь со мною как с ребенком, – с обидой возразил он, – шагу не даете ступить без наставления.

– Возможно, вы пробудили во мне материнские чувства, – на что же тут обижаться? Вы слишком молоды и не знаете, что женская любовь настолько сложна, что разобраться в ней не по силам даже мудрецам. Спросите у любящей женщины, что такое для неё любимый мужчина, и если она будет откровенна с вами, она скажет: он мой муж, мой отец и мой сын. У некоторых больше одно, у других – второе или третье, но все эти чувства тесно переплетены. А вы так молоды, что мне трудно относиться к вам как к отцу или мужу, – на что же обижаться? – повторила Елизавета.

– Вот и опять вы со своими поучениями! – воскликнул Роберт. – Кто я при вас: паж, мальчик для забавы? Я люблю вас всем сердцем, а вы будто играете со мною!

– Тише, милорд, вы привлекаете внимание, – одёрнула его Елизавета. – К тому же, ваши слова об игре забавно звучат в театре. И разве я не говорила вам, что мы все играем?

– Вам игра, а мне погибель! – не унимался Роберт. – Не об этом я мечтал, когда надеялся стать вам ближе.

– О чём же вы мечтали – занять пост лорд-канцлера? – насмешливо спросила Елизавета, выходя из ложи. – Я бы с удовольствием подписала это назначение, но боюсь, что вскоре мне пришлось бы спасать вас от моих разгневанных подданных. Кто знает, может быть со временем…

– А пока я останусь пажом при вашей особе. Славную роль вы мне уготовили, – горько произнёс Роберт.

– Вы мне нравитесь в качестве пажа, и моего желания должно быть достаточно для вас, если вы любите меня как женщину и как королеву, – сухо возразила Елизавета. – А вот что мне совсем не нравится, так это ваше глупое тщеславие и пустая обидчивость. Прощайте, я не желаю вас больше сегодня видеть, несносный мальчишка.

Елизавета отвернулась от него и подала знак своим гвардейцам, чтобы они помогли ей добраться до кареты сквозь восторженную толпу народа.

* * *

Вернувшись из театра в пятом часу пополудни, Елизавета застала в зале Совета сэра Уильяма и сэра Френсиса: они

терпеливо дожидались её, дабы поговорить о неотложных государственных делах.

Елизавета, не успевшая переодеться после театра и удручённая размолвкой с Робертом, была раздражена.

– Добрый день господа, – бросила она, усаживаясь в своих широких фижмах на самый край бархатного табурета. – Зачем вы меня ждали?

– Ваше величество… – начал сэр Уильям, но королева перебила его:

– Театр, театр, – всюду театр!..

– Ваше величество? – удивился сэр Уильям.

– Я говорю, что театр – наше любимое национальное развлечение. Итальянский театр чересчур напыщенный, французский слишком легкомысленный, немецкий, наоборот, тяжеловесный, но наш английский театр отражает жизнь, не опускаясь, однако, до простого копирования. Мы отстаем от Европы в живописи, однако то, что фламандцы или итальянцы изображают на своих полотнах, у нас показывают живыми картинами. Вы замечали, как наше простонародье любит театральные зрелища? По пути из театра я наблюдала интересное представление. Два пьяных подмастерья осыпали друг друга ругательствами на углу улицы. Вокруг собралась большая толпа, так что даже моя карета не могла проехать. Люди слушали, как ругаются подмастерья, и поощряли наиболее удачные обороты речи свистом, криками и дружными аплодисментами. Мои гвардейцы хотели разогнать народ, но я не позволила, – я не могла лишать моих подданных такого удовольствия! В конце концов, подмастерья подрались, а в толпе стали заключать пари, кто из них победит. Когда же один из этих драчунов рухнул наземь и не смог подняться, все были разочарованы столь быстрой развязкой, – включая и тех, кто оказался в выигрыше… Да, никто так не любит театр, как мы, – предсказываю вам, что в театре мы достигнем необыкновенных высот, – после этой тирады Елизавета уже в обычном тоне спросила: – Так зачем же вы хотели меня видеть?

– Ваше величество, – снова начал сэр Уильям, – прежде всего, надо решить вопрос о новых льготах для привилегированных компаний. Они исправно платят налоги в казну, но для роста прибыли компаниям нужны некоторые послабления. Я полагаю, что мы можем пойти им навстречу.

– Нет, никаких новых льгот! – затрясла головой Елизавета. – Они и без того находятся у нас на особом положении. Сколько же можно отрывать от государства и давать им!

– Но ваше величество, прибыль…

– Джентльмены, владеющие этими компаниями, получают достаточно прибыли, – не отступала Елизавета. – Если им кажется мало, то это уже болезнь. Пусть обратятся к врачу, он назначит им нужное лечение.

– Мадам, но это лучшие люди страны, – с укоризной произнёс сэр Уильям.

– Я не спорю, милорд. Сейчас, кстати, самое время доказать это. Война на пороге и мы нуждаемся в их помощи… И ещё, милорд, я давно собиралась вам сказать, что удачная торговля – это прекрасно, но не следует забывать благополучии государства. При моём отце, короле Генрихе, всё было выставлено на продажу: имущество и земли монастырей, крестьянских общин, – а порой и короны, – шли с молотка. Они доставались тем, кто был ближе к Генриху, – упокой, Господи, его душу! Правда, мой отец следил, чтобы не было злоупотреблений, – однако значительная часть денег всё же прошла мимо казны. Вы помните сэра Джеймса?

– Конечно, – ответил сэр Френсис вместо сэра Уильяма.

– Сэр Джеймс – один из тех, кто помогал проводить реформы вашему покойному батюшке, – сказал сэр Уильям.

– Да, он помогал. В результате состояние сэра Джеймса выросло до баснословных размеров, но какой с этого был прок государству? Пока сэр Джеймс был жив, он хотя бы платил налоги в казну, – но когда он умер, его наследники промотали всё до последнего гроша. Ладно бы это произошло у нас, и деньги, таким образом, не ушли бы из страны, но наследники жили во Франции. Богатство сэра Джеймса пошло на пользу другому государству, а ведь это было наше, английское богатство! – Елизавета не скрывала возмущения. – Нет, сэр Уильям, деньги – ненадёжная вещь, если речь идёт о державных интересах. Государство держится на земле и на том, что производится на этой земле. Нам надо обдумать, как вернуть общинную землю крестьянам. Хватит им бродяжничать и заниматься разбоем; мы вырастили уже два поколения людей, которые не хотят работать, но ищут где бы что урвать. Какие же из них граждане, если они ничего не имеют; что за подданные они, если с них нечего взять!

– Ваше величество излагает мудрые мысли, – поклонился сэр Уильям. – Позвольте лишь указать на то, что накануне войны производить реформы не совсем удобно.

– Особенно, когда наши враги поднимают голову, – прибавил сэр Френсис.

– Враги? – переспросила Елизавета. – Значит, вы плохо служите мне? Враги – это по вашей части, сэр начальник секретной королевской службы.

– Все свои силы я отдаю службе вашему величеству. Но если вы считаете, что я плохо служу, вы можете заменить меня или отдать под суд, – сэр Френсис насупился и уставился в пол.

– Я пошутила, милорд.

– Я не понимаю таких шуток, – пробормотал сэр Френсис.

– Как будто вы вообще понимаете шутки, – проговорила про себя Елизавета, а вслух сказала: – Я довольна вашей службой, сэр Френсис, и доказала это, награждая и возвышая вас… Объясните же мне, какие враги поднимают голову?

– Испанский король тоже готовится к войне, – сказал сэр Френсис, глядя на носки своих сапог, – в том числе, к войне тайной. Он посылает в Англию своих агентов, которые пытаются сеять смуту среди ваших подданных; в Италии на деньги испанцев и под покровительством римского папы открыты школы, которые специально обучают подобных агентов. Находится достаточное количество англичан, которые идут в эти школы, и большая часть из них – фанатичные католики, желающие смерти вашему величеству.

Должен заметить, что у испанского короля больше возможностей для ведения тайной войны, чем у нас. В Испании, как вам известно, нет приверженцев евангелической веры, среди которых мы могли бы вербовать своих помощников. Кроме того, власть короля Филиппа поддерживается инквизицией, требующей безусловного повиновения ему как верховному покровителю католичества. Исходя из всего этого, мы не можем вызвать брожение в испанском обществе, поднять восстание в этой стране или составить заговор против Филиппа.

Нам удаётся получать надёжные сведения из Испании, наши люди есть и в итальянских школах, – но надеяться на большее не приходится. Поэтому нам чрезвычайно важно истребить испанских агентов в Англии и уничтожить вражеские гнёзда в нашей стране ещё до начала войны с Испанией, – иначе я не ручаюсь за последствия.

– Ну, что же, вы засылаете к Филиппу наших агентов, он засылает ко мне своих, – чему тут удивляться? – беспечно отозвалась Елизавета. – Вы ведь успешно боретесь с его агентами, я это знаю по вашим докладам.

– Да, борюсь. Однако их не становится меньше, – ответил сэр Френсис и замолчал.

– Отчего же?

Сэр Френсис молчал.

– Ваше величество, разрешите мне привести уместную к данному случаю аллегорию, – вмешался сэр Уильям. – Бесполезно бороться с осами, пока вы не разорили осиное гнездо, а если

муравьи одолевают вас, то бессмысленно гоняться за каждым из них по отдельности, необходимо сжечь муравейник, дабы убить муравьиных маток. Сэр Френсис хочет сказать, что срубленное дерево может дать новые ростки, но дерево уже никогда не вырастет, если лишить его корней.

– Мне это понятно, милорд, но к чему вы клоните?

– Я нижайше прошу вас принять решение, которого ждёт Англия, – сэр Уильям склонился перед королевой.

По её лицу пробежала тень.

– Вы с этим ко мне пришли? – спросила королева.

– Да, ваше величество. Это наиглавнейший вопрос на сегодня, – ответил сэр Уильям, склоняясь перед Елизаветой ещё ниже.

– Я правильно понимаю: вы требуете от меня принять какие-то меры в отношении королевы Марии? – уточнила она, хотя и без того всё было ясно.

– В стране не может быть двух королев, – сэр Френсис поднял голову и посмотрел Елизавете прямо в глаза.

– Совершенно верно, ваше величество, – сказал сэр Уильям, распрямившись и тоже глядя на неё.

– Но королева остаётся королевой даже в темнице, – проговорила Елизавета.

– Королева остаётся королевой до тех пор, пока она жива, – сурово возразил сэр Френсис.

– Зачем вы тревожите меня, господа?! – повысила голос Елизавета. – Вы снова и снова требуете от меня немыслимого! Нарушить святость звания, дарованного Богом, посягнуть на жизнь особы, предки которой много веков получали священное помазание миррой и елеем! Это не просто преступление, – это неслыханное кощунство, святотатство; это нарушение порядка, заведённого Господом!

– Разве раньше все короли умирали своей смертью? – не отступал сэр Френсис.

– Подобные прецеденты были в истории, – поддержал его сэр Уильям.

– Да, были, но не хотите же вы, чтобы я стала убийцей? Не думаете ли вы, что я паду так низко, что прикажу умертвить Марию тайным образом?! – воскликнула Елизавета с неподдельным гневом.

– О, нет, ваше величество, мы и в мыслях этого не держали! – испуганно сказал сэр Уильям. – Мы знаем благородство и величие вашей души. Мы имели в виду другое: мы вспомнили о вашем отце…

– Который казнил мою мать? – Елизавета обожгла его

взглядом. – Хороший пример вы привели! Но он неудачен, – леди Болейн не была королевой по рождению, он стала ею по воле короля. Он возвёл её на престол и он лишил её престола; король имел на это полное право, чтобы там ни говорили папа и католики! Я от всего сердца жалею мою несчастную мать, но Генрих мог по закону отнять у неё корону и жизнь; не забывайте, что леди Болейн предстала перед судом, который вынес ей приговор на законных основаниях.

– Основанием была государственная измена, – сказал сэр Френсис, пряча глаза за полуопущенными веками, – а за это полагается смерть.

– Леди Болейн была осуждена по закону, – повторила Елизавета, и голос её внезапно дрогнул.

– А если возникнут законные основания для предания суду Марии Шотландской? – спросил сэр Уильям.

– Они должны быть очень вескими, чтобы перетянуть на чаше весов правосудия святость её рождения и звания. Думаю, что никогда Мария не совершит столь ужасных проступков, – Елизавета поднялась и расправила платье: – Милорды, наш разговор закончен. Все остальные дела подождут до завтра. Прощайте, господа.

– Ваше величество, – поклонились они.

Когда за королевой закрылись двери, сэр Френсис тихо сказал:

– У меня всё готово. Нужен лишь подходящий случай.

– С Богом, – ответил сэр Уильям. – Пора кончать!

* * *

Джейн, фрейлина королевы, могла бы стать влиятельной персоной при дворе, если бы захотела этого. Придворные дамы и джентльмены добивались её расположения, зная о её близости к Елизавете. Вначале это повышенное внимание смущало Джейн, но потом она выработала защиту, приняв гордый и высокомерный вид, который позволял держать назойливых придворных на расстоянии. Её сразу же невзлюбили, зато перестали докучать; что же касается зависти и злословия, то Джейн сделалась их жертвой немедленно после того, как была приближена к королеве. Три вещи позволяли Джейн держаться независимо и не обращать внимания на недоброжелателей: служение Богу, служение Елизавете и любовь к Энтони. Всё это было таким чистым и возвышенным, что она больше парила в небесах, чем ходила по грешной земле.

– Милая Джейн, – говорил Энтони при очередной встрече, – вы ангел. Рядом с вами и я становлюсь чище: вы – моя наставница в душевном благородстве.

– Если бы вы обратились в истинную веру, у вас появились бы более возвышенные наставники. Я удивлена, Энтони, что вы, так любящий Спасителя, до сих пор остаётесь в вере, которая искажает его учение, – Джейн взяла Энтони за руку и посмотрела ему в глаза.

– Ах, ваш взгляд проникает мне в душу! – вскричал он. – Право же, жизнь не жалко отдать за один такой взгляд!

Энтони принялся целовать её пальцы. Джейн отдёрнула руку:

– Иногда вы меня пугаете, милорд: я знаю, что вы серьёзно относитесь к вере, но каждый раз вы сводите разговор к шутке.

– Какие шутки, моя дорогая Джейн? Мою любовь к вам вы называете шуткой?

– Поймите, Энтони, для меня очень важно ваше отношение к Господу. Что за семья будет у нас, если каждый из нас станет верить в Бога по-своему? Муж и жена должны вместе служить Богу на этой земле, – тогда и в загробной жизни они будут рядом. Мне странно, что вы не хотите этого понять, – грустно сказала Джейн.

– Не печальтесь, моя милая, со временем я приду к вашей вере, – каждый разговор с вами приближает меня к этому, – но пока я не готов, – Энтони взял её под локоть. – Пройдёмся по аллее парка, какая дивная погода нынче! Она напоминает итальянскую весну, когда Аполлон ласкает землю тёплыми лучами, а Флора покрывает её пышными цветами; люди веселы и смеются, почти из каждого окна слышны музыка и пение.

– Вы бывали в Италии?

– Да, по делам… Поглядите-ка, эта скульптура Минервы будто вылеплена с нашей королевы: те же черты лица, та же величавость! Как я завидую вам, что вы можете видеть её величество каждый день!

– Королева так одинока: ни мужа, ни детей, – вздохнула Джейн. – Её былой друг, граф Лестер не был ей опорой в жизни, её величеству всё приходилось решать и делать самой.

– Вы говорите о сэре Дадли? – спросил Энтони. – Да, это милый, но беспомощный человек. Зато его племянник молод и силён; королева может опереться на его плечо.

– К сожалению, сэр Роберт часто огорчает её величество, – ещё раз вздохнула Джейн.

– Да что вы? И в чём причина этого?

– Сэр Роберт слишком высокого мнения о себе. Он любит королеву, – но ему кажется, что она мало его ценит. Между ними

случаются ссоры по этому поводу.

– Присядем на скамейку? – предложил Энтони. – Как жаль слышать такое, – они лишь недавно вместе, а уже разлад! Но мне кажется, вы преувеличиваете, Джейн, немножечко сочиняете.

– Сочиняю?! – воскликнула она с обидой. – Сегодня её величество вернулась из театра расстроенная. В театре она была с сэром Робертом, – значит, он огорчил её. Это тем более верно, что сэр Роберт не присутствовал на обеде, и её величество даже не спросила о нём.

– Беру свои слова обратно, похоже вы правы, – согласился Энтони. – Между прочим, я когда-то знавал сэра Роберта. Близки мы не были, но что-то вроде приятельских отношений существовало.

– Вы поражаете меня, милорд, – несмотря на вашу молодость, вы всех знаете, со всеми знакомы.

– Я очень общителен и мне интересны люди, – засмеялся Энтони. – Путешественники открывают новые страны, а я открываю для себя новых людей. Это так увлекательно, находить и открывать новых людей.

– Увы, мне это недоступно! – с сожалением сказала Джейн. – Я выросла затворницей под строгим надзором своего опекуна, которого вы считаете добрым человеком. Я почти ни с кем не зналась.

– Однако теперь у вас огромные возможности для знакомства, – заметил Энтони. – Вы могли бы завести десятки друзей, – не говоря уже о полезных связях.

– Нет, это не по мне. Я не верю в дружбу по расчёту.

– Расчёт – это фундамент, на котором держится мир; всё в мире строится на расчёте, – возразил Энтони. – Так заведено от Бога: он дал нам десять заповедей, чтобы мы соблюдали их – разве это не расчёт? Будете соблюдать заповеди, можете рассчитывать на Царствие Небесное; не будете – договор расторгается. Блестящий образец расчёта! А учение Спасителя, о котором вы упомянули, – что это, как не расчёт? Тоже случай договорных взаимных обязательств, – между Господом и человеком. Таким образом, расчёт идет от Бога и наш Бог – расчёт. Взгляните внимательно, милая леди, везде вы найдёте расчёт. По расчёту живут как наши католики, так и ваши протестанты, – в этом у них нет религиозных различий.

– Вы кощунствуете, милорд! – возмутилась Джейн. – Отношения между Богом и человеком есть великое таинство. Глубокие чувства лежат в основе этих отношений: вера, надежда и любовь, – а не ваш плоский расчёт!

– Простите меня, Джейн. Я увлёкся краснобайством и

согрешил, – Энтони умоляюще сложил руки на груди. – Ваши слова о расчёте напомнили мне одну сцену, которую я недавно наблюдал. Хозяева дома выгоняли семью, которая не могла больше платить аренду. Беднягам некуда было податься, – пытаясь успокоить своих испуганных детей, они в растерянности стояли на улице, а хозяева дома жаловались, как трудно нынче жить, какие большие расходы у них, как приходится считать каждый пенни. Затем выгнанное из дома семейство побрело куда глаза глядят, а хозяева всё продолжали жаловаться на свою тяжелую жизнь.

Самое забавное, что я знаю этих хозяев: они весьма обеспеченные люди, имеют собственное дело, с которого получают неплохой доходец, к тому же, владеют четырьмя или пятью домами в Лондоне. Один из этих домов сдаётся под жильё для бедняков; аренда приносит моим знакомым небольшую сумму, однако её хватает на покрытие каких-то там пустяшных расходов. Это важное обстоятельство заставляет моих добрых друзей аккуратно взыскивать арендную плату, не давая никаких отсрочек и поблажек и безжалостно выгонять на улицу тех, кто заплатить не может. А что поделаешь, нам нет расчёта держать должников, говорили они мне.

– Вы, конечно, скажете, что эти ваши знакомые принадлежат к евангелической вере? – спросила Джейн.

– В том-то и дело, что к католической! – воскликнул Энтони. – Если бы они были протестантами, я бы ещё мог понять их. Ваш великий пророк Кальвин… Ах, извините, Джейн, я опять кощунствую, – не буду, не буду!.. Кальвин утверждал, что каждый человек от рождения предопределён Господом к спасению или проклятию; знак же предопределения – успех или неудача в жизни. Те, кому удалось добиться успеха, были определены к спасению; те, кто потерпели неудачу в жизненных делах, были намечены Господом к погибели. Исходя из этого, бедняков нечего жалеть, – ведь сам Бог проклял их души.

Но в нашей вере иные представления: следуя словам апостолов, мы полагаем, что все люди равны перед Господом, – богатые и бедные, знатные и незнатные, наделённые властью и подчиняющиеся ей, хозяева и рабы. Спасение же человека зависит исключительно от того, сможет ли он очистить от грехов душу и сердце, чтобы войти в сонм святых перед ликом Господа.

Вот почему меня задел за живое поступок моих знакомых. Денежный расчёт взял у них верх не только над расчётом небесным, но и над мыслью о спасении души.

– Чему удивляться? – сказала Джейн. – Они берут пример с главы вашей церкви. Поведение пап бывает просто ужасным…

– Не будем трогать святейших пап, милая Джейн! Пути Господа неисповедимы, – прервал её Энтони. – Я думаю, что циничный расчёт, бессовестная корысть и бесстыдная погоня за чистоганом, поразившие Англию, подобно чуме, заразили нас при короле Генрихе. Своими реформами он погасил божью искру в народе и открыл дорогу самым низменным порывам. Недаром одной из первых жертв этих реформ пал сэр Томас Мор, великий человек, не принявший их и сложивший голову на плахе.

– Но в старые времена тоже творились ужасные вещи, – возразила Джейн.

– Да, было много зла, – но было и добро, сострадание, человеколюбие, бескорыстие и милосердие!

– Вы говорите как… – Джейн не закончила фразу.

– Как государственный преступник? – усмехнулся Энтони и, вздохнув, провёл ладонью по лицу, будто отгоняя наваждение. – Ах, добрая милая Джейн, ваша душевная чистота поистине опасная штука! Она заставляет забыть об осторожности, а это непозволительная роскошь в нашу эпоху.

– Нет, вы не так меня поняли! Вы можете быть со мною откровенны до конца, мне это приятнее, чем слащавые комплименты, – Джейн ободряюще дотронулась до его плеча. – Сегодня вы открылись мне с неожиданной стороны, и хотя я не согласна с вами, но мне нравится ваша искренность.

– Благодарю вас, Джейн… Но о чём мы с вами беседовали?… Да, о сэре Роберте и королеве… Так они поссорились из-за того, что сэр Роберт считает себя ущемлённым вниманием королевы? Это прискорбно. А знаете ли, мне пришла в голову неплохая идея: не попробовать ли мне потолковать с сэром Робертом по-приятельски? Может быть, мне удастся образумить его? – Энтони вопросительно посмотрел на Джейн.

– Если бы вы были его близким другом, тогда, возможно, это принесло бы пользу. Однако ваше давнее и поверхностное знакомство вряд ли позволяет надеяться, что он прислушается к вашим советам, – с сомнением произнесла Джейн.

– Вы правы. Что же, забудем об этом… Смотрите, какой восхитительный закат сегодня! На небе ни одного облачка, воздух прозрачен и наполнен розовым цветом, верхушки деревьев озарены томными лучами заходящего солнца, свежие молодые листья трепещут от нежного тёплого ветерка. Чудесный вечер, не правда ли?

– Да, чудесный вечер, – рассеяно кивнула Джейн. – Быть может, ваша идея не так плоха. Попробуйте поговорить с сэром Робертом; мне очень жаль королеву, она расстраивается из-за ссор с ним.

– Вы сама доброта, Джейн, – Энтони поднёс её руку к своим губам. – Значит, вы представите меня сэру Роберту?

– Я? Не понимаю.

– Но я не вхож во дворец, меня не пропустят дальше передних комнат. Вот если вы попросите сэра Роберта об аудиенции для меня… Кто сможет отказать любимой фрейлине королевы?

– Ох, знали бы вы, сколько мне приходится выслушивать просьб, обращённых ко мне именно как к фрейлине её величества! – воскликнула Джейн.

– Я вам сочувствую, – однако я прошу не для себя: какой мне прок от этой встречи? Впрочем, как хотите.

– Нет, нет, я не отказываюсь! Ладно, я попрошу сэра Роберта, – согласилась Джейн.

– Когда?

– В ближайшие дни.

– А сейчас?

– Сейчас?

– Да, сейчас. Вы сказали, что королева, вернувшись из театра, не пожелала видеть сэра Роберта, и, стало быть, он теперь один в своих покоях. Удобный момент для аудиенции, когда ещё такой будет? – убеждал Энтони.

– Хорошо, я теперь же пойду к сэру Роберту, – Джейн встала со скамьи.

– Я провожу вас, – поднялся вслед за ней Энтони, – и буду ждать в мозаичной приёмной… А всё-таки чудесный закат сегодня.

* * *

Сэр Роберт, в распахнутом халате, метался по своей комнате, опрокидывая мебель и швыряя всё что попадало ему под руку. На полу валялись стулья и кресла, осколки разбитых ваз, перегнутые книги, опрокинутые канделябры, разбросанные свечи, – но более всего было помятых и разорванных листов бумаги. Сэр Роберт вот уже третий час писал послание к королеве; оно должно было поставить точку в их ненормальных отношениях и прекратить издевательства, которым он подвергался.

Начало письма выходило легко: «Ваше величество!», – но дальше шло туго. Был, например, такой вариант: «Я имею честь уведомить вас, что отныне не обеспокою своим присутствием вашу особу, весьма занятую наиважнейшими делами…» – и так далее. Однако при повторном прочтении обнаружилось, что выходила какая-то чепуха: особа королевы отделялась от неё

самой и занималась наиважнейшими делами; в то же время сэр Роберт, обращаясь к королеве, обещал не беспокоить эту особу, чем окончательно придавал особе самостоятельный статус, – раздвоение личности было очевидно.

Второй вариант вроде бы звучал лучше: «Ваше величество! Не претендуя на место возле вашего трона, я оставляю его другим, более достойным персонам…» – и прочее. Но и этот вариант был плох: как можно было оставить место, на которое, по его же собственному признанию, сэр Роберт не претендовал? Нельзя же, черт побери, оставить то, чего у него нет и что ему не надо?!.. И что означает «другим, более достойным персонам», – следовательно, он персона недостойная? Хороший оборот речи, нечего сказать: «Я, недостойная персона, оставляю место другим, более достойным персонам»!

На третьем варианте сэр Роберт совсем было остановился: «Ваше величество! Ввиду постоянного невнимания, которое вы мне показываете, я не желаю обременять вас моим несносным обществом…», – и далее в том же духе. Поразмыслив, сэр Роберт порвал и это послание: его смутило «постоянное невнимание, которое вы мне показываете». Если что-то кому-то постоянно показывают, то это может быть что угодно, но не «невнимание». К тому же получалось, что сэр Роберт не желал обременять королеву своим обществом, которое он же называл несносным, то есть невыносимым. Зачем же обременять королеву тем, что она, как заранее известно, не сможет вынести?

В общем, третий вариант также был плохим, – а за ним последовали столь же плохие четвёртый, пятый, шестой, седьмой, восьмой и девятый. На десятом варианте сэр Роберт отчаялся; упал на кровать, выпил прямо из горлышка полбутылки крепкого вина, – и затосковал. Глядя на лепнину потолка, на которой были изображены молодые ангелочки, он с горечью думал, что даже его личные покои оформлены в стиле детской комнаты или девичьей. Королева и впрямь относилась к нему как к ребёнку, игралась с ним, как с подростком-пажом; с отвращением вспомнил он разыгранную Елизаветой сцену с переодеванием в женскую одежду.

– Милорд, – послышался вдруг чей-то голос, – можно поговорить с вами?

Сэр Роберт встрепенулся и запахнул полы халата. Джейн, фрейлина королевы, стояла перед кроватью.

– Как вы вошли? – спросил он, нехотя вставая.

– Никого из ваших слуг не было, а стража выставлена лишь на дальних дверях, – сказала Джейн.

– А, все уже разбежались… – протянул сэр Роберт. – Уже

пронюхали.

– Что пронюхали, милорд? – удивилась Джейн.

– Будто вы не знаете, миледи. Мои дружеские отношения с её величеством кончились, я уезжаю от двора.

– По-моему, вы преувеличиваете, милорд, – улыбнулась Джейн.

– У вас улыбка точь-в-точь как у королевы, – сказал сэр Роберт. – Преувеличиваю, вы говорите? Нет, я не ничего не преувеличиваю, – я пишу прощальное письмо королеве, но и оно не очень-то у меня получается.

– Ну и хорошо, потому что в нём нет необходимости, – уверенно произнесла Джейн. – Ваши отношения с её величеством наладятся, – и очень скоро! С этим я к вам пришла.

– Вас направила королева? – недоверчиво взглянул на неё сэр Роберт.

– Нет, я пришла сама, но меня просил также другой человек, мой хороший друг. Он хотел бы встретиться с вами.

– Не понимаю. Что за человек? И какое ему дело до моих отношений с королевой? – раздраженно спросил сэр Роберт.

– Он мой хороший друг, – повторила Джейн. – Когда-то он был знаком и с вами: сэр Энтони, ваш давний приятель.

– Не помню. Но какое ему, всё же, дело до моих отношений с королевой?

– Ах, милорд, дайте ему аудиенцию! Я не могу толком объяснить вам, но прошу – побеседуйте с ним! – смутившись, воскликнула Джейн.

– Странная просьба. Мне сейчас не до бесед, – покачал головой сэр Роберт. – Но ладно, миледи, не надо так волноваться! Хорошо, пусть ваш друг придёт.

– Благодарю вас, милорд, – облегчённо выдохнула Джейн. – Я иду за сэром Энтони, скоро он будет здесь…

Двери распахнулись, и в комнату влетел Энтони:

– Бог мой, сэр Роберт! Как долго с вами не виделись, дружище! Позвольте мне обнять вас, – и он крепко прижал его к себе.

– Очень рад, – растерянно проговорил сэр Роберт. – Как же… Мы ведь с вами были знакомы? Да, да… Не хотите ли стаканчик вина?

– С удовольствием, милорд, – согласился растроганный Энтони. – До чего высоко вы взлетели; какие у вас апартаменты, а главное, где, – в самом дворце королевы! Ну, разве не правы были те, кто предсказывал вам великое будущее? За вас, друг мой, за ваши незаурядные способности!

– Благодарю вас, сэр…

– …Энтони. Не говорите мне, что вы меня не помните! Сколько дней мы провели вместе в доме вашего дядюшки сэра Дадли, – то есть, простите, графа Лестера. Надеюсь, здоровье графа по-прежнему крепкое? Он всегда хвалился, что у него сердце быка, желудок овцы и голова носорога; когда в Лондоне была чума, он, бросая ей вызов, напоказ расхаживал по заражённым улицам, – и она бежала от него в страхе!

– Благодарю вас, он по-прежнему здоров. Но, сэр Энтони, я…

– Он был уверен, что вы достигнете многого! Как-то раз граф поднял вас на руки, показал гостям и сказал: «Я буду не я, если этот юный джентльмен не превзойдёт своего дядю! Он недавно выучился говорить, а уже рассуждает о таких сложных вещах с таким разумением, что его впору избирать в парламент. Что же из него станется, когда он вырастит? Помяните моё слово, он будет новым Цицероном, Сенекой, Катоном и Калидием; этот мальчик шагает семимильными шагами, он обгонит всех нас!». И правда, сколько раз мы застывали, пораженные вашим выдающимся умом, который так ярко проявлялся уже в ту далёкую пору. Мы, ваши сверстники, ощущали себя детьми по сравнению с вами.

– Вот теперь я вас вроде бы припоминаю. Да, да, я видел вас в доме моего дяди… Ещё стакан вина?

– Не откажусь… Боже мой, милорд, как мы обрадовались, когда узнали, что вы приближены ко двору её величества! Не подумайте, что мы рассчитываем на вашу протекцию: мы обрадовались за вас, – наконец-то, сэр Роберт сможет в полной мере раскрыть свои многочисленные таланты, говорили мы.

– Да, я приближен к её величеству, – сэр Роберт помрачнел. – Да, я приближен, но мои таланты не замечены здесь.

– Вы шутите, милорд?! – изумился Энтони. – Как можно не заметить высокое дерево в чистом поле, одинокую гору в голой степи, огромное облако в пустом небе? Ну, полно, вы решили разыграть меня, – хотя должен признать, что вы отпустили славную шутку: не заметить вас, с вашими способностями! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Господи, давненько я так не смеялся! – Энтони вытер выступившие на глазах слёзы.

– Именно, что одинокую гору, – вздохнул сэр Роберт. – Я не шучу, сэр Энтони, при дворе я никто.

– Святые угодники! – Энтони вмиг сделался серьёзным. – Почему же королева не обуздает ваших врагов, которые мешают вам развернуться?

– Королева? – переспросил сэр Роберт. – Иногда мне кажется, что королева и есть мой главный враг, – выпалил он и в испуге обернулся на дверь.

– Не может быть! – как ни в чём не бывало подхватил

Энтони. – Всем известно расположение к вам её величества. Елизавета ценит вас, она относится к вам как к ближайшему другу; её величество ничего не делает без ваших советов.

– Откуда вы это взяли, сэр? – с досадой возразил сэр Роберт. – Я мог бы открыть вам глаза на настоящее положение вещей, но это слишком унизительно для меня… Я принял решение: я покину двор.

– Я не верю своим ушам. Вы покинете двор? Помилуйте, да кому же ещё быть при дворе, как не вам! Нет, это невозможно; будь я на месте королевы, я сразу назначил бы вас лорд-канцлером.

– Жаль, что вы не королева, – криво усмехнулся сэр Роберт.

– Я не королева, это правда, – но положа руку на сердце, разве Елизавета настоящая королева? – будто мимоходом проговорил Энтони. – Вспомните, кем была её мать; Елизавету признают королевой в одной Англии, да и то не всё.

– Вы забываетесь, сэр, – насторожился сэр Роберт. – Бог мой, какую крамолу вы несёте!

– Крамолу? Об этом чирикает сейчас каждый воробей на заборе! – добродушно улыбнулся Энтони. – Время Елизаветы прошло, поверьте мне. Она стремительно стареет, её ум ослаб, силы на исходе. О чём толковать, если она даже вас – вас! – не ценит. А наследников у неё, как вы знаете, нет; подумайте, к кому перейдёт корона в скором будущем?

– Оставьте меня! – вскричал сэр Роберт. – Я должен был бы сдать вас сэру Френсису за такие речи, и лишь наша старая дружба удерживает меня от этого. Оставьте меня, я вам приказываю! Я люблю её величество королеву Елизавету и никогда не предам её.

– Милорд, если вы полагаете, что я считаю вас, благороднейшего человека, способным на предательство, отдайте меня немедленно палачу, – взгляд Энтони сверкнул яростью. – Но позвольте заметить, – любого другого джентльмена за одно лишь предположение, что у меня могут быть низкие помыслы, я тут же вызвал бы на поединок. К вам это, разумеется, не относится: Англия нуждается в вас, вам уготовлена великая роль в её истории, – и я не посмею посягнуть на того, кого оберегает Провидение… Зовите же палача, милорд, я жду.

– Простите, сэр Энтони, – но, право же, вы чересчур далеко заходите, – растерялся сэр Роберт. – Простите, сэр, я не хотел вас обидеть.

– Далеко захожу? – сказал Энтони, не сбавляя тона. – А в чём, позвольте вас спросить? Что не так в моих словах? Королева Елизавета стареет и у неё нет наследников, – это неправда? Вас

она не ценит, – это тоже неправда? Или может быть неправда то, что корона после её смерти перейдёт к Марии Шотландской?

– К чему вы клоните? – вопросом на вопрос ответил сэр Роберт. – Я что-то не пойму. Мисс Джейн сказала мне, что мои отношения с королевой скоро наладятся, и вы в этом духе хотели со мною поговорить. Однако я вижу, что у вас другие цели.

– Вы ошибаетесь, милорд. Я хочу, чтобы ваши отношения с королевой Елизаветой наладились, – но я также хочу, чтобы вы проявили себя на государственном поприще на благо Англии. Позаботьтесь о своём будущем, милорд, – вот моя единственная цель.

– Что вам нужно, скажите прямо, – устало произнёс сэр Роберт.

– Только одно – согласны ли вы поддержать законную наследницу престола Марию Стюарт, когда после кончины королевы Елизаветы она заявит свои права на корону?

– Ну, до этого ещё надо дожить!

– Жизнь человеков в руцах Божьих, – кто может знать, сколько ему отпущено Богом? Горе тому, кто опаздывает, когда Господь призывает его на великое дело.

– Что вам нужно от меня? – повторил сэр Роберт. – Положим, я поддержу Марию Шотландскую, когда придёт её время, – но какое это сейчас имеет значение?

– Это имеет большое значение, милорд. Королева Мария должна понимать, на кого она может опереться, – а такой человек, как вы, огромное приобретение для неё, – сказал Энтони и почтительно поклонился сэру Роберту. – Напишите Марии, милорд, чтобы порадовать её и позаботиться о себе.

– Нет, нет, я ничего писать не буду! – испуганно замотал головой сэр Роберт. – Попадись моё письмо сэру Френсису, меня обвинят в государственной измене!

– Клянусь спасением своей души и вечным райским блаженством, что ваше письмо тотчас по прочтении будет уничтожено королевой Марией! – перекрестился Энтони. – Клянусь и целую крест, – он приложился к распятию, стоявшему на комоде возле кровати. – От вас требуется всего несколько безобидных фраз, отражающих суть того, что вы мне говорили: «Я служил и буду служить её величеству королеве Елизавете, пока она жива. Я не подвергаю сомнению, однако, ваши права на престол, мадам, – подтверждённые обычаем и законом. Пусть всё свершится по воле Божьей!». Под этим письмом мог бы подписаться каждый верноподданный её величества Елизаветы, – а от вас даже подписи не требуется, королева Мария поймёт, от кого получила послание. Как видите, ничего крамольного.

– Да, пожалуй, – нерешительно сказал сэр Роберт. – Но я не стану писать «пусть всё свершится по воле Божьей», – это похоже на пожелание или призыв.

– Вам виднее, милорд, вы всегда были тонким филологом. Вот вам лист бумаги, – боже, сколько у вас тут её разбросано! – пишите, как пожелаете… Отлично! – Энтони посыпал лист песком, стряхнул, свернул письмо в трубочку и спрятал в потайной карман своего широкого плаща. – Что же, милорд, выпьем! За самую светлую голову в Англии – за вас! За будущего лорд-канцлера нашей страны!

– Ну, до этого далеко, – пробормотал сэр Роберт.

– Но это обязательно будет, – уверенно произнёс Энтони.

* * *

Джейн крайне изумилась, когда ей сказали, что с ней хочет встретиться сэр Френсис. Не понимая, чем она могла заинтересовать начальника секретной королевской службы, Джейн ещё больше удивилась, когда её попросили спуститься по чёрной лестнице в хозяйственный подвал, а затем провели по длинному тёмному коридору в каморку с бедной обстановкой, где жил, видимо, кто-то из сторожей. Тут девушку усадили на сундук, стоявший у стены, и оставили одну, сказав, что сэр Френсис скоро прибудет.

На столе горела свечка, которая тускло и неровно освещала комнату. Джейн подняла глаза вверх и увидела паутину под потолком; в ней что-то двигалось, – Джейн, к своему ужасу, рассмотрела паука, который спускался прямо ей на голову. Она вскрикнула и стремглав выбежала из комнаты, но в коридоре её остановил неприметный человек в серой одежде:

– Пожалуйста, вернитесь на своё место.

– Но там паук!

– Сэр Френсис скоро придёт, – сказал ей неприметный человек. – Пожалуйста, вернитесь на своё место.

Джейн с укором посмотрела на него и побрела назад; в комнате она, однако, не села на сундук, – она решила стоя дожидаться сэра Френсиса, расположившись около стола поближе к огню свечи.

Вопреки уверению человека в серой одежде, ждать пришлось довольно долго. Джейн вздыхала и переминалась с ноги на ногу, посматривая краем глаза на паутину и сердясь на сэра Френсиса, который зачем-то заставил придти её сюда. Потом он стала думать о королеве, о сэре Роберте, об Энтони и о себе, – и

вздрогнула, когда скрипнула отворённая сэром Френсисом дверь.

– Добрый вечер, миледи, – невнятно пробурчал он, прошёл к столу, придвинул хромоногий табурет и боком уселся на него.

Джейн продолжала стоять, потеряв дар речи от такого обращения.

Сэр Френсис, не обращая на неё внимания, вытащил откуда-то клочок бумаги, поднёс его к свече и, подслеповато щурясь, прочитал то, что там было написано.

– Так, – сказал он сам себе, – понятно.

Потом прибавил, подняв глаза на Джейн:

– Что вы стоите? Присаживайтесь. Разговор у нас с вами будет долгим.

– Спасибо, я постою, – отказалась Джейн.

– Ну как хотите… Вначале уточним кое-что. Вы из дворянской, протестантской семьи, рано потеряли родителей, вас воспитывал опекун. Всё правильно?

– Всё правильно.

– Ваш опекун придерживается католической веры, но вы протестантка, – так?

– Да.

– Странно, – сэр Френсис испытующе посмотрел на Джейн. – Как вам удалось сохранить религию ваших родителей? Неужели ваш опекун не оказывал на вас давление, не требовал переменить веру?

– Он пытался обратить меня в католичество, но не смог. Из-за этого у нас с ним постоянно возникали конфликты.

– Вот как? Похвально, что столь юная особа так привержена нашей религии, – сказал сэр Френсис безо всякого выражения. – А в доме вашего опекуна бывали представители известных католических фамилий?

– В его доме бывало много народа, я не задумывалась, кто к какой вере принадлежит.

– Как же так? Вы стойкая, убеждённая протестантка, – и не задумывались, что за люди собираются в доме вашего опекуна?

– Я жила своей жизнью.

– Интересно. Это большая редкость: человек, живущий своей жизнью, – особенно в наше время. Но вам удалось, тем не менее, войти в доверие к её величеству и стать фрейлиной королевы?

– В этом нет моей заслуги. Ко двору меня привез мой опекун, кто-то рассказал королеве о том, что я сирота. Её величество решила подыскать мне жениха, но после разговора со мною переменила своё решение и оставила меня при себе, – рассказала Джейн, отчего-то торопясь и волнуясь.

– Какое удачное стечение обстоятельств! Вас привезли ко

двору, кто-то рассказал о вас королеве, её величество захотела устроить вашу судьбу, затем вы так хорошо поговорили с королевой, что она сделала вас фрейлиной. Вы родились под счастливой звездой, миледи, – взгляд сэра Френсиса стал колючим. – Но ваш опекун дал вам советы, как беседовать с её величеством?

– Нет, милорд. Он скоро уехал на континент и мы с тех пор не виделись.

– Он уехал до того, как вы стали фрейлиной, или после?

– Я не помню. Но какое это имеет значение? К чему этот разговор, милорд, я не понимаю? – с возмущением сказала Джейн.

– Хорошо, детали мы уточнили, – прервал её сэр Френсис. – Теперь скажите мне, в каких отношениях вы состоите с сэром Энтони? Вам известен, надеюсь, сэр Энтони?

– Почему я должна отвечать вам? Какое вам дело до этого? Почему вы допрашиваете меня? – на глазах Джейн выступили слёзы.

– Допрашиваю? – на лице сэра Френсиса промелькнула странная гримаса. – Господь с вами, миледи, разве это допрос? Мы просто беседуем с вами по-дружески. Не забывайте, что я начальник секретной королевской службы, а значит, ваш лучший друг. Да, не смотрите на меня так сердито, – я ваш лучший друг, потому что служба, которую я возглавляю, стоит на страже интересов людей, которые преданны королеве. Вы ведь преданны королеве, леди Джейн?

Она кивнула, глотая слёзы.

– Так нечего расстраиваться. Будьте со мной откровенны, и я смогу помочь вам, как никто другой. Не надо ничего от меня скрывать, – ну, не будете же вы скрывать от лекаря признаки вашей болезни: как ему лечить вас, если он не разберётся в том, чем вы болеете? Умолчание может привести в таком случае к самому неприятному исходу. Не бойтесь признаваться в своей скверне и отбросьте стыд – врач привык к рассказам о болезнях. Наша служба подобна человеколюбивой исцеляющей медицине, однако мы лечим болезни более страшные, чем запор или насморк – мы лечим болезни, которые могут поразить государство. От них вреда куда больше, чем от чумы или чахотки, ибо государственные болезни могут выкосить население страны без остатка… Поверьте, я слышал такие признания, что меня невозможно чем-либо удивить. Не стыдитесь меня, миледи, признайтесь во всём.

– Я не знаю, каких признаний вы от меня требуете, – сказала Джейн, утирая глаза платком.

– Я задал вам вопрос: что за отношения связывают вас с сэром Энтони?

– Я его невеста, – понуро ответила Джейн.

– Он сделал вам предложение? Когда назначена свадьба?

– Он будет просить моего опекуна назначить её, когда тот вернётся с континента.

– А пока сэр Энтони встречается с вами на правах жениха… О чём вы разговариваете с ним, – например, о чём сегодня говорили?

– Откуда вам известно, что мы сегодня встречались?

– Миледи, я начальник секретной королевской службы, сколько же можно повторять, – строго произнёс сэр Френсис. – Так о чём вы разговаривали с сэром Энтони?

– О разном. О погоде.

– О погоде? Это крайне важно. Прошу вас вспомнить каждое слово, которое было сказано вашим женихом, – сэр Френсис сделал какую-то пометку на клочке бумаге, что лежал перед ним на столе.

– Он говорил, что погода чудесная, – сказала Джейн, решив больше ничему не удивляться.

– Возможно, он употреблял какие-нибудь сравнения?

– Да, он сравнивал её с погодой в Италии.

– В Италии? Так я и думал, – довольно произнёс сэр Френсис и сделал вторую пометку на листке. – Замечательно, леди. Что он ещё говорил?

– О договоре между Богом и человеком, о расчёте, о душевной чёрствости некоторых людей.

– Прекрасно! – сэр Френсис в третий раз сделал пометку на листе. – С точки зрения какой религии рассуждал об этом ваш жених?

– Он рассуждал об этом с общей точки зрения, – с вызовом ответила Джейн. – Хотя сэр Энтони католик, но он ругал и протестантов, и католиков, нарушающих Божьи заповеди.

– Отлично! – сэр Френсис снова черкнул что-то в листке. – А не было ли разговоров, касающихся государственных дел или положения её величества?

– Нет, не было.

– Не было? – взгляд сэра Френсиса пронизывал Джейн насквозь.

– Не было.

– Вы уверены?

– Да, – твёрдо ответила она, не отводя глаз.

– Вспомните хорошенько. Может быть, всё-таки, были сказаны какие-то слова на этот счёт? Лгать грешно, юная леди, – разве вам

неизвестно, что ложь иссушает душу?

Джейн смутилась.

– Насчёт её величества были слова, – призналась она. – Но это было не во вред ей, наоборот, сэр Энтони хотел образумить друга королевы, сэра Роберта, чтобы он не обижал её величество.

– Очень благородно со стороны вашего жениха, – серьёзно проговорил сэр Френсис, – но мне непонятно, почему он решил, что сэр Роберт послушает его? Сэр Энтони занимает не то положение при дворе, – лучше сказать, у него вообще нет никакого положения, – чтобы он мог рассчитывать на аудиенцию сэра Роберта и его внимание.

– Они были знакомы когда-то.

– Да вы что? Вот этого я не знал, придётся мне подтянуть своих сотрудников – сэр Френсис размашисто написал на листке пару строчек. – Знакомство было таким близким, что сэру Энтони можно было рассчитывать на новую встречу?

– Да нет же, милорд. Сэр Энтони попросил меня, чтобы я устроила эту встречу, – объяснила Джейн.

– И вы обещали ему, миледи? Хорошо. Когда же состоится встреча?

– Она уже состоялась, милорд. Сразу после разговора с сэром Энтони я пошла к сэру Роберту. Он согласился принять сэра Энтони и они встретились пару часов назад.

Сэр Френсис бросил на неё быстрый взгляд, а потом насупился.

– Я прикажу наказать моих агентов, они даром едят свой хлеб, – мрачно произнёс он после паузы. – Вам известно, о чём шёл разговор у сэра Роберта и сэра Энтони?

– Сэр Энтони убеждал сэра Роберта быть внимательнее, мягче к королеве и не огорчать её величество. Она – воплощение доброты, как же можно обижать её? – сказала Джейн, вздохнув.

– Вы присутствовали при этом разговоре?

– Нет, но именно за этим сэр Энтони пошёл к сэру Роберту, – о чём же ещё они могли беседовать? Я потом спросила сэра Энтони, как отнёсся сэр Роберт к его увещеваниям, и он сказал мне, что ему удалось убедить сэра Роберта вести себя благоразумнее.

– А, так вы видели своего жениха после аудиенции! Он всё еще во дворце?

– Нет, он уехал.

– Уехал? На ночь глядя? – удивился сэр Френсис.

– Он сказал, что у него срочные дела.

– А куда он поехал?

– Я не знаю, я не спросила.

– Ну, конечно, вы живёте своей жизнью, – кивнул сэр Френсис. – Что же, миледи, вы ответили на все мои вопросы. Вы выполнили свой верноподданнический долг по отношению к её величеству. Более я вас не задерживаю.

– Но я так и не поняла, зачем вы задавали эти вопросы? – осмелилась спросить Джейн.

– Вот и прекрасно, что не поняли, – это дополнительное свидетельство в вашу пользу, – сказал сэр Френсис. Он подошёл к двери и позвал своих людей. – Ни о чём не беспокойтесь, миледи, продолжайте служить королеве. Время от времени мы будем встречаться с вами, – я или один из моих помощников, – и обсуждать различные дворцовые новости. В свою очередь, вы можете рассчитывать на моё покровительство, а это не лишнее для вас, – особенно теперь. Прощайте, миледи. Вас проводят мои люди, они уже ждут вас.

Когда Джейн ушла, сэр Френсис сказал неприметному человеку в сером, оставшемуся вместе с ним в комнате:

– Срочно смените агентов во дворце, они ненадёжны. Это первое. Второе, отправьте новые инструкции сэру Эмиасу.

– Простите, милорд, последний вариант инструкций?

– Да, тот, который мы заготовили. Вместе с ними отправьте инструкции этому молодому человеку, как его… Кристоферу. Вы ручаетесь, что он справится со своей задачей?

– Он лучший из молодых агентов. Вы сами хвалили его, милорд, когда он вернулся из Италии.

– Да, но он показался мне чересчур эмоциональным, – вы не находите?

– Вы правы, милорд, но это издержки молодого возраста.

– Посмотрим… Третье и главное. Известный вам сэр Энтони только что отбыл из дворца. У меня есть все основания думать, что он направляется к Марии Шотландской. Не препятствовать ему в свидании с ней, – ни в коем случае не мешать этому свиданию, вам ясно?

– Слушаюсь, милорд.

– А после свидания пусть сэр Энтони благополучно возвратится в Лондон, пусть встретится со своими друзьями, которых мы должны узнать всех до единого, и уж тогда… Вам понятно?

– Я вас понял, милорд, – склонился перед сэром Френсисом неприметный человек в серой одежде.

Часть 4. Тайное послание

У Бесс, фрейлины королевы Марии, была уютная комнатка, расположенная на третьем этаже, прямо над покоями её величества. Это было единственное место в замке, где не чувствовалось сырости: по стене комнаты проходила большая труба от камина, кроме того, тут была печь, дававшая много тепла.

Бесс и раньше не хотелось вылезать по утрам из своей тёплой постели и спускаться в холодные комнаты второго этажа, но тем более не хотелось этого сейчас, когда рядом лежал Кристофер. Он ещё спал, Бесс осторожно гладила его лоб, брови и короткую молодую бородку на щеках; время от времени, не в силах удержаться, она целовала его в шею, но Кристофер всё не пробуждался. Наконец, он пробормотал что-то, глубоко вздохнул, и открыл глаза.

– Доброе утро! – с улыбкой сказала Бесс и снова поцеловала его. – Как тихо ты спал, прямо как ребёнок. Мне было жалко тебя будить.

– А что, пора вставать? – спросил он, сладко потягиваясь.

– Давно пора. Ночной караул уже сменился, скоро утренняя молитва. Тебе надо идти к твоим солдатам, а мне – к её величеству.

– Пора, пора, пора! – пропел он и закинул руки за голову. – Как быстро пролетают ночи, – как быстро пролетают они в объятиях любимой. В этой комнатке часы летят, как минуты, а минуты сыплются, как мука из-под мельничного жернова, – не успеешь оглянуться, а перемололось всё зерно, что привезли сегодня. Будь моя воля, я бы вообще не выходил отсюда, – подбрасывал бы и подбрасывал зерно в жернова, чтобы они крутились, не останавливаясь.

Кристофер повернулся к Бесс и обнял её:

– Не запустить ли нам нашу мельницу ещё разок, напоследок? Как приятно заниматься молотьбой, когда тут находится такой совершенной механизм, – он провёл рукой по её телу.

– Я не могу, не надо! – слабо отбивалась она, сама сгорая от желания. – Королева меня хватится, она и так недовольна моими частыми опозданиями. Нет, не надо, Кристофер, – подождём до вечера!

– Ах, как жаль! – с досадой воскликнул он и откинулся на спину. – Но служба превыше всего, это свято. Ну, что же ты не встаёшь? Королева опять будет сердиться на тебя.

– Ничего, успею, – непоследовательно сказала Бесс и положила голову ему на плечо. – Так не хочется уходить, поговори со мной ещё о чём-нибудь.

– Какие у тебя волосы, у них удивительный цвет – золотисто-пепельный, цвет зрелой пшеницы, – Кристофер пропустил сквозь пальцы её длинные локоны. – И они такие густые, что в них можно потеряться. А запах, – бог мой, как они пахнут! Цветущий луг на восходе солнца, когда аромат трав сливается с запахом росы, – вот что такое запах твоих волос! А твои глаза – с чем мне сравнить их? С небом? Оно бледнеет перед их синевой. С морем? Оно не так глубоко, как они. А кожа – прозрачная и румяная, наполненная ласковым теплом и нежностью. А щёки, – как они свежи и упруги! Какое чувственное удовольствие скользить по ним подушечками пальцев – вот так, – ощущая божественную округлость, которая так напоминает другие округлости твоего тела.

– Не надо, – повторила Бесс, как будто в забытьи. – Пресвятая Дева, неужели мне надо уходить!.. Прочитай мне лучше что-нибудь из твоих стихов.

– Что же мне прочитать? – потёр лоб Кристофер. – Ну, разве, это… Я сочинил его вчера, когда увидел голубя с голубкой, что сидели на краю крыши и ворковали, томно соединяясь клювами. Затем голуби взмыли в небеса и полетели прочь, к лугам и дубравам, а я подумал о нас с тобой, – как было бы славно жить на лоне природы, без забот и волнений, подобно добрым лесным эльфам. Об этом мои стихи:

Любясь, как голубь с голубком,
Пойдем со мной и заживём
Среди лугов, среди дубрав,
Среди цветов и горных трав.

Где по камням звенят ручьи
И распевают соловьи,
Там под скалой любовь мою
Из родника я напою.

Захочешь ты, чтоб я принёс
Тебе охапку свежих роз
Или тюльпанов? – повели:
Добуду, как из-под земли.

Я плащ любимой поднесу
С опушкой меховой внизу

И башмачки – кругом атлас,
Что тешут ножку, как и глаз.

Из мирта я сплету венок,
Коралл, янтарь сложу у ног;
Согласна ль ты в раю таком
Жить, словно голубь с голубком?

В обед мы будем каждый день
На мраморный садиться пень
И пить нектар, как боги пьют,
И есть из золочёных блюд.

И будут пастушки для нас
Петь и плясать во всякий час;
Чтоб нам с тобой в раю таком
Жить, словно голубь с голубком.

– Как славно! Милый мой, – она поцеловала его. – Я ничего другого не желала бы, как жить с тобой в хорошеньком маленьком домике среди цветов и деревьев. Мы любили бы друг друга, всегда были вместе и прожили свою жизнь душа в душу, – как два голубка, о которых ты написал. Если бы не королева, я уехала бы с тобой хоть сейчас, куда угодно.

– Ты любишь королеву? – спросил Кристофер.

– Её нельзя не любить. Она прекрасная женщина – и такая несчастная! Бедная Мария, за что судьба сурова к ней? – грустно произнесла Бесс.

– Я тоже полюбил её, – сказал Кристофер. – Я готов служить ей так же честно, как служишь ты.

– Но твоя повелительница – королева Елизавета, – возразила Бесс. – Как можно служить двум господам?

– Я дворянин и сам выбираю, кому служить, – гордо ответил Кристофер. – Сейчас я служу Елизавете, но приехав сюда и узнав королеву Марию, я понял, что хотел бы служить одной ей.

– Как это хорошо! Мария так нуждается в настоящих друзьях, – с облегчением сказала Бесс. – Мой Кристофер, мы оба будем верными друзьями королевы, правда?

– Конечно. Для тебя я сделаю всё, о чём ты попросишь, – а стало быть, сделаю и для Марии. Считай, что я принёс присягу на верность ей.

– Мой Кристофер! – Бесс прижалась к нему. – Я знала, что ты лучший на свете. Но как же сэр Эмиас? Он твой начальник, ты

должен его слушаться, однако мне он не нравится, я ему не верю, – её величество тоже говорит, что сэру Эмиасу верить нельзя.

Кристофер рассмеялся:

– Сэр Эмиас – старый служака! Он привык выполнять приказы, ему нет дела до простых человеческих чувств. Верить или не верить сэру Эмиасу, – всё равно, что верить или не верить скале, дереву, реке или морю. Всё это может быть полезно для нас, а может и погубить, но не по своей воле, а по Божьему велению или стечению обстоятельств. Язычники наделяют неживую материю душой, в нашей христианской религии она бездушна, а сэр Эмиас стоит где-то посередине: он живая материя, не имеющая души. Таких людей, как сэр Эмиас, много ходит по земле, но я не из их числа: я служу не из-за денег, не из карьеры, – во всяком случае, не только из этого, – я служу по своим убеждениям.

– Я никогда не сомневалась в тебе; с первого взгляда я поняла, что ты не такой, как остальные. Мой Кристофер, – Бесс провела ладонью по его волосам. – Скажи мне что-нибудь ещё.

– О чём, к примеру?

– Ну, если у нас зашла речь о королеве, скажи, что творится сейчас в Лондоне? Её величество очень беспокоит это в последнее время. Она стала какая-то тревожная, всё ждёт каких-то известий. Мне так хочется утешить её; скажи, что происходит в Лондоне?

– Находясь в этом замке, трудно знать о том, что происходит в столице. Кто я такой, чтобы быть в центре событий? Но кое-что я знаю. Положение в Лондоне неспокойное, – зашептал Кристофер на ухо Бесс. – Близится война с Испанией, и далеко не все подданные Елизаветы рвутся в бой. Вроде бы составляется некая оппозиция Елизавете, вроде бы готовятся волнения, вроде бы люди всё громче повторяют имя королевы Марии.

– Боже праведный! – испугалась Бесс. – Не приведёт ли это к ухудшению положения Марии?

– Больше тебе скажу: есть люди, влиятельные люди, которые хотят видеть на престоле законную королеву, то есть Марию. Мы переживаем переломный момент нашей истории, – судьба Елизаветы висит на волоске. Если Мария отважится на решительные действия, Елизавете несдобровать.

– Господе Иисусе! – Бесс запахнулась в одеяло и села на кровати. – Я даже не представляю, чем это закончится. С одной стороны, нет более достойной королевы, чем Мария; с другой стороны, Елизавета способна… Святые великомученики, она на всё способна!.. Что же делать?

– Не знаю, не знаю… – протянул Кристофер. – Но положение,

в самом деле, серьёзное. Я думаю, что победит тот, кто начнёт действовать первым.

– Я передам её величеству твои слова, – Бесс стала поспешно одеваться. – Так значит, мы можем на тебя рассчитывать?

– Я весь ваш, душой и телом, – сказал Кристофер.

* * *

Мария работала в садике, который был возделан ею во дворе замка. Сегодня она занималась розами: в прошлом году её привезли кусты, цветы на которых имели оттенки белого, пурпурного, желтого и абрикосового цветов. Королева тогда рассадила их в определенном порядке: вдоль дорожек – белые кустарниковые розы, у входа в мыльню Мария разбила клумбу с пурпурными галльскими, а ближе к стене, с укреплённой на ней деревянной решеткой, она посадила вьющиеся желтые и абрикосовые розы вперемешку с клематисом и жимолостью.

Садовника в замке не было, но Марии он был не нужен, – ей нравилось самой возиться с цветами, – а тяжелую работу выполняли слуги. Сейчас один из них стоял возле королевы и терпеливо ждал, пока она обрежет увядшие соцветия и засохшие стебли на кустах.

– Пожалуй, хватит, – Мария отложила ножницы, разогнулась и сняла перчатки. – Все кусты отлично прижились, но надо постоянно их поливать и рыхлить под ними землю, чтобы не было недостатка в воде и воздухе.

– Слушаюсь, ваше величество, – сказал слуга, берясь за лопату.

– Но будьте осторожнее, чтобы не повредить корни, – предупредила Мария. – Когда взрыхлите землю, добавьте немного торфа или навоза, перемешав его на две трети с песком, а уж затем обильно полейте. Неплохо бы ещё посыпать листья золой, чтобы их не ели гусеницы.

– Всё будет исполнено, ваше величество.

– Благодарю вас.

Мария прошла на террасу и присела здесь отдохнуть, любуясь на розы.

– Ваше величество! – окликнули её.

Королева подняла голову и увидела Бесс.

– А, вот и ты! – сказала Мария. – Долго же тебя не было, опять проспала?

– Ваше величество, – запыхавшаяся Бесс едва могла перевести дух. – У меня есть важные известия… От Кристофера…

– Я так и знала, что ты с ним. Ах, Бесс, Бесс, крошка Бесс, я ведь предупреждала, чтобы ты не подпускала его к себе! – с укором проговорила королева. – Он опасен, неужели ты этого не понимаешь?

– Нет, мадам, мы ошиблись в нём, – горячо возразила Бесс. – Это очень хороший, благородный человек. Он полюбил вас, он готов служить вам!

– Полюбил меня? А тебя? – улыбнулась Мария.

– Да, но… Я не об этом… Я хотела сказать… – смешалась Бесс.

– Не смущайся, – ласково произнесла королева, – в конце концов, я тоже женщина, я понимаю, что творится в твоём сердечке. Ну, так что же ты хотела сказать?

– Кристофер говорит, что положение в Лондоне очень серьёзное. Люди не желают войны с Испанией, – они надеются на вас, мадам. Елизавета потеряла влияние, люди желают, чтобы королевой были вы, ваше величество, – выпалила Бесс, гордая, что сообщает сведения, имеющие государственное значение.

– Тише, моя милая, – королева взглянула на слугу, копающегося в саду. – Мне кажется, что твой Кристофер преувеличивает: если трон под Елизаветой шатается, то не настолько, чтобы рухнуть в любую минуту.

– Сейчас, когда Елизавета может потерять корону и даже жизнь, она не остановится ни перед чем!

– Тише, Бесс, – повторила Мария. – Мне это известно. Что же предлагает Кристофер?

– Он готов служить вашему величеству также преданно, как я.

– Спасибо, моя милая. Но у него есть какие-то определённые предложения?

– Он выполнит всё, что вы ему прикажете.

– А что я должна ему приказать?

– Этого я не знаю. Я плохо разбираюсь в политике, – растерялась Бесс.

Мария задумалась, а потом спросила:

– Скажи мне, а он не перевёртыш, твой Кристофер? Он не предаст нас?

– Никогда, мадам! – вскричала Бесс. – Он любит вас, он любит меня, – пусть попробует предать! Тогда он близко ко мне не подойдёт!

– Это весомый аргумент, – усмехнулась королева. – Ты полагаешь, что его любовь к тебе так велика? Впрочем, о чём я спрашиваю, – ты, конечно же, именно так и думаешь.

– Мадам, я не думаю, я точно знаю: Кристофер любит меня и выполнит любую мою просьбу, – обиделась Бесс.

– Дай Бог. Что же, моя милая, твои известия действительно важные. Если Кристофер любит тебя так сильно, как ты говоришь…

– Не сомневайтесь, мадам!

– Если он любит тебя по-настоящему, он может быть полезен нам, когда настанет подходящий момент.

– Ваше величество?

– Не забивай себе голову политическими интригами, зачем тебе это? – Мария поднялась со стула. – Проводи меня до конюшни, я велела запрячь Роланда, хочу прокатиться по лесу.

– Но, мадам, вам нужно переодеться! Как же вы поедете в этом платье? – изумилась Бесс.

– Ничего, обойдусь. Солнце скоро начнёт печь во всю силу, – боюсь, что тогда станет слишком жарко для верховой езды.

…Добравшись до лесной поляны, где были восемь больших камней, Мария остановила коня. Как из-под земли тут же появился Энтони. Королева дёрнула Роланда за повод и хотела ускакать прочь.

– Ваше величество! – крикнул ей Энтони.

– Господи! – воскликнула Мария, повернув назад. – А я приняла вас за Кристофера и едва не уехала.

– А, за помощника сэра Эмиаса? Мы, что, так похожи с ним?

– Внешне не особенно, – он брюнет и ниже вас ростом, – но какое-то сходство всё же есть.

– Бывает… Вы без провожатых, ваше величество?

– Представьте себе, меня теперь отпускают совсем одну! Что бы это значило?

– Вы правильно сказали в прошлый раз, – либо они хотят, чтобы вы убежали, либо дают вам возможность составить заговор. В любом случае, это нам на пользу.

– Да, я так говорила, но возникло новое обстоятельство.

– Какое?

– Кристофер без памяти влюбился в мою фрейлину и, кажется, готов перейти на нашу сторону.

– Опять Кристофер! Вы же утверждали, что ему нельзя верить: он получил какие-то инструкции на ваш счёт из Лондона? – недоверчиво спросил Энтони.

– Я не утверждала, я предполагала, – поправила его Мария. – Возможно, я ошиблась; возможно, он переменился – ведь любовь творит чудеса. А вы часом не влюбились в фрейлину Елизаветы, за которой ухаживаете и на которой обещали жениться?

– Я не могу себе позволить влюбиться, – отрезал Энтони. – Влюбленный мужчина становится беззащитным, как птенец, его может склевать любая ворона.

– Я и забыла, что вы крутите любовь исключительно для того чтобы использовать бедную девушку в своей игре.

– Это не так просто, мадам. У меня тоже есть сердце, я тоже создан из крови и плоти. Джейн, девушка, о которой мы говорим, красива, умна и добра. При других обстоятельствах я не мог бы желать лучшей жены для себя, однако я не имею права забывать о высшей цели, – о возведении вас на престол, ваше величество, – сухо сказал Энтони.

– Боже мой, что за день выдался: все на меня обижаются… Сэр Энтони, мы знаем и ценим вашу службу нам! Оставим пустые разговоры; сообщите, для чего вы вызвали меня?

– Ваше величество, обстановка в Лондоне накаляется. Медлить больше невозможно: сейчас или никогда! Число недовольных правлением Елизаветы стремительно увеличивается, к нам присоединяются даже её приближённые. Поглядите, что я вам привёз.

Энтони достал нож, вспорол подкладку своей шляпы и вытащил сложенный во много раз листок:

– Прошу вас, ваше величество.

– Что это? – Мария развернула письмо и прочла: – «Я служил и буду служить её величеству королеве Елизавете, пока она жива. Я не подвергаю сомнению, однако, ваши права на престол, мадам, – подтверждённые обычаем и законом». Какое странное послание! Оно, видимо, предназначено мне? Но от кого оно?

– Его написал фаворит королевы Елизаветы, сэр Роберт.

– Фаворит Елизаветы! Не может быть! – воскликнула Мария.

– Он написал это в моём присутствии, – сообщил Энтони. – Видите, как далеко зашло разложение в кругу Елизаветы! Надеюсь, вы понимаете, что надо действовать без промедления?

Однако Мария не слушала его; она вдруг расхохоталась так громко, что эхо разнеслось по лесу.

– Елизавета, великая королева Елизавета! – повторяла Мария сквозь смех. – Твоя мать была шлюхой, отец – святотатцем и палачом, из рода свинопасов, – а ты думала, незаконнорожденная дочь греха, что твоё прошлое не выстрелит в тебя, коли ты заняла трон?! Что ты за женщина, если ты не познала счастья ни с одним мужчиной, а последний из них в твоей жизни, – твоя надежда, твоё утешение, твоя отрада, – предал тебя! Ты раздавлена, ты уничтожена, ты уже не живёшь! Великая королева Елизавета, вот тебе проклятье, вот тебе отмщение и воздаяние, вот тебе позор, который уже ничем не смыть и который ты возьмёшь с собой в вечность!

Растерявшийся Энтони еле дождался, когда королева успокоится и затем сказал:

– Ваше величество, нельзя медлить. Надо действовать!

– Вы показывали кому-нибудь это письмо? – спросила королева вместо ответа.

– Я поклялся уничтожить его, но прежде собирался дать прочесть нашим друзьям, чтобы они сами убедились, как непрочно положение Елизаветы. Если уж её фаворит примкнул к нам, – о чём тут толковать!

– Пусть послание сэра Роберта не имеет адреса, но оно предназначено мне, – возразила Мария. – Вы поклялись уничтожить его, – что же, так и поступим.

Она разорвала письмо в мелкие клочки и пустила их по ветру.

– Вы правильно сделали, что дали такую клятву, – сказала Мария, поймав недоуменный взгляд Энтони. – Попади это письмо в руки Елизаветы, она меня не пощадила бы; послание сэра Роберта – смертный приговор для меня. Не понимаете? Это оттого, что вы мужчина. Есть вещи, которые женщина никогда не простит другой женщине: не важно, что я не добивалась внимания сэра Роберта, – важно, что он предал Елизавету ради меня. Даже заговор для неё не так страшен, как это предательство. Что заговор! – заговоры всегда были и будут в политике, – но нет ничего ужаснее и позорнее для женщины, чем измена любимого мужчины. Прибавьте к этому возраст Елизаветы и возраст сэра Роберта – её увядание и его расцвет. Нет, такую обиду она не простит, – вы уж поверьте мне, милорд! Понятно, почему это письмо следовало уничтожить?

– Да, ваше величество. Однако вы не ответили мне на главный вопрос: даёте ли вы нам разрешение выступить? Ей-богу, нельзя больше медлить, надо начинать!

Мария помолчала с минуту.

– Если вы уверены в успехе, начинайте! – бросила она.

– Но мне нужен ваш письменный приказ. Игра пошла по-крупному, на кон поставлены многие жизни; нашим друзьям будет недостаточно моих слов, им потребуется зримое удостоверение того, что вы с нами.

– Хорошо, я напишу.

– И согласитесь на крайние меры? – спросил Энтони.

– Вы снова об убийстве Елизаветы?

– Да, ваше величество. Я хотел бы…

– Нет, милорд! – раздражённо оборвала его Мария. – Забудьте об убийстве. Я приказываю вам забыть.

– Как я могу забыть об убийстве, если оно заняло прочное место в истории нашей страны? Король Генрих своими безумными реформами уничтожил десятки тысяч человек: кого-то

перебили, кого-то лишили дома и имущества, а потом повесили за бродяжничество; не счесть тех, кого обрекли на голодную смерть. Мёртвые женщины, дети, старики нескончаемой чередой идут за Генрихом и смотрят на него с мучительным укором… Елизавета, которую народ встретил с восторгом, считая её спасительницей нации, продолжила дело отца. Во имя обогащения и процветания немногих она безжалостно сдирает кожу со всех прочих своих подданных, – и при этом улыбается и говорит правильные слова… Смерть шествует по нашему Отечеству и добром остановить её нельзя: «око за око, зуб за зуб», – сказано в Писании. Тиран должен расплатиться своими слезами за слёзы народа, пролить свою кровь за пролитую им кровь, отдать свою жизнь за погубленные жизни. Это будет не убийство, это будет возмездие: Бог и народ требуют от нас отмщения!

– Вы напрасно расточаете своё красноречие, – холодно сказала Мария. – Возвращайтесь в Лондон, заканчивайте приготовления; письмо с приказом выступить придёт следом за вами.

– Но кто доставит его? – спросил Энтони, не скрывая разочарования. – Неужели Кристофер? Ваше величество, я, всё-таки, не доверял бы ему.

– Я найду, кого направить к вам с письмом. Прощайте, милорд, – и да поможет вам Бог!

* * *

Сэр Эмиас пришёл к королеве перед обедом. Встав в дверях, он неуклюже поклонился и пробормотал традиционное приветствие.

– Чему обязана, милорд? – улыбнулась Мария. – У вас такое срочное дело, что вы не можете дождаться, когда мы встретимся за столом?

– У меня конфиденциальный разговор, – буркнул сэр Эмиас.

– Вот как? Бесс, дорогая, выйди, пожалуйста, – сказала Мария.

Проводив фрейлину взглядом, сэр Эмиас приблизился к королеве и невнятно произнёс:

– Я должен сообщить вам, мадам, что скоро в вашем положении произойдут большие изменения.

– Какие изменения, милорд? – удивленно спросила королева.

– Получен приказ из Лондона. Вас переведут в другое место, режим вашего содержания там будет более жёстким.

– Меня хотят заточить в темницу? – резко проговорила Мария, выпрямившись во весь рост.

– Это не совсем так, мадам. Просто ваша свобода будет ограничена, а охрана усилена.

– Вы говорите загадками, сэр Эмиас. Скажите прямо, почему со мной так поступают и что меня ожидает.

– Я говорю то, что мне приказано сказать. Могу добавить, что эти меры направлены на предотвращение ещё более худших событий, которые могут произойти в будущем.

– Что за события и каким образом будет ограничена моя свобода? – возмутилась Мария. – Я имею право знать.

– Безусловно. На это вы имеете право, – согласился сэр Эмиас. – Свобода ваша будет ограничена следующим образом. Пятьдесят солдат день и ночь станут караулить подходы к замку; вам будет строжайше запрещено покидать его, на людей из вашей свиты тоже распространяется этот запрет. Своего коня Роланда вы оставите здесь, равно как и всех остальных принадлежащих вам лошадей, так как они вам всё равно не нужны – время выездов на охоту и прогулок верхом для вас прошло.

– Как, мне не разрешат взять с собой Роланда?! – вскричала Мария. – Но он так привязан ко мне, что погибнет от тоски, не видя меня. Боже мой, разрешите перевезти его вместе со мной, – не будьте столь жестоки, милорд!

– Я ничего не разрешаю и ничего не запрещаю, – я лишь выполняю приказы, – возразил сэр Эмиас. – Далее. Переписка вам будет строго воспрещена, какие-либо контакты с посторонними лицами не допускаются. Вы не должны никому писать и ни от кого не получать письма. Все письма, приходящие на ваше имя, будут изыматься; показывать вам их не будут. Любые посылки, доставленные вам, будут тщательно просматриваться; книги, если таковые вам пришлют, подвергнутся досмотру вплоть до вскрытия корешка и обложки.

– Господи, как же я буду брать в руки книги со вспоротыми обложками? – насмешливо произнесла Мария.

– Не могу знать. Я передаю вам то, что мне велено передать, – повторил сэр Эмиас. – Это ещё не всё. Дабы быть уверенными, что вы никому не пишете, чернила, перья и бумагу у вас отберут, – однако и этого мало. Для того чтобы удостовериться в отсутствии у вас тайных записок и посланий, – а также предметов, могущих представлять опасность для обеспечения режима вашего пребывания в замке, – у вас будет дважды в день производится обыск. Он коснётся всего, что принадлежит вам: личных вещей, одежды и обуви.

– Вы будете рыться в моём белье и кромсать подошвы моих

башмаков? – презрительно спросила Мария.

– Я буду делать то, что мне приказывают, – ответил сэр Эмиас.

– Значит, вам приказали содержать меня как узницу? Очень мило, я благодарна моей сестрице Елизавете за такое отношении ко мне, – мрачно усмехнулась Мария. – Но почему бы ей не пойти дальше? Пусть меня поместят в подземелье, прикуют цепями к стене, посадят на хлеб и воду. Узница так узница – зачем моей сестре делать вид, что она относится ко мне как к королеве?

– Не могу знать, – снова повторил сэр Эмиас. – Кроме того, вам не дозволяется брать на новое место проживания никаких средств, которые женщины обычно используют для наведения красоты, – и ваш парикмахер с вами не поедет.

– Елизавета хочет, чтобы я выглядела огородным пугалом? Тщетная предосторожность. Моя кожа, моё лицо, мои глаза, мои волосы по-прежнему молоды, а её – состарились и увяли. Это ей не обойтись без кремов, бальзамов, без пудры и помады, а я прекрасно обойдусь без всего этого! – захохотала Мария, сверкая глазами. – Но какая мелкая, жалкая месть! Не думала, что Елизавета опуститься до такого. Если она подозревает меня в заговоре, если беспокоится о своей драгоценной персоне, то могла бы упрятать меня в глухой тюремный склеп, – но зачем же издеваться и унижать? Вот и видно, что в ней нет ни капли благородства: плебейка останется плебейкой, – в короне или без неё.

– Заговора её величество не опасается, – заметил сэр Эмиас, – Однако обстановка в стране нестабильная, грядёт война с Испанией, как вам известно. Существует вероятность, что кое-кто может воспользоваться нашими трудностями и попытается вызвать возмущение в народе, – если не что-нибудь похуже. Ваша жизнь тогда будет не в меньшей опасности, чем жизнь её величества. Я полагаю, – это уже моё мнение, – что вас переводят на новое место в ваших же интересах.

– В моих интересах? Где вы разглядели мои интересы? – нервно рассмеялась Мария. – Мои интересы в том, что меня запрут в четырёх стенах, лишат общения, будут обыскивать, – убьют, в конце концов, моего Роланда, милое животное, которое привязано ко мне и к которому я привязалась всем сердцем? И это вы называете заботой обо мне? Если моя августейшая кузина так боится заговора, он могла бы найти лучший способ, чтобы обезопасить себя и меня!

– Дело не только в заговоре, – загадочно проговорил сэр Эмиас. – Мне велели сказать вам, что её величество чрезвычайно недовольна вашим поведением в смысле нравственности.

– Моим поведением? Моей нравственностью? – Марии показалось, что она ослышалась. – Это невероятно! Объяснитесь, милорд.

– До королевы дошли слухи, что вы, презрев христианский обычай, ведёте себя распущенно и развратно. В частности, графиня Шлозбери пожаловалось на вас: вы склонили её мужа к прелюбодеянию, – графиня утверждает, что это далеко не единственный случай, когда вы совращали мужчин.

– Да как она посмела! – с дрожью в голосе воскликнула Мария. – Обвинить меня в прелюбодеянии и разврате, – меня, кто живёт здесь, подобно монахине; меня, вот уже двадцать лет лишенную мужского общества, не считая общества грубых охранников и солдафонов! Графиня Шлозбери сама развратница, интриганка и сплетница, – как посмела она обвинить меня! О, я могла бы рассказать моей сестрице, что говорила графиня про неё! Елизавета, мол, так тщеславна и так высоко мнит о своей красоте, словно она сама царица небесная. Она ненасытно жадна до лести и требует от своих потакателей, чтобы те постоянно ей кадили и превозносили её до небес, – сама же в припадке раздражения истязает своих придворных дам и горничных. Одной она будто бы сломала палец, другую, которая ей не угодила, прислуживая за столом, ударила ножом по руке. Если верить Шлозбери, моей сестрице уж никак не пристало разыгрывать непорочную и порочить других!

– Тем не менее, обвинение выдвинуто, – упрямо сказал сэр Эмиас.

– И это говорите мне вы, милорд? – на глазах Марии показались слёзы. – Вы со мной не один год, вы каждый день видите всё что я делаю, – и вы верите этому обвинению? Как вам не стыдно повторять эти гнусности.

– Я тут ни при чём. Вы спрашивали меня, что стало причиной изменений в вашем положении, и я вам ответил, – возразил сэр Эмиас. – Мне велели сказать вам, что её величество советует вам покаяться, забыть о греховных наслаждениях, предаться молитвам и благочестивым размышлениям. Её величество считает, что вам уже пора больше заботиться о душе, чем о теле. Все предметы, необходимые для религиозного отправления, вам разрешено взять с собой. Если хотите, вам закажут новую Библию или любые другие священные книги, способствующие исправлению человека.

– Пускай Елизавета закажет Библию себе! – закричала Мария. – Старая девственница, в постели которой побывало больше мужчин, чем бывает в публичном доме! Так вы верите графине Шлозбери? Вот вам ещё её свидетельство! Графиня говорила, что ваша королева не пропускает ни одного случая

потешить свою плоть и забавляется со всё новыми и новыми любовниками; Елизавета очень падкая до мужчин, – хотя уже старуха и кончает носить крови. К ней в кровать идут за положением и деньгами: известно, что она подарила 300 фунтов лакею, принесшему ей весть о возвращении Хэттена, её очередного любовника. Графиня предлагала мне, закатываясь смехом, включить моего сына в число возлюбленных Елизаветы, что, мол, принесет мне большие выгоды!

Я оборвала эту наушницу Шлозбери с её непристойными шутками, но я и без неё знаю, что слизняк Дадли был ширмой для любовников вашей королевы, которым она разрешала самые безумные ласки, но обманывала их надежды на полную близость, не давая удовлетворения! Это хуже, чем разврат, это за гранью разврата, – последняя куртизанка ведёт себя порядочнее Елизаветы! И она мне советует молиться и каяться – развратница, блудница, исчадье ада, упрёк Богу на земле!

– Мадам, мне не престало слушать такие слова о моей государыне, – сказал сэр Эмиас. – Что я должен буду написать в своём докладе в Лондон?

– Пишите, что хотите, – можете донести, что я ненавижу Елизавету! – продолжала кричать Мария. – Теперь один Господь рассудит нас с ней, теперь нам не быть вместе на этом свете! Пусть сгинет ваша королева, – или погибну я!

– Вы слишком далеко заходите, мадам, – невозмутимо проговорил сэр Эмиас. – Я вас предупреждал, чтобы вы были осторожны. Повторяю, я чувствую к вам симпатию и не желаю зла. Смиритесь, мадам, вспомните о заветах Спасителя, – примите как истинная христианка всё что выпало на вашу долю. Это последнее, что я могу сказать вам от себя. Более у нас не будет личных бесед, я буду выполнять свой долг.

– А я буду выполнять свой! – воскликнула Мария и осеклась. – Я благодарю вас, милорд, за доброе отношение ко мне, – в голосе королевы прозвучала язвительность, – и не упрекаю ни за какие ваши поступки. Вы прекрасный слуга её величества Елизаветы и можете этим гордиться.

– Спаси вас Бог, мадам, – со всей серьёзностью ответил сэр Эмиас.

* * *

Выпроводив его, королева позвала Бесс. Она вбежала, улыбающаяся и счастливая, но увидев опрокинутое лицо Марии, застыла посреди комнаты:

– Что случилось, ваше величество? Я думала, что пора одеваться к обеду.

– Я не буду обедать, – резко сказала королева. – Встань за дверью и проследи, чтобы никто не вошёл сюда. Мне надо написать письмо и я не хочу, чтобы меня тревожили. Можешь говорить, что тебе в голову взбредёт, но не пускай ко мне никого.

Первое письмо Мария написала быстро:

«Сэр Энтони!

Приступайте к осуществлению вашего плана. Верю, что Бог поможет вам, потому что вы выступаете за правое дело.

Если понадобятся крайние меры, не останавливайтесь перед ними. Убейте Елизавету, если нельзя по-другому. Зверь, вышедший из бездны, должен быть сражён.

Если это случится, вызволите меня из замка до того, как вести из Лондона дойдут сюда.

Мария, королева».

Отбросив перо, она забегала по комнате.

– Умри, умри, умри! – восклицала Мария, как безумная. – Двадцать лет ты держала меня взаперти, двадцать лет ты издевалась надо мной! Двадцать лет ты упивалась моими страданиями, не давая мне жить и не давая умереть! Лучше бы ты сразу убила меня, чем такие мучения. О, я была покорна, я смиренно выносила все унижения, которые ты с дьявольской изобретательностью придумывала для меня, – а ты упивалась моей беззащитностью и сладострастно наблюдала, как я старею и угасаю! Ты ждала, когда у меня кончится терпение, ты не торопилась, ибо знала, что убив меня, ты прекратишь эту пытку, которая доставляла тебе такое удовольствие. Больше я не намерена ублажать тебя: если я погибну, то пусть это станет последним удовлетворением, которое ты получишь от меня! Но чтобы со мной ни случилось, я не дам тебе восторжествовать. Я грешна, но ты грешна не меньше. Слишком долго и изощрённо мучила ты меня, чтобы я простила тебе. Простить – это значит надругаться над собой, признать, что я стала жалкой раздавленной тварью, ползающей в грязи, забывшей о гордости и недостойной называться подобием Божием! Я нанесу тебе такой удар, сестрица, которого не забудешь ты и не забудут потомки! Пусть на Страшном Суде с меня спросится за это, но я не могу иначе. Я не уйду в другой мир не отомщённой!

Мария взяла чистый лист бумаги и принялась писать, по-

прежнему дрожа от ярости, но теперь подбирая каждое слово.

«Сэр Роберт!

Я получила ваше послание и благодарна вам за него. Лучшие люди Англии собираются под мои знамёна, и вы один из достойнейших. Я понимаю, как плохо вам приходится при дворе Елизаветы, среди низких и подлых людей, которыми она себя окружила. Что делать, дорогой мой, такова нынче власть в нашей стране.

Я понимаю, что вам, с вашим благородством, честностью, прямотой души, невыносима обстановка лжи, лицемерия, своекорыстия, бесчестия, которая сложилась сейчас в высших кругах нашего общества. Порядки, установленные Елизаветой, развращают людские души и возвеличивают самые темные страсти человеческой натуры. По-другому и быть не может, поскольку эта королева способна править только негодяями, ворами, обманщиками, злодеями, а поставь Елизавету средь честных людей, как её тотчас прогнали бы прочь. Ночные твари не могут жить при свете дня, они хотели бы, чтобы на земле всегда царила ночь. Но этого не будет, – придёт новый день, засияет солнце и рассеет ночные кошмары. Бог – это свет, дьявол – тьма, так неужели свет не победит тьму?

Милой мой, потерпите немного. Я знаю, как вам хочется вырваться из тьмы на свет; я знаю, как опротивела вам Елизавета. Старуха, которая должна класть три слоя пудры на лицо, завешивающая драгоценностями дряблую кожу своей шеи, нечистоплотная и дурно пахнущая, – я понимаю, какое отвращение она у вас вызывает. Вам приходится терпеть её каждый день, – боже, что за наказание! Я вам сочувствую.

Я понимаю, какое омерзение вы испытываете, когда она силком тащит вас в постель, в которой побывало половина мужчин её двора; вам, молодому, красивому и здоровому, что за радость ласкать её увядшее холодное тело. У неё уже отходят крови, а она всё ещё хочет казаться юной девушкой, – как смешно, как противно!

Я знаю, как нелегко вам выдержать её капризы, перемены настроения, раздражительность и слезливость, вспыльчивость и грубость, непредсказуемые поступки и внезапную перемену настроения. Особенности её возраста дополняются издержками вульгарного

воспитания и непереносимого характера, отсутствием порядочности, бессердечностью и беспредельным себялюбием. Вы ангел, мой милый, потому что лишь ангел смог бы вытерпеть эту омерзительную женщину, – которую, впрочем, и женщиной назвать трудно.

О, я понимаю, что вами движут высокие мотивы: вы находитесь возле Елизаветы, желая приблизить час, когда Англия, наконец, избавится от неё! Я боюсь за вас: неужели моя сестрица ни о чём не догадывается, неужели она всерьёз полагает, что способна внушить любовь? Я успокаиваю себя тем, что она ослеплена гордыней и тщеславием; придворные лгуны постоянно убеждают Елизавету в неотразимости её чар, но знала бы она, как над ней потешаются за глаза! А при дворах Европы нет более забавной темы для рассказа, чем пошлое жеманство молодящейся английской королевы.

Мужайтесь, мой друг, скоро всё изменится и я смогу лично выразить вам свою признательность.

Мария.

P. S. Ваше послание я порвала, выполнив обещание, которое было вам дано».

– Да, сэр Роберт, я правильно угадала ваши мысли, – сказала она, закончив письмо. – В глубине души, в самых дальних, потаённых её уголках спрятаны ваша обида на Елизавету и желание избавиться от неё. Она ведь и вас унижает, ей нужно унижать других, чтобы ощутить свое превосходство; через унижение она утверждает себя. И уж, конечно, вам, здоровому молодому мужчине, не доставляет удовольствие ласкать женщину, которая по возрасту годится вам в бабушки.

А ты, сестрица, взяв в любовники двадцатилетнего юношу, неужели не понимала, что рано или поздно он тебя предаст? Ты поддалась чувству, и как женщина я пожалела бы тебя, если бы ты не была так жестока. Твоя поздняя любовь – это кара от Господа. Ты много лет мучила меня, а теперь будешь мучиться сама, терзаемая страхом, что тебя предадут, и невыносимо ясным пониманием того, что это неизбежно. Пусть же моё письмо добавит пламени в адский огонь, сжигающий твой ум и твоё сердце.

Если я стану победительницей, если сяду на престол, письмо будет уничтожено. Я не буду мстить тебе, Елизавета, если ты будешь повержена или убита. Но если я проиграю, я позабочусь о том, чтобы это письмо обязательно попало в твои руки. Ты

боишься предательства, ты боишься потерять свою последнюю любовь, – так на тебе, получи! Да, ты будешь раздавлена и уничтожена, твоя жизнь закончится вместе с моей, но я обрету покой, а ты – страдания.

Взгляд Марии упал на распятие, висевшее на стене. Она пала перед ним на колени и, чувствуя, как внезапные рыдания сдавили ей горло, простонала:

– Господи всеблагой, спаситель и заступник наш! Я грешна и по заслугам несу кару, но, Господи, есть предел наказанию! Я больше не могу, великий Боже, я прошу милости. Если я не достойна прощения в этой жизни, то освободи меня от неё, – я больше не могу, Господи! Ты, распятый на кресте и перенесший нечеловеческие муки, знаешь, как сладостно избавление от них. Господи, даруй мне вечный покой!

Мария заплакала и поцеловала распятие. Встав с колен, она продолжала ходить по комнате, затем села к столу и глубоко задумалась.

Вздохнув, она взяла лист бумаги с письмом сэру Роберту, перечитала его, покачала головой, потом свернула лист в свиток, завязала большой яркой лентой и положила в шкатулку, где хранились другие её письма, на самый верх, так чтобы его нельзя было не заметить.

На первом письме, к сэру Энтони, она аккуратно отрезала незаполненную часть листа, так что осталась лишь маленькая записка с текстом. Мария сложила её в несколько раз, чтобы она была по размеру не больше ногтя, достала из ящика стола простую флягу, похожую на те, в которые солдаты обычно наливают воду или вино, сняла крышку и, поддев ножницами внутреннюю сторону, спрятала записку в крошечный тайник, находившийся здесь.

Затем Мария налила во флягу вино из кувшина, закрыла её и позвала свою фрейлину.

– Ваше величество? – вошла в комнату Бесс.

– Меня спрашивал кто-нибудь?

– Да, мадам. Кристофер хотел вас видеть.

– Вот как? И что же ему надо?

– Он хотел предупредить вас, что прибыл гонец из Лондона.

– Зачем?

– Ах, ваше величество, я не знаю, как сказать… – Бесс с испугом смотрела на королеву.

– Что случилось? – впилась в неё глазами Мария.

– Гонец привёз приказ о переводе вас в другой замок. Кристофер говорит, что вас велено содержать там почти как узницу.

– Это не новость, – сказала Мария. – Это мне уже известно.

– Ваше величество, не сомневайтесь, я поеду с вами куда угодно! – взволнованно воскликнула Бесс. – Я никогда не покину вас.

– Да, я знаю, – рассеянно кивнула Мария. – Когда намечен переезд?

– Как можно быстрее. Мне сказал Кристофер, что так написано в приказе.

– Час пробил, час пробил… – проговорила Мария, сжимая в руках флягу.

– Что, мадам?

– Ничего… Может ли Кристофер выполнить моё поручение?

– О, ваше величество! Конечно, может! – воскликнула Бесс. – Разве я не говорила вам? Он сделает всё, о чём вы попросите.

– Час пробил. Позови Кристофера ко мне.

* * *

Сэр Эмиас производил обход замка. Он это делал каждый день после развода утреннего караула, но сегодня обход производился им с особой тщательностью. Сэр Эмиас прошёлся по всем постам, проверил, вычищено ли оружие, не отсырел ли порох, есть ли запалы; расспросил, знают ли постовые свои обязанности, что будут делать они в случае непредвиденных обстоятельств; посмотрел, как они несут службу, правильно ли понимают свои задачи, нет ли в их действиях халатности.

Помимо всего этого, он переговорил с солдатами об их питании, одежде и обуви, выяснил, нет ли каких-либо претензий, жалоб или просто жизненных проблем. Кое-какие жалобы были, и, хотя они носили пустяковый характер, сэр Эмиас отнёсся к ним очень внимательно и даже записал для памяти то, что ему говорили.

Сторонний наблюдатель решил бы, что сэр Эмиас готовится к каким-то серьёзным событиям, – и угадал бы лишь отчасти. Полученные из Лондона инструкции и приказы, действительно, предписывали наивысшую степень готовности и бдительности, но сэр Эмиас знал, что ничего этого не понадобится. Чутьё, приходящее с жизненным опытом, подкрепляющееся глубоким пониманием жизни и людей, подсказывало ему, что никаких осложнений в задуманном плане не случится.

Сэр Эмиас принимал меры повышенной безопасности прежде всего потому что привык неукоснительно соблюдать приказы, однако главным было его желание за выполнением приказа

скрыть свои личные чувства. Способ был привычным, много раз испытанным: ход дела становился важнее цели, к которой дело было предназначено. В этом смысле и оружие солдат, и порох, и одежда, и обувь, и питание, и просьбы – всё было ходом дела, а то к чему оно шло, отступало на второй план. Таким образом, личные переживания становились несущественными, а точное выполнение приказа приносило удовлетворение.

После обхода сэр Эмиас отправился на конюшню. Его сильно тревожило здоровье гнедой кобылы: она неудачно упала и ушибла ногу. Открытой раны не было, но кобыла сильно хромала, а в стойле старалась держаться на трёх ногах. Сэр Эмиас обстоятельно потолковал с конюхом по поводу способов её лечения. Конюх советовал нанести на ушиб красную глину с уксусом и периодически поливать холодной водой. Сэр Эмиас в принципе был согласен с ним, но считал, что вместо поливания лучше прикладывать поверх глины льняную ткань с завёрнутым в неё куском льда.

Они немного поспорили по этому поводу, но зато пришли к полному согласию насчёт продолжительности лечения: через два дня надо было лечить ушибленное место теплом, для рассасывания синяка, и накладывать уже согревающие повязки, втирая в то же время ртутную мазь, разбавленную виноградной водкой. Сэр Эмиас рекомендовал также давать кобыле по одному грану серы утром и вечером, а чтобы она проглотила серу, помещать граны между кусками хлеба с солью. Конюх и тут заспорил, однако сэр Эмиас привёл столько неопровержимых примеров, когда сера оказывала волшебное действие не только на заболевших лошадей, но и на собак, менее чувствительных к лечению вообще, – что конюху ничего другого не осталось, как согласиться с ним.

Сэр Эмиас не забыл подойти к Роланду, красотой которого не переставал любоваться. Раньше жеребец при приближении сэра Эмиаса прял ушами, всхрапывал и даже пытался укусить его, однако теперь явно начал привыкать. Сэр Эмиас дал ему охапку подвяленного клевера с люцерной и сеном – любимое лакомство Роланда, – и он взял угощение, более того, позволил погладить себя по морде. Сэр Эмиас был доволен, – он надеялся, что ему удастся приручить коня.

Выйдя из конюшни, сэр Эмиас уселся на скамью и, опёршись на свою длинную шпагу, задремал. Дремота его была спокойной и сладостной, но вдруг её прервал голос Кристофера:

– Сэр Эмиас! Сэр Эмиас! Да проснитесь же, ради бога! Сэр Эмиас, у меня важное дело!

Старик открыл глаза, тяжко вздохнул и спросил:

– Ну, что у вас случилось?

– Я разговаривал с королевой Марией, она дала мне поручение, которое я должен выполнить в Лондоне, – возбуждённо сказал Кристофер.

– Значит, всё-таки, решилась, – пробурчал сэр Эмиас. – Какого же рода это поручение?

– Я должен передать флягу с вином некоему сэру Энтони.

– Флягу с вином? Что это – тайный знак или во фляге есть двойное дно?

– Сэр Френсис разберётся.

– Он разберётся, – сэр Эмиас пожевал губами. – Вы хорошо ему служите; такой агент, как вы, находка для него. Где он вас подобрал?

– Подобрал? Я сам предложил ему свои услуги! – возмутился Кристофер. – Разве я валяющаяся на дороге монета, чтобы меня подобрали? Выбирайте выражения, милорд.

– Я солдат, моя шпага работает лучше, чем мой язык, – отвечал сэр Эмиас.

– Но вы сейчас не в бою.

– Это верно. А жаль…

– Я сам предложил сэру Френсису свои услуги, – продолжил Кристофер, решив не обращать внимания на ворчание старика. – Да, я сам предложил, потому что люблю риск, опасные ситуации и быстрые решения. Мне доводилось бывать в таких положениях, милорд, что другой на моём месте пропал бы, а я, как видите, жив и здоров. Опасность так приятна, какой восторг быть на краю гибели – и уцелеть! Если бы мы были вечными, если бы знали, что смерть не угрожает нам ежеминутно, какой пресной была бы наша жизнь. Именно смерть вносит в неё остроту, заставляет чувствовать, как прекрасно наше существование, а без смерти оно было бы никаким. Кто любит жизнь, тот не боится смерти, но играет с ней – это самая захватывающая игра на свете! В этом есть что-то поэтическое, недаром все поэты склонны к такой игре. Творческое вдохновение должно питаться запредельными ощущениями.

– Вы, должно быть, выросли в благополучной семье, – лениво проговорил сэр Эмиас. – Я давно заметил, что юноши из благополучных семей охочи до приключений. Остроты не хватает, вы сказали? Наверное, вы правы. Но, убей меня Бог, я не пойму, какую остроту вы нашли в нынешнем эпизоде вашей службы. Перехитрить находящуюся под стражей, лишенную власти королеву и соблазнить её фрейлину, наивную девушку, – это, по-вашему, опасное приключение?

– Нет, конечно. Это просто проба сил и продвижение вверх по

карьерной лестнице, – ответил Кристофер, по-прежнему не обращая внимания на иронию сэра Эмиаса. – Что поделаешь, женщины постоянно встречаются на нашем пути. Бывает, что от них многое зависит, бывает, что они многое знают, – надо уметь находить ключ к женскому сердцу. Как говорит сэр Френсис, агент, не умеющий расположить к себе женщину, – не агент. А насчёт крошки Бесс я вам так скажу: она хотела любви и она её получила. Полагаю, что теперь её будет, что вспомнить, – так же как и я буду вспоминать наши встречи с удовольствием.

– Полагаю, она удивилась бы, что так много значила для вас, – флегматично заметил сэр Эмиас.

– Вернёмся к делу, милорд, – Кристофер начал терять терпение. – Итак, я должен ехать в Лондон.

– Поезжайте, я вас не держу.

– А вы обязаны строго соблюдать полученные инструкции.

– Благодарю за напоминание.

– А если в Лондоне решат, что королева Мария слишком опасна, то вы и тут должны исполнить инструкцию…

Сэр Эмиас встрепенулся, распрямился и метнул молниеносный взгляд на Кристофера.

– Вам это велел передать сэр Френсис?

– Не только он.

– Стало быть, мне следует рассматривать это как приказ?

– Некоторые приказы не пишутся на бумаге.

– Ну уж, нет! – решительно сказал сэр Эмиас. – Я не хочу быть козлом отпущения; я прожил долгую жизнь и знаю, что высоким властям ничего не стоит взвалить вину на маленького человека, – тем более трудно бывает дождаться от них благодарности. А мои потомки, как быть с ними? Я вовсе не желаю, чтобы мои внуки стыдились имени своего деда. Вы предлагаете мне позорное задание, которое обесчестит не только меня, но и весь мой род. К тому же, вы забываете, что я скоро предстану перед высшей властью, перед высшим судьёй. У меня много грехов и я не стану прибавлять к ним ещё один, – быть может, тяжелейший.

– Сэр Эмиас! Ваш отказ может поставить вас в неприятное положение, – произнёс Кристофер с угрозой в голосе. – Подумайте о спокойной старости, которую вы заслужили.

– Эх, молодой человек! Спокойную старость я, действительно, заслужил, – не дрогнул сэр Эмиас. – Ни вы, ни сэр Френсис, ни даже её величество королева Елизавета, – если она замешана в этом деле, – ни в силах что-либо изменить. Я закончу свои дни в домике под большими вязами, у тихой речки, журчащей под пригорком. Дом давно построен, моя жена нянчит там наших внуков и дожидается, когда я присоединюсь к ней. Лишить меня

спокойной старости нельзя, если я не совершу какого-нибудь преступления, – а я его не совершу, будьте уверены. За невыполнение устного распоряжения меня можно отправить в отставку, не дать выходного пособия, причинить мне прочие мелкие неприятности, – что же, мой домик и тогда останется при мне. Я согласен уйти в отставку.

– Вопрос о вашей отставке не стоит, да и не мне это решать, – сказал Кристофер. – Но что мне передать в Лондоне?

Сэр Эмиас достал из сумки на поясе пузырёк с чернилами, бумагу и перо:

– Подождите немного. Я сам напишу в Лондон. Слушайте, – от вас у меня нет секретов, мой молодой друг: «Сердце мое преисполнено горечи, ибо, к великому моему сокрушению, я увидел день, когда мне предлагают свершить деяние, противное Богу и закону. Моя служба и жизнь в руках её величества, и я готов завтра же от них отказаться, если на то будет её воля, – но сохрани меня Бог пасть так низко, чтобы покрыть несмываемым позором весь мой род, согласившись пролить кровь без благословения закона и официального приказа. Надеюсь, мой всеподданнейший ответ будет принят с пониманием». Отдайте это в Лондоне кому следует, а от себя можете добавить всё что вам угодно. Прощайте, сэр Кристофер.

– До свидания, сэр Эмиас, – возразил он. – Мы скоро свидимся.

– Не думаю. Ваша служба здесь окончена, моя тоже подходит к концу. Эй, люди, оседлайте коня для молодого джентльмена; сэр Кристофер торопится.

Часть 5. Смертный приговор

По утрам в королевском парке копошились садовники, заканчивая последние летние работы и готовясь к осени. В этот ранний час обычно никто не мешал им, поэтому они с удивлением смотрели на молодую, хорошо одетую девушку, быстро идущую по аллеям. Некоторые узнавали в ней любимую фрейлину королевы и шептались, что у юной леди любовное приключение с одним из джентльменов, бывающих во дворце; некоторые даже видели, как влюблённые встречались у грота, построенного при недавней перепланировке парка.

Джейн действительно спешила на свидание с Энтони; она боялась, что придёт слишком рано, но он уже ждал её.

Она облегчённо вздохнула и на миг прижалась к его груди.

– У меня мало времени, скоро начнётся утренний туалет королевы, – сказала Джейн. – Не лучше ли нам переменить место встреч? Во дворце есть удобные комнаты поблизости от покоев её величества, где можно посидеть в тепле и уюте. На улице становится холодно, идёт осень.

– Скоро всё переменится, – ответил он, целуя ей руки. – Наступают последние дни.

– Что вы имеете в виду? – не поняла Джейн.

– Что? То же, что и вы – осень на пороге, – беспечно проговорил Энтони. – Вы любите осень, моя дорогая?

– Я больше люблю лето.

– А я люблю осень. Какая необыкновенная пора – какие краски, какие запахи; как легко дышится и как хорошо думается! Осень пышнее лета, даже пышнее весны, но важнее всего, что это время итогов и время новых свершений; осень – самое волшебное время года.

– И это все перемены, на которые вы надеетесь?

– О, милая моя Джейн! Вам кажется, что этого мало? – рассмеялся Энтони. – Ладно, а если я скажу вам, что через неделю-другую ваш опекун приедет из-за границы? Эта новость более значительная? Ведь тогда я смогу, наконец, попросить вашей руки.

– Мой опекун вернётся? Вы не ошибаетесь? – с сомнением переспросила Джейн. – На днях её величество спрашивала о нём и дала ему нелестную характеристику. Что ему делать в Англии, в таком случае?

– Елизавета спрашивала о вашем опекуне? – насторожился Энтони. – Она сама спросила или вы дали ей повод?

– Какая разница. По-моему, я заговорила о нём, – просто так,

к слову, – а её величество сказала, что он ей никогда не нравился и она старалась держать его подальше от двора.

– Понятно, – кивнул Энтони. – А скажите, Джейн, сэр Френсис больше не говорил с вами? После того как вы имели с ним неприятную беседу в подвале, он больше не говорил с вами?

– Славу богу, нет. Если бы он еще раз позволил себе так говорить со мной, я пожаловалась бы королеве, – волнуясь, сказала она. – Мне до сих пор противно вспоминать про это.

– Да, сэр Френсис страшный человек, – согласился Энтони. – Но боюсь, Елизавета вам не поможет: он её верный пёс, которого она недолюбливает за свирепость, однако ценит за преданность и сообразительность. Не обманывайте себя, Джейн, она скорее выдаст вас сэру Френсису, чем защитит от него.

– Вы несправедливы к её величеству, Энтони. У неё чувствительное сердце, поверьте мне! Как она переживала после ссоры с сэром Робертом, – спасибо, что вам удалось образумить его. Он стал внимательнее относиться к её величеству.

– Вот как? Значит, мои убеждения подействовали на него. Сейчас они живут в мире?

– Не совсем. Иногда между ними пробегает чёрная кошка, но в целом всё неплохо.

– Вы рассуждаете, как старая дама, прожившая полвека в браке, – улыбнулся Энтони. – Но возможно, сэр Френсис также говорил с сэром Робертом? Возможно, сэр Роберт принял к сведению его слова?

– Если бы сэр Френсис дерзнул говорить с сэром Робертом на эту тему без ведома её величества, сэру Френсису не поздоровилось бы. Одно дело, когда вы, по-дружески, беседовали с сэром Робертом, а другое дело – сэр Френсис. Нет, не он не посмел бы, не сомневайтесь, – уверенно сказала Джейн.

– О, вы хорошо стали разбираться в хитросплетениях придворных отношений! Не обижайтесь, это комплимент, – в конце концов, вы фрейлина королевы и должны понимать, какие порядки существуют во дворце. А скажите мне ещё, Джейн, не упоминала ли Елизавета про королеву Марию? Не было ли каких-нибудь намёков или вопросов о ней?

– Почему вы спрашиваете об этом? – Джейн недоумённо посмотрела на Энтони.

– Из милосердия и сострадания, – ответил он со вздохом. – Известно ли вам, что Марии плохо живётся на положении не то пленницы, не то незваной гостьи? Не забывайте, что она королева, самая настоящая королева, – каково же ей вот уже двадцать лет угасать в богом забытом замке? Случайно я раздобыл её стихи, вот послушайте:

Чем стала я, зачем ещё дышу?
Я тело без души, я тень былого.
Носимая по воле вихря злого,
У жизни только смерти я прошу.

Мое упованье, Господь всеблагой!
Даруй мне свободу, будь кроток со мной.
Терзаясь в неволе, слабея от боли,
Я в мыслях с тобой.
Упав на колени, сквозь слёзы и стоны
Тебя о свободе молю, всеблагой.

– Очень трогательно, мне жаль Марию, – но что поделать? Господь устроил так, что наша правительница – Елизавета. Мы не можем ничего изменить, нам остаётся только молиться о бедной Марии, – сказала Джейн.

– А если можем изменить? – теперь уже Энтони внимательно смотрел на Джейн.

– Что изменить? Я опять вас не понимаю, – растерянно произнесла она.

– Снимаю шляпу перед королевой Елизаветой, – ей удалось вырастить целое поколение людей, которые считают, что порядки в нашей стране незыблемы и установлены Богом! Однако давайте поговорим о нас. Дорогая Джейн, скажите мне по совести, вы могли бы простить любимого человека, если бы он совершил поступок, двойственный с точки зрения морали?

– Как это – двойственный? Разве мораль может быть двойственной? – удивилась Джейн.

– Почему нет? Возьмите Ветхий Завет и Новый: в Ветхом написано о воздаянии за грехи уже в этой жизни – «око за око и зуб за зуб» – причем, на тех, кто почитает Господа и служит ему, возложена прямая обязанность покарать нечестивцев; в Новом призывается к всеобщему прощению – «любите врагов ваших… подставь левую щеку, если тебя ударили по правой» – там говорится, что только Бог имеет право на воздаяние и отмщенье. Как узнать, что за мораль подходит к определённым обстоятельствам – взять ли нам в руки карающий меч или дождаться Божьего суда над преступником?

– О чём вы, Энтони? Вы сегодня решили загадывать мне загадки?

– Послушайте, моя милая Джейн, если бы вы точно знали, что некий человек является тираном, палачом, убийцей, что он принёс огромное горе людям и принесёт ещё большее, что его

надо остановить для спасения тысячей жизней, – вы одобрили бы убийство этого человека?

– Нет, не одобрила бы, – твёрдо ответила Джейн.

– Но почему? Ведь сохраняя ему жизнь, вы умножите число его жертв.

– Разве для того чтобы прекратить убийства, надо убивать? Можно сделать так, чтобы убийца никогда не смог убить, тогда и убийства прекратятся.

– И как это сделать? – усмехнулся Энтони.

– Как?… Я не знаю… Наверно, все добрые люди должны объединится против злых людей, и не давать им совершать преступления. Добрых людей больше, чем злых, и они сильнее их, потому что добро сильнее зла.

– А пока мы будем ждать объединения добрых людей для борьбы со злом, смерть будет продолжать своё победное шествие; слёзы и кровь будут литься по-прежнему. Нет, моя дорогая Джейн, кто-то должен остановить зло уже сейчас, кто-то должен взять карающий меч и нанести удар возмездия, кто-то должен спасти невинные души, положив свою душу за них! – вскричал Энтони.

– Вы меня пугаете, – сказала Джейн. – Что вы задумали?

– Любимая моя, – Энтони не удержался и поцеловал её, – обещайте мне, что вы не будете строго судить меня, чтобы вы обо мне не узнали. О, если бы мир был устроен иначе, наше счастье было бы так близко, так возможно! Но мир жесток, и если нам не суждено быть рядом, вспомним, что есть мир совершеннее нашего:

Наш век – как капля из ковша,
Как кем-то брошенное слово.
Зачем же ждёшь венца земного,
Землей пленённая душа?

О чем мечтаешь, чуть дыша?
Зачем ты мучаешься снова?
Сними с очей своих оковы
И к небу обратись спеша.

Там свет, которого ты жаждешь,
Там отдых, о котором страждешь
Средь ежедневной суеты.

И – напряги воображенье —
Увидишь там отображенье

Здесь позабытой красоты.

Что-то у меня нехорошо на сердце… Нет, нет, не смотрите на меня с таким отчаянием, – так ерунда, пустые страхи… Мы встретимся, мы обязательно встретимся, – но простите меня за всё, Джейн, и знайте, что я вас никогда не забуду.

– Господи, что вы говорите! Что с вами, Энтони, что вы задумали? Неужели… – она вдруг побледнела.

– Прощайте и простите, – Энтони зашагал к воротам парка.

– Энтони, Энтони! Постойте! – закричала ему вслед Джейн, но он будто не слышал её.

Садовники, работавшие неподалёку, с интересом наблюдали эту сцену.

– Энтони! – ещё раз позвала Джейн, но уже тише.

Когда он скрылся из виду, Джейн сказала себе:

– Нет, этого не может быть. Бог весть, что я вообразила; он честный и благородный человек, а я дурная женщина, если такие мысли приходят мне в голову. Он вернётся, обязательно вернётся; завтра мы встретимся. Просто у него сегодня плохое настроение, с мужчинами это случается.

* * *

Елизавета одевалась для игры в мяч. Портные королевы пошили для неё платье нового фасона, Елизавета хотела поразить сегодня придворных.

– Да, да, да, оно короткое, – посмеиваясь, говорила она своим изумлённым горничным, – оно не закрывает лодыжки. Но кто сказал, что платье для игр должно волочиться по полу? Думаю, что вид нижней части моих ног не очень-то смутит наших джентльменов, – но в любом случае, им придётся привыкнуть, потому что мне так удобнее. И никаких фижм – это платье свободного покроя, а на поясе мы стянем его ремнём.

– Мадам! – в ужасе вскричала главная хранительница гардероба. – Вы будете почти голая!

– Между прочим, в мяч играют даже монахи в монастырях. Во время игры они снимают рясы, оставаясь лишь в набедренных повязках, а то и вовсе нагими. А я не собираюсь раздеваться до исподнего, не пугайтесь, – ответила Елизавета, продолжая смеяться, а затем обратилась к Джейн: – Мой отец превосходно играл в мяч, несмотря на свою грузность. Залы для игры здесь, в Вестминстере, и в Хэмптон-корте построены им; он же разрешил

мастерам, изготавливающим мячи и ракетки, основать собственную гильдию, которая существует у нас до сих пор. Мы превзошли французов в этом искусстве: наши мячи сделаны из хорошей кожи и набиты шерстью, не содержат песок, мел, известь, отруби, опилки, мох, золу или землю, – а ракетки очень прочные и струны на них никогда не рвутся. Но надо признать, что французы больше нашего привязаны к игре в мяч. Я слыхала, что в Париже есть больше двухсот залов для этого: есть залы, где играют люди из низших сословий, свой зал есть в университете, для профессоров и студентов, – а во дворе Лувра построена открытая площадка для благородных джентльменов. Всех превзошел Франциск, дед нынешнего короля Генриха, – он оборудовал на своей яхте роскошный зал для игры.

Французы называют игру в мяч «jeu de paume», что означает «игра ладонью». Вначале мяч, действительно, отбивали ладонью, потом появились биты, – ну, а теперь мы пользуемся ракетками. Поэтому сейчас во Франции больше распространено другое название: «tenez», будто бы означающее «вот вам, берите!». Якобы слуга, вводящий мяч в игру, выкрикивает именно эти слова на латыни, а во французской интерпретации они звучат как «tenez». Чушь! Где ты видела слуг, говорящих на латыни? Я утверждаю, что «tenez» – это искажённое древнегреческое «tennia» – «тесьма», то есть лента, через которую греки перебрасывали мяч при игре. Об этом пишет, например, Гораций, который советует тем, кому не нравятся римские игры, попробовать греческие, в том числе «tennia».

Но бог с ним, с названием! Пусть французы и ошибаются в его происхождении, но играют в «tenez» они очень хорошо, – и женщины часто лучше, чем мужчины. Более века назад, в разгар Столетней войны, как раз в то время, когда Жанна из Арка так удачно выступила против наших войск, в Париже молодая и красивая женщина по имени Марго – опять Марго, заметь! – играла настолько блестяще, что с её темпом игры не могли сравниться лучшие из мужчин-игроков. Преклоняюсь перед француженками!.. Нет, туфли дайте мне из мягкой замши и без каблука, – сказала Елизавета горничной, принесшей ей обувь. – Я мучаюсь с каблуками каждый раз, когда играю… Да, французы любят игру в мяч, – продолжала она разговор с Джейн. – Карл Девятый, старший брат короля Генриха, был неплохим игроком и называл «tenez» одним «из самых благородных, достойных и полезных для здоровья упражнений, которыми могут заниматься принцы, пэры и другие знатные особы». Кстати, он сказал это за год до того, как кровавые Гизы устроили, с его разрешения, страшную резню в Париже накануне праздника святого

Варфоломея… Прекрасные родственники у моей кузины Марии: Гизы – её дядья и кузены по материнской линии, Карл – её деверь, брат первого мужа! – неожиданно воскликнула Елизавета. – А если вспомнить, к тому же, её свекровь Екатерину из рода Медичи, отравившую больше людей, чем чудовищный Александр Борджиа, то стоит ли удивляться, что такие родственники постоянно толкали и толкают Марию на преступления.

Джейн вздрогнула.

– Ваше величество, но Мария Шотландская уже столько лет находится под вашей опекой, – сказала она. – Разве она не искупила свою вину долгим затворничеством?

– Мою кузину держат под стражей для её же блага, – тут же ответила Елизавета. – Марию вечно вовлекают в какие-то заговоры. Кажется, злоумышленники должны были бы уже понять, что устраивать заговоры с участием моей кузины это всё равно что строить дом на болоте – обязательно провалится. Господи, Мария и заговоры! Смешно. Что бы она ни затевала и что бы для нее ни затевали другие, заранее обречено на неудачу. Иногда я думаю, какая славная получилась бы пара, если бы Марию выдать замуж за моего Дадли, – улыбнулась королева. – Вот был бы союз двух неудачников, – впрочем, слишком опасный как для них самих, так и для окружающих! Мария приносила несчастье всем, кому пришлось быть с ней рядом. Её первый муж умер, не прожив с ней одного года; второй муж был убит сразу после свидания с ней; третий муж потерпел полное поражение в войне со своими противниками, лишился состояния, уважения, чести и с позором покинул родину.

После смерти первого мужа Мария стала никому не нужна, и её попросту выгнали из Франции. О, я представляю, каким это было ударом для моей кузины, – как же, перед ней преклонялись, ей писали стихи, из-за неё дрались на поединках, – а потом прогнали прочь. Её, истинную королеву, в чьих жилах течёт кровь сорока поколений королей, имеющую права на половину Европы, такую красивую, утончённую, прекрасно воспитанную, образованную и умную – выставили вон за ненадобностью!

Приехав в свою Шотландию, она вообразила, что здесь-то покажет чего она стоит. Напрасно. До её приезда страна процветала, а своенравные шотландские лорды кое-как ладили между собой. Моя кузина перевернула всё вверх дном; желая создать великое государство, она подняла в нём разрушительную бурю гражданской войны, и через несколько лет Шотландия уже находилась на краю гибели. Второй муж Марии, лорд Дарнли, был ещё меньше пригоден для помощи в государственных делах, чем мой Дадли. Но Дадли, по крайней мере, джентльмен и ведёт

себя достойно, а Дарнли отличался грубостью и буйным нравом. Марии приходилось одновременно бороться со своими лордами и с ним, потому что он с редким постоянством предавал её, занимая их сторону. В конце концов, он так надоел шотландцам, что они его прикончили, – однако напрасно молва приписывает это убийство моей кузине. Мне нужно никаких доказательств, чтобы понять вздорность подобных слухов, – если бы Мария организовала этот заговор, Дарнли остался бы жив, потому что покушение непременно закончилось бы провалом.

Третий муж познал на себе всю силу её неудачливости: весной того злосчастного года, когда граф Ботвелл женился на ней, он был самым влиятельным человеком в Шотландии, а летом ему не позавидовал бы последний нищий. За три месяца потерять все свои земли, замки, войско, сделаться таким жалким, что у победителей не хватило духу убить его – есть ли ещё в истории пример подобного невезения?

В результате мне пришлось дать моей кузине убежище в Англии, а потом улаживать дела в Шотландии, – и все лорды этой страны, даже немногочисленные друзья Марии, в один голос просили меня, чтобы я, не дай бог, не позволила ей вернуться домой. Да что, лорды, – её собственный сын Яков отрёкся от матери! Он заключил со мной соглашение, в котором сказано, что Мария не должна возвращаться на родину. Несмотря на свой молодой возраст, Яков теперь успешно правит Шотландией, где постепенно забываются кошмары, связанные с Марией… Украшений не надо, они будут мне мешать, – распорядилась Елизавета, обращаясь к вошедшему в комнату хранителю драгоценностей. – Маленькие серьги с сапфирами под цвет глаз, пару золотых колец с финифтью, – и достаточно… Рассуди сама, дорогая Дженни, – повернулась она к фрейлине, – неужели я не была милостива к Марии? Двадцать лет я охраняю её от всяческих бед, трачу на её содержание пятьдесят два фунта в неделю, и это не считая расходов на охрану! А во сколько мне обходятся волнения, которые она мне причиняет: сэр Уильям и сэр Френсис мне все уши прожужжали, что Мария опасна, что за ней стоят влиятельные лица в Европе, желающие использовать мою кузину в своих интересах, – а сейчас, когда мы готовимся воевать с Филиппом, её могут сделать знаменем испанского вторжения в Англию… Что мне делать с Марией, я не знаю. Королевой ей уже никогда и нигде не быть, – и это хорошо для всех, – однако сама она по-прежнему считает себя королевой. Просто наказание иметь такую родственницу! Это мой крест, который мне нести всю оставшуюся жизнь; меня нужно пожалеть, а не Марию… А почему ты спросила о ней?

– Я случайно услышала стихи, которые она написала. Очень трогательные, – ответила Джейн, покраснев. – Она молит Бога освободить её от земного существования и вверяет ему свою душу.

– Вот как? – Елизавета взглянула на Джейн. – Что же, все мы в руках Господа, и моей кузине следовало бы почаще вспоминать об этом. А молить его о смерти – это грех. Надо смиренно сносить испытания, которые он нам посылает. Её гордыня и здесь проявляет себя, Мария восстает против Бога. По её мнению, он тоже обращается с ней неподобающим образом, забывая, что она королева. Нет, она неисправима, – не знаю, что с ней делать!.. Пожалуй, я готова, – сказала Елизавета, посмотревшись в зеркало. – Можно идти играть в мяч; уверена, что ни на одной из придворных дам не будет такого платья.

* * *

В окружении своей свиты королева шла по дворцовым коридорам. Настроение её величества было великолепным, она смеялась и обменивалась шутками со своими приближенными. Платье Елизаветы произвело надлежащее впечатление, – вначале придворные остолбенели, потом переглянулись, а после начали хвалить её непревзойдённый вкус. Однако на всём пути в зал для игры в мяч они продолжали искоса поглядывать на это платье, пожимать плечами и многозначительно поднимать брови. Дамы в то же время кляли себя за то, что отстали от моды, и внимательно изучали фасон платья Елизаветы, чтобы пошить такие же наряды для следующей игры.

Перед самым входом в зал Елизавету дожидался сэр Френсис. Увидев платье королевы, он тоже изумлённо уставился на него и не сразу приветствовал её величество.

– Вам нравится, милорд? – задорно спросила королева, расправляя платье.

– М-да, наверное, – промычал сэр Френсис. – Я не знаток женской моды, ваше величество.

– Вы хотели сыграть с нами в мяч? – продолжая улыбаться, сказала Елизавета.

– У меня нет времени на такие забавы, – отрезал сэр Френсис. – Мне необходимо переговорить с вами.

– Как, прямо сейчас? Неужели нельзя отложить до вечера, а лучше всего – до завтра? – Елизавета не теряла хорошего расположения духа. – Что такое могло случиться? Надеюсь, испанцы не высадились на нашем берегу?

– Нет, мадам, но у меня чрезвычайно важное дело, которое не терпит отлагательства, – сурово проговорил сэр Френсис.

– Кто-то из великих литераторов сказал, что около каждого счастливого человека надо поставить сторожа с колокольчиком, чтобы не дать забыть о несчастиях других людей. Вы, милорд, тот самый сторож, приставленный ко мне, – со вздохом произнесла Елизавета.

– Как вам будет угодно, мадам, – пробурчал сэр Френсис.

– О боже, что за напасть быть королевой! Ладно, пройдёмте во флигель… Господа, я оставлю вас на короткое время, – прибавила она, обращаясь к придворным.

Войдя в комнату, Елизавета не стала садиться, подчёркивая этим, что разговор должен быть недолгим. Однако сэр Френсис не торопился: он достал из своей поясной сумки две бумаги, – меньшая из них была сложена в несколько раз, большая свёрнута в рулон, – и принялся тщательно распрямлять их.

– Может быть, вы уже начнёте, милорд? – спросила Елизавета.

– Минуту, – отвечал сэр Френсис, продолжая распрямлять бумаги, и лишь когда закончил, посмотрел на королеву и сказал: – Дело чрезвычайной важности. Мы раскрыли опаснейший заговор, который имел целью отнять власть и жизнь вашего величества.

– Я подумала, что у вас действительно серьёзное дело, – протянула Елизавета, желая уязвить его. – А у вас просто очередной заговор. Опять несколько фанатиков или испанских агентов хотели взять штурмом дворец, перебить всю стражу, уничтожить моих министров, а затем и меня? Или на этот раз они собирались взорвать Вестминстер? А, возможно, прорыть подкоп из пригородов Лондона прямо в мою спальню? Я не преуменьшаю опасность, сэр Френсис?

– Фанатики и испанские агенты собирались захватить вас во дворце и лишить жизни, – ответил он, не замечая её ироничного тона.

– Боже, как скучно! Никакой выдумки. И стоило ради этого мешать моим развлечениям? – продолжала подтрунивать над ним Елизавета.

– Ваше величество недооценивает значения этого заговора. Во-первых, он непосредственно связан с подготовкой войны против нас. Во-вторых, в нём замешана Мария Стюарт.

– Ну, это становится нашей традицией! Не будь у нас Марии с её заговорами, Англия определённо что-то потеряла бы. Я только что разговаривала со своей фрейлиной об этом, – и вот, пожалуйста, подтверждение! – рассмеялась Елизавета.

– Вы говорили со своей фрейлиной об этом? С которой из них? Я полагаю, что это была леди Джейн?

– Как вы проницательны, милорд! Как вы догадливы! Сразу видно, что вы начальник секретной королевской службы, – не унималась Елизавета.

– Догадаться не сложно, – сказал сэр Френсис, ничуть не задетый её замечанием. – Главой заговора является некий сэр Энтони, жених этой юной леди, а сама она оказала нам помощь в раскрытии планов заговорщиков.

Улыбка сбежала с лица Елизаветы.

– Уж не хотите ли вы сказать, что Джейн работает на вас? – спросила королева.

– Нет, мадам, она помогала нам, но не более того. Ваша фрейлина по своей наивности даже не подозревала, в какие события оказалась вовлечена. Её мнимый жених использовал доверчивость леди Джейн в своих интересах.

– Значит, здесь не было предательства? – с облегчением заключила Елизавета. – Слава Богу! Метко сказано, «предатели могут кому-то нравиться, но предательство не нравится никому». Однако бедняжка Джейн любила своего Энтони, – каково ей будет узнать, что он государственный преступник и должен понести заслуженную кару.

– Ваше величество, в данном случае важны не судьба этого негодяя Энтони и не переживания леди Джейн, – недовольно поморщился сэр Френсис, – важно участие в заговоре Марии Шотландской. Я докладывал вашему величеству, что испанцы обязательно постараются нанести удар нам в спину и их орудием будет Мария. Сколько можно жить на пороховой бочке?

– У вас есть доказательства участия моей кузины в этом заговоре? – спросила Елизавета.

– Конечно. Я не стал бы обвинять бездоказательно. Два часа назад все участники заговора арестованы, а ещё нам удалось перехватить послание Марии к ним, – сэр Френсис подал королеве маленький листок бумаги.

– «Сэр Энтони! Приступайте к осуществлению вашего плана. Верю, что Бог поможет вам, потому что вы выступаете за правое дело. Если понадобятся крайние меры, не останавливайтесь перед ними. Убейте Елизавету, если нельзя по-другому. Зверь, вышедший из бездны, должен быть сражён. Если это случится, вызволите меня из замка до того, как вести из Лондона дойдут сюда. Мария, королева», – прочитала Елизавета и сказала с усмешкой. – Да, это написано моей кузиной, – и когда она уймется? Что же, ещё один заговор, ещё одна неудача. Возьмите эту бумажку и приобщите её к своему архиву, милорд, – сколько

там уже набралось таких писем!

– Ваше величество, вы с ума сошли? – не сдержался сэр Френсис. – Если вы не цените свою жизнь, подумайте об Англии. Это дело нельзя положить в архив, ему надо дать законный ход.

– Вы, как всегда, очень любезны, милорд, – ответила Елизавета, не позволяя раздражению овладеть собой. – Однако с ума сошли вы, а не я. Если дать делу законный ход, это будет означать смертный приговор для Марии.

– Вы сами говорили, что нужны веские причины, дабы перетянуть на чаше весов правосудия святость рождения и звания шотландской королевы. Я точно запомнил ваши слова. Теперь веские причины есть, – не отступал сэр Френсис.

– Вы змей-искуситель, сэр Френсис, – сказала Елизавета. – Вы считаете, что я не хочу избавиться от своей взбалмошной кузины? Вы полагаете, что мне не надоели заговоры Марии? Вы думаете, мне нравится выделять из казны бешеные деньги на её содержание? Я борюсь с собой, а вы меня искушаете.

– «Не старайтесь побороть себя, если не хотите остаться в проигравших», – так говорил ваш отец, король Генрих.

– Перестаньте! Мой отец не был святым человеком, и вы это отлично знаете! – воскликнула королева. – В конце концов, ваше предложение вредно с политической точки зрения. Вы хотите поставить закон над монаршей волей, а монарха, как обычного смертного, предать суду. Вы понимаете, к чему это может привести? Достаточно один раз показать, что святость власти ничего не стоит; достаточно позволить одну-единственную вольность народа к государю; достаточно посеять одно зёрнышко сомнения в неприкосновенности личности правителя, – и королевство зашатается. Если бы я даже ненавидела Марию во стократ сильнее, чем ненавижу её, я всё равно не согласилась бы на её казнь… Возьмите же, говорю вам эту бумажку, и спрячьте её в архив.

– Эту бумагу тоже приобщить к архивным делам? – спросил сэр Френсис, принимая от королевы первое письмо и показывая ей второе. – Мы изъяли это послание при обыске у самой Марии.

– Вы её уже обыскали? – удивилась Елизавета. – Всего два часа назад вы арестовали заговорщиков в Лондоне, а уже успели обыскать мою кузину в её замке и даже привезти мне это письмо? Как вы успели? Если бы ваши люди летали по воздуху, подобно птицам, то и тогда они не смогли бы преодолеть за такое короткое время путь от Лондона до замка и обратно.

– Мадам, ваша секретная служба создана именно для того, чтобы всюду поспевать и раскрывать преступления прежде, чем они свершатся, – внушительно проговорил сэр Френсис. – Мария

Стюарт обыскана и помещена под крепкий караул. В её шкатулке мы обнаружили вот это письмо. Кроме меня, ни один человек не прочёл его, можете не сомневаться.

– Благодарю вас за деликатность, милорд, – это так не похоже на вас, – сказала Елизавета, углубляясь в чтение.

Строчки письма замелькали у неё перед глазами: «Сэр Роберт! Я получила ваше послание и благодарна вам за него… Я понимаю, как плохо вам приходится при дворе Елизаветы, среди низких и подлых людей, которыми она себя окружила. Эта королева способна править только негодяями, ворами, обманщиками, злодеями, а поставь Елизавету средь честных людей, как её тотчас прогнали бы прочь… Я знаю, как опротивела вам Елизавета. Старуха, которая должна класть три слоя пудры на лицо, завешивающая драгоценностями дряблую кожу своей шеи, нечистоплотная и дурно пахнущая… Я понимаю, какое омерзение вы испытываете, когда она силком тащит вас в постель, в которой побывало половина мужчин её двора… У неё уже отходят крови, а она всё ещё хочет казаться юной девушкой, – как смешно, как противно! Я знаю, как нелегко вам выдержать её капризы, перемены настроения, раздражительность и слезливость, вспыльчивость и грубость… Особенности её возраста дополняются издержками вульгарного воспитания и непереносимого характера, отсутствием порядочности, бессердечностью и беспредельным себялюбием… Она ослеплена гордыней и тщеславием; придворные лгуны постоянно убеждают Елизавету в неотразимости её чар, но знала бы она, как над ней потешаются за глаза! А при дворах Европы нет более забавной темы для рассказа, чем пошлое жеманство молодящейся английской королевы… Мужайтесь, мой друг, скоро всё изменится и я смогу лично выразить вам свою признательность. Мария».

Елизавета подняла глаза на сэра Френсиса, и он невольно отступил на шаг назад.

– Это фальшивка? Письмо ей подбросили? – голос королевы был неестественно спокоен, но взгляд ужасен.

– Вы же знаете почерк вашей кузины, – прохрипел сэр Френсис, у которого вдруг перехватило горло.

– Тогда почему вы не доложили мне, что сэр Роберт писал Марии?

– К сожалению, нам не удалось вовремя выяснить это, потому что…

– Я прикажу вас четвертовать! – пронзительно закричала королева. – Это измена! Вы предали меня!

– Ваше величество…

– Молчите! Завтра же вы взойдёте на плаху!

– Ваше величество!

Елизавета резко отвернулась от него и подошла к окну. Её плечи тряслись, она лихорадочно повторяла:

– Господи, за что, господи! Он мне изменил! И с кем, – с Марией! Она пишет обо мне такое ему, – ему, которого я люблю, – ведь я люблю его! Господи, да есть ли справедливость на этом свете?! За что они так поступили со мной, что я им сделала? Господи, боже великий, почему ты не покарал изменников? Господи, ты должен был их покарать!.. А ты, Мария, – яростно выкрикнула Елизавета через мгновение, – ты подлейшая из тварей, ты ответила мне злом за добро! Слишком долго я прощала тебе, – и вот она, твоя благодарность! Ты не смогла победить меня в сражении за королевство и тогда ты решила уничтожить меня как женщину, – ты опозорила и раздавила меня. Как я могу быть королевой после этого? Где найти мне опору, как уважать себя? Только твоя смерть теперь вернёт меня к жизни; твоя смерть – моя жизнь! Ну, так не жди от меня пощады, – ты сама подписала себе смертный приговор!

Сэр Френсис застыл посреди комнаты, как соляной столб. Елизавета взглянула на него, её глаза бешено блистали.

– Соберите Королевский Совет! – приказала она и выбежала из комнаты.

* * *

С перекошенным лицом Елизавета быстро шла по длинным коридорам дворца, и все кто встречался на её пути, испуганно шарахались в сторону. Гвардейцы, нёсшие стражу около покоев сэра Роберта, не узнали королеву и преградили ей дорогу.

– Вон! – крикнула Елизавета и гвардейцы отпрянули прочь.

Сэр Роберт заканчивал последние приготовления для того чтобы пойти играть в мяч. Возле кресла, в котором он сидел, суетились слуги и парикмахер; услышав крик королевы, они замерли и уставились на дверь.

– Идите! – замахал на них сэр Роберт и они выскочили в заднюю дверь в тот же момент, когда королева вошла в переднюю.

– Мадам, я должен извиниться за своё опоздание, – сказал сэр Роберт, встав с кресла и поклонившись. – Проклятый парикмахер отрезал мне целый локон волос. Простите меня, но не мог же я появиться на людях в таком виде, не рискуя вызвать всеобщий смех. Пришлось делать завивку, чтобы скрыть проплешину. А у

вас очаровательное платье, мадам, оригинальное и очень вам идёт…

– Вы писали Марии? – перебила его Елизавета.

– Какой Марии?

– Вы писали разным Мариям? Я спрашиваю о моей кузине, Марии Стюарт.

Сэр Роберт растерялся.

– Нет, – ответил он после короткой паузы.

– Лжёте! – закричала Елизавета. – Вы писали ей!

– А, вспомнил! Вы, наверно, говорите о том письме, в котором я известил её, что служу исключительно вам? – поспешно произнёс сэр Роберт. – Меня заставляли поклясться ей в своей преданности, но я категорически отказался сделать это.

– Читайте! – королева швырнула письмо Марии ему в лицо.

Сэр Роберт успел подхватить бумагу. Искоса поглядывая на Елизавету, он принялся читать. Вскоре письмо задрожало в его руках, а сам он смертельно побледнел.

– Боже мой! – вырвалось у него. – Клянусь, я ничего подобного ей не писал! Если бы моё письмо сохранилось, вы бы сами убедились. Клянусь!

– Мерзавец! Как вы посмели писать ей! – возопила Елизавета. – Как вы посмели общаться с этой гадиной! Вы обсуждали с ней меня!

– Нет же, нет! Клянусь, в моём письме была всего одна строчка! – с отчаянием воскликнул сэр Роберт. – Одна строчка о моей преданности вам!

– Негодяй! Вы отправляли ей письма, у вас была налажена переписка, вы предали меня! – ещё громче закричала Елизавета. – Ничтожество, я вытащила вас из грязи, а вас надо было втоптать в грязь! Что вы собой представляете, – пустое место, безвольная тряпка, самовлюблённый осёл! Чем вы были без меня, кто бы вас заметил? Вы видны лишь в лучах моей славы, вы согреты моим теплом, – но вы плюёте на солнце, которое вас греет, безмозглый дурак! Ваша глупость превосходит вашу мерзость, подлец!

– Ваше величество, но послушайте, я клянусь…

– Молчи! – закричала Елизавета так, что зазвенели подвески на люстрах и подсвечниках. – Вы подленько хихикали за моей спиной, потирая свои мерзкие ручонки, уже представляя, как будете стоять у трона Марии, – гнусной шлюхи, погубившей всех своих мужей! Не дождётесь этого! Вы забыли, чья я дочь: я сама воткну ваши отрубленные головы на кол! Но сперва у вас переломают кости, вытащат жилы, сдерут кожу! Я придумаю для вас такие пытки, что московский царь Иван перевернётся в своём гробу. О, с какой радостью я буду смотреть на ваши муки, с каким

восторгом слушать ваши стоны! Ваша казнь станет самым лучшим зрелищем в моей жизни.

– Ваше величество, казните меня, но… – пытался вставить потрясённый сэр Роберт.

– Молчать! – на лице королевы проступили красные пятна, видные даже сквозь густой слой пудры. – С этой крысой, всюду роющей свои кривые ходы и кусающей людей, вы говорили обо мне; вы насмехались надо мной, вы называли меня последними словами! Как две грязные сплетницы, вы собрали всё самое отвратительное и пошлое, что могла сочинить обо мне чернь; вы дополнили это собственными болезненными выдумками, вы не пропустили ни одного пятнышка на моём белье, чтобы ни придать ему отвратительный смысл. Вы хотели унизить меня, но показали свою уродливую сущность; я смеюсь над вами, я презираю вас!

– Ваше величество! – вскричал сэр Роберт, которого колотила крупная дрожь.

– Молчать! – Елизавета вдруг принялась наотмашь бить его по лицу. – Я вас научу, дрянной мальчишка, как уважать королеву! Вы запомните, каково изменять мне!

У сэра Роберта хлынула кровь из носа и разбитой губы.

– Ваше величество, – всхлипнул он, даже не пытаясь укрыться от ударов.

– Негодяй, негодяй, негодяй! – прокричала Елизавета и упала с рыданиями на кресло.

– Ваше величество, – сэр Роберт встал перед ней на колени, – простите меня, умоляю вас, простите! Я виноват перед вами, – да, я глупец, я болван, я идиот, – но я не предатель! Я не знаю, как получилось с этим письмом к Марии, я не понимаю, почему она написала мне такой ответ, – я люблю вас и всегда любил! Будь она проклята, эта Мария, раз доставила вам страдание, – я проклинаю её, слышите! Я ваш и только ваш с той минуты, когда вас увидел и до самой смерти; для меня нет в мире другой женщины!

Елизавета продолжала плакать. Сэр Роберт всё так же стоял на коленях, не смея вытереть кровь, капающую на его на роскошное жабо с фламандскими кружевами.

– Возьмите, – сказала, наконец, королева, вытерев слёзы и подавая платок ему. – У вас губа распухла и нос тоже… Пусть это будет вам уроком.

– Благодарю вас, мадам, – обрадовано ответил сэр Роберт, поднимаясь с пола. – Разрешите, я налью вам вино?

Елизавета кивнула. Посмотрев на себя в зеркало, она досадливо поморщилась и стала пудриться, используя туалетные

принадлежности сэра Роберта.

– Как же это могло случиться с вашим письмом? – спросила она через несколько минут. – Как вы могли написать Марии и почему не признались мне в этом?

– Видимо, сам дьявол сыграл со мной злую шутку. Поверите ли, я ни за что на свете не написал бы это проклятое письмо, но он так и вился вокруг меня, – а я, к тому же, был пьян, – с тяжёлым вздохом признался сэр Роберт.

– Кто вился вокруг вас? Дьявол? – взглянула на него Елизавета.

– Нет, мадам, этот… как его… Энтони. Втёрся в доверие, назвался другом детства, а я на дыбе скажу, что не знал его прежде.

– Что же, всё-таки, вы написали в своём письме?

– Одну строчку, мадам, всего одну строчку! О том, что я служу вам и буду служить впредь, – горячо проговорил сэр Роберт, прижав руку к сердцу.

– Да? – Елизавета недоверчиво смотрела на него.

– Клянусь вам, мадам! Клянусь спасением своей души, райским блаженством, божьим судом! – он не отвёл глаз, выдержав её взгляд.

– А зачем Энтони нужно было такое письмо от вас? Не кажется вам, что это странно?

– Спросите у него, я плохо разбираюсь в политике.

– Это уж точно, – пробормотала про себя Елизавета, а вслух сказала: – Энтони спросят, можете не сомневаться: сэр Френсис умеет развязывать языки. Но предупреждаю вас, милорд, – если окажется, что вы меня обманули, вы тоже пойдёте в гости к сэру Френсису.

– Лишь бы этот Энтони не оклеветал меня, он такой каналья, – встревожился сэр Роберт.

– Сэр Френсис разберётся. Судя по ответному письму Марии, вы, в самом деле, ничего не писали ей обо мне…

– Клянусь!

– Наверно, я погорячилась: вы не столь виноваты, как я вначале подумала. Я замолвлю за вас словечко перед сэром Френсисом, – Елизавета слегка улыбнулась. – Теперь-то я понимаю, что это Мария решила поймать вас в свои сети, пользуясь вашей детской простотой и наивностью. Она полностью раскрыла себя, у нас теперь есть достаточно доказательств, чтобы предать её суду. Пусть суд объективно и беспристрастно рассмотрит преступления Марии и воздаст ей по заслугам… Вам её не жалко?

– Упаси господи! – воскликнул сэр Роберт. – Если бы я входил

в Верховный суд, я потребовал бы казнить Марию.

– Ну, это не нам решать, мы же с вами не судьи, – возразила Елизавета – Пускай приговор ей вынесут наши знатоки законов; доказательства есть. Кстати, о доказательствах… Разожгите камин, милорд, я хочу сжечь это мерзкое письмо. Никто не увидит его больше – не было этого письма, никогда не было!..

Глядя, как лист бумаги в огне съёжился, почернел и рассыпался в прах, Елизавета сказала:

– Я собиралась дать вам титул графа Эссекса и вы его получите. Но запомните, в первый и в последний раз я прощаю вас. Если вы когда-нибудь ещё измените мне, я выполню своё обещание – ваша красивая голова скатится под топором палача.

– Я не изменял и не изменю вам, – торжественно произнёс он. – Но если такое случится, я сам буду молить вас о смерти.

– Запомните это, – повторила Елизавета.

* * *

Члены Королевского Совета ждали её величество более двух часов. Она вошла в зал, одетая в строгое тёмное платье; лицо королевы было похоже на маску, неподвижную и бесстрастную. Усевшись на обитое шёлком кресло, что стояло под королевским гербом с переплетёнными алой и белой розами, Елизавета дала знак сэру Уильяму начать заседание.

– Ваше величество! Милорды! Государственное дело особой важности, которое мы сегодня разбираем, чудовищно по сути и могло иметь гибельные последствия для нашей страны. Благодаря верному слуге её величества сэру Френсису, – сэр Уильям отвесил ему поклон, – раскрыт заговор, имеющий целью лишить её величество королеву Елизавету престола и жизни.

Среди членов Совета раздался возмущённый гул.

– Милорды! Некий человек по имени Энтони, собрав шайку злодеев, намеревался убить королеву. Он и его сообщники схвачены, судьям предстоит вынести приговор этим преступникам. Здесь, я полагаю, вопросов не возникнет: в качестве доказательства мы представим суду бумаги Энтони, из которых неопровержимо следует наличие заговора против её величества и намерение убить её.

– Заговорщики уже сознались во всём, – подал голос сэр Френсис. – Их показания записаны и тоже могут быть приобщены к делу.

– Вот как? Сэр Френсис, вы славно работаете во имя нашего государства!

– Благодарю вас, милорд, – отозвался сэр Френсис.

– Однако, как выяснилось, в заговоре замешана особа, весьма известная нам, и неоднократно замышлявшая зло против её величества, но дотоле неприкосновенная по причине своего высокого положения. Я говорю о Марии Стюарт, королеве Шотландской. Она была организатором этого заговора, и тому тоже есть доказательства, – а именно собственноручное письмо Марии Шотландской к вышеуказанному Энтони, где содержится открытый призыв убить её величество Елизавету. Вот это письмо, милорды. Здесь написано в числе прочего: «Сэр Энтони! Приступайте к осуществлению вашего плана. Убейте Елизавету, если нельзя по-другому». Подпись: «Мария, королева».

– Какое злодейство! Наказания, наказания! – послышались голоса в зале.

– Милорды, я понимаю ваши чувства и должен сообщить, что их разделяют достопочтенные джентльмены из парламента, – продолжал сэр Уильям. – Не дожидаясь окончания следствия, на основании имеющихся фактов они составили петицию на имя королевы. Разрешите огласить, ваше величество, – склонился он перед Елизаветой, – нижайшую просьбу ваших парламентариев?

Королева кивнула.

– «Во имя религии, нами исповедуемой, во имя безопасности священной особы королевы и блага государства всеподданнейше просим скорейшего распоряжения вашего величества о том, чтобы вынесли приговор королеве Шотландской, а также требуем, поскольку это единственное известное нам средство обеспечить безопасность вашего величества, справедливой неотложной казни названной королевы», – зачитал сэр Уильям.

– Поблагодарите господ из парламента за их верную службу Англии и королеве, – сказала Елизавета, – но мы пока не дадим ответа. В этом деле всё должно быть безупречно, потому что если найдутся какие-нибудь ошибки, виновата буду я. Мы, государи, стоим на подмостках истории, не защищенные от взглядов и любопытства всего мира. Малейшее пятнышко на нашем одеянии бросается в глаза, малейший изъян в наших делах сразу же заметен, и нам должно особенно пристально следить за тем, чтобы наши поступки всегда были честны и справедливы.

– Запишите это слово в слово, господин секретарь, – громко прошептал сэр Уильям. – Ваше величество, – продолжал он, – мы разделяем ваши чувства, мы глубоко ценим ваше стремление всегда и во всём придерживаться принципов справедливости, мы восхищаемся вашим благородством. Но, ваше величество, мы должны, тем не менее, принять, руководствуясь вашими указаниями, какое-то определенное решение сегодня. Считаете ли

вы, что Мария Шотландская заслуживает смерти? Ваше величество, народ, потрясенный её злодеяниями, благодарит Господа за ваше чудесное спасение и ждёт справедливого возмездия для преступницы.

– Я также смиренно благодарю Бога, ниспославшего мне чудесное спасение, – ответила королева. – Однако хоть жизнь моя и подверглась жестокой опасности, больше всего, признаюсь, меня огорчило, что особа моего пола, равная мне по сану и рождению, к тому же близкая мне родственница, виновна в столь тяжких преступлениях.

– О, как мы понимаем вас, ваше величество! – воскликнул сэр Уильям.

– Я ещё не закончила, милорд… Но даже и теперь, когда дело зашло так далеко, я охотно простила бы Марию Стюарт, если бы она принесла полную повинность и никто бы от ее имени не стал больше предъявлять ко мне никаких претензий; от этого зависит не только моя жизнь, но безопасность и благополучие моего государства. Ибо только ради моего народа я дорожу ещё жизнью.

– Немедленно запишите это, господин секретарь, – вновь прошептал сэр Уильям. – Однако, ваше величество, – продолжил он, – разве не справедливо вынести приговор преступнице, покушавшейся на самое святое, что есть в Англии, – на вашу жизнь? Милорды, – обратился он к членам Совета, – выскажите своё мнение по этому поводу.

– Смерть! Смерть! Смертный приговор! – раздались крики. – Приговорить к смерти!

– Есть ли среди нас такие, кто не согласен с этим? – спросил сэр Уильям.

– Нет, – ответили ему, – это общее мнение.

– Ваше величество, – обратился он к Елизавете, – Королевский Совет нижайше просит вас направить дело в Верховный суд для вынесения смертного приговора Марии Шотландской. Если вы не сделаете этого, нельзя поручиться за вашу жизнь и безопасность ваших подданных.

Королева молчала. В зале установилась гробовая тишина.

– Вы удивляетесь, что я молчу? – произнесла Елизавета после очень долгой паузы. – Я сегодня в большем затруднении, чем когда-либо. Говорить и жаловаться было бы с моей стороны лицемерием, молчать – значило бы не отдать должного вашему рвению. Вас, разумеется, удивит мое недовольство, но, признаться, я лелеяла надежду, что будет найден какой-то иной выход для того, чтобы обеспечить вашу безопасность и мое благополучие. Поскольку же установлено, что мою безопасность нельзя обеспечить иначе, как ценой жизни Марии Стюарт, мне

бесконечно грустно, ибо я, оказавшая милость стольким мятежникам, молчаливо прошедшая мимо стольких предательств, должна выказать жестокость в отношении моей собственной кузины.

– Мы восхищены вашим благородство, ваше величество, – повторил сэр Уильям, – мы знаем, что вы добры и милостивы, но опасность, исходящая от Марии Шотландской, именно потому так велика, что Мария ваша родственница.

– Увы, вы правы, милорд, – вздохнула Елизавета. – И всё же, я хочу дать Марии Стюарт последнюю возможность спастись. Как я уже сказала, если Мария принесёт мне полную повинность, если напишет покаянное письмо, я пощажу её. Такова моя воля! – повысила голос королева, перекрывая шум. – Я не оспариваю вашего мнения, мне понятны ваши доводы, я только прошу вас, милорды: примите мою благодарность, простите мне мои сомнения и не обижайтесь на этот мой ответ без ответа.

Елизавета подняла и пошла к выходу. Когда она покинула зал, шум поднялся с новой силой; сэр Уильям поманил к себе сэра Френсиса и прошептал ему:

– Что же это такое? Неужели опять сорвалось? Что же дальше?

– Нет, с Марией Шотландской покончено, она не покается, – ответил сэр Френсис, жутковато улыбаясь. – Считайте, что Марии больше нет, – дело сделано.

Эпилог

– Дженни, прочти мне описание казни Марии, – попросила Елизавета. – Боюсь, что при первом чтении я упустила некоторые подробности.

Джейн развернула свиток, поднесла его к свечам и принялась читать:

– «Прежде всего, Мария Шотландская написала письмо её величеству королеве Елизавете»…

– Да, вот это письмо, – перебила её Елизавета и, в свою очередь, прочитала: – «Мадам, я от всего сердца благодарю Создателя за то, что он с помощью ваших происков соблаговолил избавить меня от тягот томительного странствия, каким стала для меня жизнь. А потому я и не молю вас продлить её, достаточно я вкусила её горечь. Я только прошу (вас, а не кого иного, так как знаю, что от ваших министров, людей, занимающих самые высокие посты в Англии, мне нечего ждать милости) исполнить следующие мои просьбы: прежде всего я прошу, чтобы это тело, когда враги вдосталь упьются моей невинной кровью, было доставлено преданными слугами куда-нибудь на клочок освящённой земли и там погребено – лучше всего во Францию, где покоятся останки возлюбленной моей матери, королевы; там это бедное тело, нигде не знавшее покоя, доколе нерасторжимые узы связывали его с душой, освободившись, найдет успокоение… И наконец, прошу, чтобы слугам, верой и правдой служившим мне среди стольких испытаний и невзгод, было дозволено удалиться куда им вздумается и там беспрепятственно существовать на те крохи, какими сможет вознаградить их моя бедность. Ваша сестра Мария, королева»… Она будет похоронена в Англии, – сказала Елизавета. – Незачем вести её останки на континент, – не хватало ещё, чтобы там им поклонялись как святым мощам… Продолжай, Дженни.

Джейн читала дальше:

– «Исходя из просьбы королевы Марии, её фрейлина по имени Бесс была с ней до самого конца. Фрейлина плакала и молила королеву о прощении за какую-то страшную вину перед ней; Мария утешала её, как могла.

Следует отметить, что королева вела себя с большим достоинством. Накануне своего последнего дня она платье за платьем перебрала весь свой гардероб, изволив шутить при этом: «Что сейчас одевают на собственную казнь? Что предписывает нам мода в этом случае?». Королева выбрала платье из темно-

коричневого бархата, отделанное куньим мехом, со стоячим белым воротником и пышно ниспадающими рукавами.

Утром перед казнью королева Мария одевалась особенно тщательно. Поверх выбранного накануне платья она накинула чёрный шелковый плащ, а голову закрыла снежно-белым покрывалом; такими же, белоснежными, были её сафьяновые башмачки. В предвидении последней кровавой минуты королева надела исподнее платье пунцового шелка и длинные, по локоть, огненного цвета перчатки, чтобы кровь, брызнувшая из-под топора, не так резко выделялась на её наряде.

В восемь часов утра королеву Марию вывели на казнь. Сопровождаемая своей фрейлиной и избранными слугами она вошла парадный зал замка. Здесь был воздвигнут помост, покрытый чёрной холстиной, наподобие катафалка. Перед обитой такой же чёрной тканью колодой на помосте была поставлена скамеечка с чёрной же подушкой, на которую королева должна была приклонить колена, чтобы принять смертельный удар. Палач и его подручный, одетые в чёрный бархат и скрывшиеся под чёрными масками, ждали сигнала.

В глубине зала был сооружён барьер, за которым сгрудились наблюдатели, присланные из Лондона, а также дворяне, съехавшиеся со всей округи, чтобы посмотреть на казнь.

Королеве зачитали приговор; она выслушала его, будто это была благая весть, и по окончании возблагодарила Бога за то, что её страдания приходят к концу. Затем сказала во всеуслышание, что от всего сердца простила врагов, давно домогающихся её крови, поцеловала принесённое с собой распятие и прочитала молитву: «О милосердный Иисус, руки твои, простёртые на кресте, обращены ко всему живому, – осени же и меня своей любящей дланью и отпусти мне мои прегрешения. Аминь».

Далее, по обычаю, палач и его подручный попросили прощения у королевы Марии за то, что вынуждены уготовить ей смерть. Мария ответила им: «Прощаю вам от всего сердца, ибо в смерти вижу я разрешение всех моих земных мук». С неё сняли покрывало и плащ, после чего допустили фрейлину Бесс и прислужниц для последнего прощания. Королева обняла их и просила не причитать и не плакать навзрыд.

Закончив прощание, она преклонила колена на подушку, громко прочла псалом «на тебя, Господи, уповаю, да не постыжуся вовек» – и опустила голову на колоду. Должно признать, что ни в одном движении её не проглядывал страх.

Палач нанёс удар, но допустил промах, сперва попав не по шее, а по затылку. Мария захрипела, из горла её вырвались стоны, – каковое зрелище вызвало движение среди зрителей, а

фрейлина королевы упала, лишившись сознания.

Второй удар глубоко рассек шею, так что кровь брызнула фонтаном, но голова по-прежнему не отделилась от туловища. И только после третьего удара палач поднял голову за волосы, чтобы показать всем присутствующим. Они прокричали: «Да здравствует королева Елизавета!», – но крик был недружным, ибо губы Марии продолжали вздрагивать, а зубы скрежетали.

Тело и голову Марии положили на носилки, закрыли их чёрным сукном и унесли. Дворяне разъехались по домам; никаких происшествий отмечено не было, не считая того, что наблюдалось некоторое сочувствие к королеве Марии».

– Что же, конец её жизни был лучше, чем сама жизнь. Пусть Бог простит рабу свою Марию, – с чувством сказала Елизавета. – Однако я поняла, что зря казнила её, – прибавила она через мгновение. – О, нет, я не жалею, что отняла у неё жизнь, – я жалею, что дала ей бессмертие! Дворяне сочувствовали ей, подумать только! А меня, значит, осуждали? Вот оно, людское непостоянство: пока Мария была жива, её проклинали и требовали, чтобы я расправилась с ней, но когда я пошла навстречу чаяниям моего народа, проклинать стали меня.

– Да, ваше величество, – безучастно кивнула Джейн.

– Что-то ты сегодня грустная, моя милая, – посмотрела на неё королева. – Всё горюешь о своём Энтони? Он не заслуживает этого: он был авантюристом и преступником. Рано или поздно этот Энтони сложил бы голову, – и хорошо, что это произошло до того, как он на тебе женился. Разве такой жених тебе нужен? Мы найдём тебе кавалера при дворе, знатного, красивого, с богатством и положением, – и скоро ты позабудешь Энтони!

– Мадам, прошу вас, отпустите меня в ваши заокеанские владения! – глаза Джейн неожиданно наполнились слезами. – Скоро в Америку отправляется корабль.

– Что ты, дорогая, – Елизавета погладила её по щеке. – Всё пройдёт. Не надо совершать необдуманных поступков.

– Нет, мадам. Я решила служить Богу, ему одному, – вздохнула Джейн. – Отпустите меня в Америку, ваше величество.

– Но там живут дикари, а мы отправляем туда каторжников. Как же ты будешь среди них?

– Я буду нести им слово Божие – дикарям и каторжникам. Моё место именно среди них, – сказала Джейн. – Отпустите меня, мадам.

– Ну, не знаю, не знаю, – проговорила королева с большим сомнением. – Я подумаю. Ступай, отдохни, мы потом поговорим об этом…

– И она предает меня, – сказала Елизавета, оставшись в

одиночестве. – Неужели мой удел – быть преданной теми, кто близок мне? Я пришла в этот мир, когда он пошатнулся, когда перестала цениться жизнь человеческая, когда подлость и обман сделались всеобщим правилом существования, а честь и порядочность подвергались осмеянию. По мере моих слабых сил я старалась восстановить божий порядок хотя бы в своей стране, – и что я получила? Меня называют великой правительницей, мне воздают невиданные почести, но всё это лишь для того, чтобы спрятавшись в моей тени, продолжать творить подлости. Поэтому я обязана быть сильной, сильнее мужчин, – но кто тогда защитит меня, чтобы я почувствовала себя женщиной? Мои слабости ставят мне в вину, моими слабостями пользуются для достижения своих целей, но ведь женщина должна быть слабой, чтобы не перестать быть женщиной, – а у меня отняли это право. Кто помнит, что я женщина – женщина, которая хочет любить и быть любимой?… А когда меня уже не будет, годы моей жизни будут измерять моим королевскими деяниями, – но заметят при этом, что они могли быть лучше, если бы я не была женщиной.

Глядя на мой парадный портрет, потомки скажут: «Вот она какая была, королева Англии», – и никто не вспомнит Елизавету, дочь несчастной Анны Болейн, казнённой по приказу своего мужа!..

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»